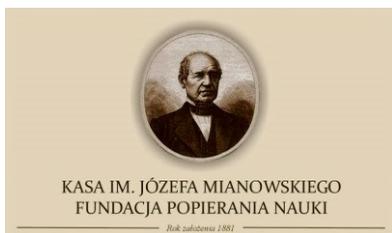

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

Фонд поддержки науки «Касса им. Юзефа Мяновского»

Академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора

SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых

*Сборник научных трудов
по итогам польско-российских научных семинаров
(Варшава – Пултуск, 1–15 сентября 2012 г. ;
Новосибирск, 8–22 октября 2012 г.)*

Новосибирск

2013

УДК 94(571.1/.5)(=162.1)(082)
ББК 63.3(253)(=415.3)я431
С34

Редакционная коллегия:

И. С. Трояк, кандидат исторических наук (отв. ред.)
О. Н. Катионов, доктор исторических наук
Д. В. Карнаухов, доктор исторических наук
Н. Н. Родигина, доктор исторических наук

Перевод с польского: И. С. Трояк

Рецензенты:

К. Б. Умбрашко, доктор исторических наук
Е. Б. Артемьева, кандидат педагогических наук

ISBN 978-5-94560-240-3 © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Государственная публичная научно-техническая
библиотека Сибирского отделения Российской академии
наук (ГПНТБ СО РАН), 2013
© Фонд поддержки науки «Касса им. Юзефа Мянковского», 2013
© Академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, 2013

Содержание

Предисловие.....	7
Приветственное слово организаторов проекта	13

Общие проблемы изучения истории поляков в Сибири

<i>Карнаухов Д. В., Нечыпор К.</i> Опыт и перспективы российско-польского сотрудничества в области изучения истории поляков в Сибири	19
<i>Шостакович Б. С.</i> Исторические и современные парадигмы изучения польско-сибирской истории: взгляд из второго десятилетия XXI в.....	29
<i>Недзелюк Т. Г., Козял А.</i> История ментальностей в зеркале сибирско-польских и польско-сибирских международных конференций.....	49
<i>Шубякевич Т.</i> Библиография зарубежной полоники, польская сибирика и сибирская полоника в фондах Национальной библиотеки в Варшаве	60
<i>Мандригина Л. А.</i> Труды по истории поляков в Сибири в базах данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН	76
<i>Попов А. В.</i> Источники по истории польской диаспоры в Сибири: полоника в трудах ученых и российских архивах	86
<i>Супрун М. Н., Павлов И. Ю.</i> Изучение истории поляков в Сибири и правовые проблемы доступа к архивной информации в современной России	92
<i>Блаховская К.</i> Образ Сибири в современных польских учебниках и атласах по истории	106
<i>Илюшечкина Т. Н.</i> Польские книги в собрании европей- ских старопечатных изданий сибирской академической библиотеки	123

Исследование отдельных аспектов польско-сибирской проблематики

<i>Соколовский И. Р.</i> Поляки в Сибири XVII в.: обзор источников	133
<i>Швачинский Т.</i> Польско-российские отношения в саксон- скую эпоху и судьбы поляков в Сибири (на примере дневников Людвика Сеницкого)	143
<i>Туманик Е. Н.</i> Персоналогические исследования в изучении ключевых проблем сибирско-польской истории XIX в.	149

<i>Трояк И. С.</i> Польская сибирика XIX в. как феномен книжной культуры: методология и источники.....	157
<i>Неуважный А.</i> Польские военнопленные в Сибири 1812–1815 гг.	165
<i>Вольневич М.</i> Имперский дискурс в «Описании Забайкальского края» Агатона Гиллера.....	182
<i>Вуйчик А. Я.</i> Прикладная геология в исследованиях Кароля Богдановича и его учеников в Сибири на рубеже XIX и XX в.	199
<i>Островский Л. К.</i> Источники по истории польской диаспоры в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.	214
<i>Тухольский З.</i> Участие поляков в строительстве Транссиба и Китайско-Восточной железной дороги: к постановке вопроса.....	223
<i>Давыденко Н. А. В. Ф.</i> Сокульский – «пионер артельного маслоделия» в Сибири.....	229
<i>Посадков А. Л.</i> Сибирский след в судьбе Антония Оссендовского (1900–1921 гг.).....	242
<i>Завадский Ц.</i> Польские культурные автономии на территории Иркутского консульского округа в 1990–2011 гг. как фактор формирования национального сознания.....	268
Список сокращений.....	277

Contents

Preface.....	7
Welcome address of the organizers of the project.....	13

Common problems of studying the history of Poles in Siberia

<i>Karnauchov D. V., Nieczyppor K.</i> Experience and prospects of the Polish-Russian cooperation in the field of history of Poles in Siberia.....	19
<i>Shostakovich B. S.</i> Historical and contemporary paradigm of learning Polish-Siberian stories: a view from the second decade of the XXI century.....	29
<i>Nedzelyuk T. G., Koziat A.</i> The history of mentalities in the mirror Siberian-Polish and Polish-Siberian interna- tional conferences.....	49
<i>Szubiakiewicz T.</i> Bibliography of foreign Polonica, Polish Sibirica and Siberian Polonica in the collections of the National Library in Warsaw.....	60
<i>Mandrinina L. A.</i> Works on the history of Poles in Siberia in the databases of its own generation of SPSL.....	76
<i>Popov A. V.</i> Sources on the History of the Polish diaspora in Siberia: Polonica in the writings of scholars and Russian archives.....	86
<i>Suprun M. N., Pavlov. I. Y.</i> Study of the history of Poles in Siberia and the legal problems of access to archives in modern Russia.....	92
<i>Błachowska K.</i> The image of Siberia in contemporary Polish textbooks and atlases on the history.....	106
<i>Ilushechkina T. N.</i> Polish books in the collection of incuna- bula European Siberian Academic Libraries.....	123

The study of certain aspects of the Polish- Siberian perspective

<i>Sokolovsky I. R.</i> Poles to Siberia in the XVII century: Overview of sources.....	133
<i>Szwaciński T.</i> Polish-Russian relations in the Saxon era and the fate of Poles in Siberia (for example, diaries Ludwik Sienicki).....	143

<i>Tumanik E. N.</i> Personological research in the study of the key problems in Siberia and the Polish history of the XIX century	149
<i>Troyak I. S.</i> Polish Sibirica XIX century. as a phenomenon of literary culture: Methodology and Sources.....	157
<i>Nieuważny A.</i> Polish Prisoners-of-War in Siberia 1812–1815.....	165
<i>Wolniewicz M.</i> Imperial discourse in Agaton Giller’s “Opisanie Zabajkalskiej Krainy” [“Description of the Zabajkalsky Krai”]	182
<i>Wójcik A. J.</i> Applied Geology in research Karol Bogdanovich and his disciples in Siberia at the turn of the XIX and XX centuries.....	199
<i>Ostrovsky L. K.</i> Sources on the History of the Polish diaspora in Western Siberia to the turn of the XIX–XX centuries.....	214
<i>Tucholski Z.</i> The participation of Poles in the construction of the Trans-Siberian and Chinese Eastern railway: to the question	223
<i>Davydenko N. A. F.</i> Sokulsky – «artisanal butter industry pioneer» in Siberia	229
<i>Posadskov A. L.</i> Siberian trace the fate of Anthony Ossendowski (1900–1921)	242
<i>Zawadzki C.</i> Polish cultural autonomy within the consular district of the Irkutsk region in 1990–2011 as a factor in the formation of national consciousness	268
List of abbreviations	277

Предисловие

Профессиональные контакты академических и вузовских центров разных стран в области гуманитарных исследований развиваются все активнее. В этом процессе важным средством коммуникации, способствующим расширению и укреплению сотрудничества российских ученых с учеными из других государств, является организация научных форумов, задача которых состоит в обмене опытом в области изучения ключевых проблем совместной истории. Особенно важным в этой связи представляется развитие научных контактов России и Польши при исследовании истории Сибирского региона, которая вот уже более трехсот лет неразрывно связана с судьбами многих поколений поляков.

Предлагаемый читателю сборник является итогом цикла прошедших в сентябре–октябре 2012 г. польско-российских научных семинаров «SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых», организованных Государственной публичной научно-технической библиотекой СО РАН и старейшим Фондом поддержки науки Польши «Кассой им. Юзефа Мянковского» при поддержке российских и польских партнерских организаций – Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета, Академии гуманитарных наук им. Александра Гейштора (Пултуск), Исторического института Варшавского университета, Национальной библиотеки в Варшаве. В данном издании собраны статьи участников проекта, которые выступали с докладами и сообщениями на научных сессиях в России и Польше.

В сборнике предпринята попытка комплексного и многоаспектного освещения истории поляков в Сибири, при этом основное внимание обращается на вопросы методологии, источниковой и историографической базы исследований польско-сибирской проблематики, вклад польских и российских ученых в разработку отдельных аспектов данной темы. В издание также

вошли материалы, представляющие опыт исследования конкретных проблем истории польской диаспоры в Сибири.

Поскольку многообразие рассматриваемых вопросов не позволило редколлегии остановиться на едином принципе построения сборника, систематизация материалов проводилась по тематическому и хронологическому признакам. Таким образом, сборник условно можно разделить на два блока.

Первый блок составляют статьи общего характера, посвященные осмыслению накопленного опыта, а также научной инфраструктуре исследований польско-сибирской истории в Польше и в России.

Открывает сборник статья координаторов проекта *Д. В. Карнаухова* и *К. Нечыпора*. В ней рассказывается о проекте «SIBIRICA», рассматриваются основные достижения и проблемы в сфере исследований польско-сибирской проблематики в России и Польше. Авторы обосновывают необходимость создания центра научной информации и координации, контактов и обмена опытом между польскими и сибирскими учеными. Изучение истории поляков в Сибири, по их мнению, требует координации усилий самых разных специалистов. Укрепление кооперационных связей научных школ России и Польши позволили бы вести совместные исследования по конкретным проблемам, а также создать общую информационную базу данных трудов по истории поляков в Сибири.

Основные тенденции и тематические направления в изучении истории поляков Сибири рассматривает в своей статье, пожалуй, самый известный и авторитетный российский специалист в данной области – *Б. С. Шостакович*. Анализируя опыт предыдущих изысканий он делает вывод о том, что, учитывая современную парадигму исторических исследований, нужен принципиальный пересмотр и внесение существенных коррективов в трактовки польско-сибирской проблематики в рамках как региональной, так и общей сибирской истории.

Статья *Т. Г. Недзелюк* и *А. Козял* в некоторой степени является логическим продолжением двух предыдущих публикаций, только здесь авторы сосредоточили свое внимание на международных научных конференциях по вопросам польско-сибирской истории, проследив изменения в тематике их докладов.

Участие Национальной библиотеки в Варшаве в проекте «SIBIRICA» говорит о заинтересованности польских центров

научной информации в сотрудничестве с российскими. Об этом свидетельствует и тот факт, что одной из задач проекта являлось обсуждение возможности создания библиографической базы данных и электронной библиотеки, необходимой для информационного обеспечения научных исследований по истории пребывания поляков в Сибири. В своей статье сотрудник отдела библиографии заграничной полоники Национальной библиотеки в Варшаве *Т. Шубякевич* описал возможности поиска польской сибиряки и сибирской полоники в библиографических базах данных этой библиотеки, а также показал основные перспективы использования этих баз исследователями. Отметим, что деятельность Национальной библиотеки в Варшаве по созданию библиографических баз данных полоники представляет собой значительный интерес для ГПНТБ СО РАН и открывает возможности для взаимного сотрудничества двух крупнейших библиотек Польши и Сибири.

Во время проведения семинаров в Новосибирске ГПНТБ СО РАН также представила собственные разработки в области библиографии. Кроме того, в фондах библиотеки было начато выявление изданий, посвященных истории поляков в Сибири, и создание рабочего варианта библиографической базы данных по этим публикациям. Предварительные результаты этой работы представлены в статье старшего научного сотрудника отдела научной библиографии ГПНТБ СО РАН *Л. А. Мандриной*.

Основные этапы историографии истории польской диаспоры в Сибири и источники, наиболее часто используемые исследователями, рассматриваются в статье *А. В. Попова*. Констатируя, что в настоящее время на территории России находится самое крупное собрание архивной полоники, автор отмечает необходимость создания ее единой справочной базы.

В работе *М. Н. Супруна* и *И. Ю. Павлова* рассматриваются правовые проблемы, которые могут оказать существенное влияние на возможности доступа исследователей к архивной информации при изучении новейшей истории, в том числе истории депортаций польских граждан в северные и восточные районы СССР.

Статья *К. Блаховской* дает возможность узнать о том, как Сибирь представлена на страницах наиболее используемых современных учебников и исторических атласов для средней школы в Польше. Автор делает вывод о том, что содержащийся

в учебниках материал не является достаточным, а зачастую больше информации о Сибири можно найти в исторических атласах, которые представляют собой дополнение к материалу из учебников.

Заканчивается первый блок статей работой *Т. Н. Илюшечкиной*, в которой представлен краткий обзор изданий, опубликованных в Польше, изданных на польском языке или же отмеченных польскими владельческими знаками и находящихся в собрании европейских старопечатных изданий отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН. Исследование польских книг в составе данного собрания может помочь в изучении истории европейской книги, частных и общественных польских библиотек, позволит проследить судьбу отдельных книжных изданий и причины, по которым они оказались в Сибири.

Круг проблем, интересующих польских и российских специалистов, принимавших участие в проекте, достаточно широк. Представленные в сборнике статьи освещают различные этапы истории поляков в Сибири, поэтому материалы второго блока были распределены по хронологическому признаку. В то же время существует несколько общих направлений, которые объединяют эти работы, несмотря на то что посвящены они разным историческим периодам – от XVII до начала XX в.

Практически все авторы этого блока постарались проанализировать опыт предыдущих исследователей, а также представить основные источники по теме своих изысканий. Публикации *И. Р. Соколовского*, *И. С. Трояк*, *Л. К. Островского* непосредственно касаются источников по темам их исследований. *Т. Швачинский* проанализировал последние достижения польской и российской науки в области исследований польско-российских отношений в период правления королей Саксонской династии и показал, каким образом изучение данной проблематики может способствовать более глубокой интерпретации немногочисленных источников, касающихся судеб поляков в Сибири в эту эпоху. Помимо историографического и источниковедческого обзоров в статье *А. Неуважного*, посвященной польским военнопленным в Сибири 1812–1815 гг., содержатся богатые фактические сведения по данной теме.

Статья *М. Вольневича* носит историко-философский характер и является попыткой применения постколониального подхода к исследованиям польских описаний Сибири. Анализируя

«Описание Забайкальского края» А. Гиллера, автор выдвигает гипотезу о том, что конструкции имперского дискурса, присутствующие в данном сочинении, выполняли разные функции по отношению к коренным народам Сибири и по отношению к России. Однако это предположение, по мнению автора, требует подтверждения на более широком источниковом материале.

Внимание авторов ряда публикаций привлекали биографии и деятельность отдельных представителей польской диаспоры в Сибири в XIX – начале XX в. Методологические основы биографических исследований освещает *Е. Н. Туманик*. Говоря о важности таких изысканий она подчеркивает необходимость применения персонологического метода при изучении ключевых проблем сибирско-польской истории. Статья *А. Я. Вуйчика* посвящена вкладу горного инженера К. Богдановича и его учеников С. Чарноцкого и С. Докторовича-Гребницкого в исследования в сфере прикладной геологии, которые проводились на территории Сибири. *Н. А. Давыденко* в своей публикации реконструировала биографию первого сибирского инструктора маслоделия В. Ф. Сокульского, много сделавшего для развития этой отрасли промышленности в Сибири. Используя разноплановые исторические источники, автору удалось создать живое представление о его личности и профессиональной деятельности.

Необходимо отметить, что сотрудники ГПНТБ СО РАН приняли весьма активное участие в научных сессиях. Публикация еще одного представителя сибирской академической библиотеки – *А. Л. Посадкова* – посвящена сибирскому периоду жизни известного польского писателя первой половины XX в. А. Оссендовского. Автору удалось обнаружить в центральных и местных архивах неизвестные до настоящего времени сведения о его деятельности, которые позволяют представить работу А. Оссендовского в государственных учреждениях белой Сибири, в аппарате военной пропаганды армии А. В. Колчака и в омских вузах периода 1918–1919 гг.

Данное издание было бы неполным без работ молодых ученых, которые также рассказывали о тематике и перспективах своих изысканий, посвященных истории поляков в Сибири. В сборнике содержатся две такие статьи, которые принадлежат исследователям из Польши. В работе *З. Тухольского* рассматриваются актуальность и перспективы реализации исследовательского проекта, посвященного участию поляков в строительстве

и эксплуатации Транссибирской и Китайско-Восточной железных дорог в период с 1891 по 1917 г. Статья *Ц. Завадского* представляет собой попытку охарактеризовать деятельность полонийных организаций на территории Иркутского консульского округа в 1990–2011 гг. и проанализировать их влияние на формирование национального сознания поляков, проживающих в данном регионе. Ориентация ученых на поиск новых материалов и принципиально новые темы вполне закономерна, а участие в проекте молодых исследователей позволяет говорить о неослабевающем интересе к теме сибирско-польской истории.

Полагаем, что опыт совместной реализации в ГПНТБ СО РАН польско-российского проекта оказался успешным, а публикуемый по его итогам сборник статей позволит существенно расширить взаимные представления о научной и информационной инфраструктуре исследований польско-сибирской истории как в Польше, так и в России. Создана прочная основа для дальнейшего диалога, а также заложена база для налаживания сотрудничества Национальной библиотеки в Варшаве и ГПНТБ СО РАН. Сибирская академическая библиотека обладает достаточным исследовательским и организационным потенциалом для дальнейшего развития российско-польских научных связей в области изучения книжной культуры, а также выполнения совместных проектов в кооперации с российскими и польскими партнерами.

Материалы сборника дают ценную фактографическую базу для дальнейших исследований и обобщений и адресованы в первую очередь специалистам. В то же время представленные в нем публикации могут быть полезны и более широкому кругу читателей, интересующихся сибирско-польской историей.

Ответственный редактор И. С. Трояк

Приветственное слово организаторов проекта

Дорогие друзья!

Академия гуманитарных наук им. Александра Гейштора, расположенная в городе Пултуске, является негосударственным вузом, в котором ведется обучение по нескольким направлениям гуманитарного знания.

Большое внимание мы уделяем развитию международных научных и образовательных связей. Приоритетное место среди наших зарубежных партнеров занимают российские университеты и научные центры. Наша Академия сотрудничает с партнерами из разных регионов России, принимает студентов, организует научные конференции. Развитие отношений с научно-образовательными центрами Сибири мы ценим особенно. За последние годы у нас накопился богатый опыт работы. К примеру, в нашей Академии в 2011 г. был опубликован информационный справочник, посвященный регионам Сибирского федерального округа России. Мы также подписали договор о сотрудничестве с Новосибирским государственным техническим университетом.

Для академии большая честь принимать участие в осуществлении проекта, посвященного вопросам изучения поляков в Сибири. Проведенная в Пултуске в рамках проекта «SIBIRICA» в сентябре 2012 г. научная сессия показала возможности дальнейших исследований и сотрудничества партнерских организаций в интересах российской и польской науки.

Желаю участникам проекта плодотворной работы!

*Ректор Академии гуманитарных наук
им. Александра Гейштора в Пултуске,
доктор habilitованный, профессор Адам Косецкий*

Уважаемые коллеги!

От имени «Кассы им. Юзефа Мянковского» – старейшего польского учреждения, служащего науке, я обращаюсь к международной аудитории ученых, участников проекта «SIBIRICA» с пожеланием внести вклад в развитие польско-российского научного сотрудничества. Миссией науки является сближение народов, борьба за научную истину. В вопросах польско-сибирской истории накопилось немало проблем, спорных вопросов, которые требуют новых подходов, пересмотра сложившихся взглядов, отказа преодоления стереотипов. Объединив потенциал научных школ Польши и России, мы сможем решить эту непростую задачу.

«Касса им. Юзефа Мянковского» на протяжении 20 лет поддерживает научные исследования ученых из стран Восточной Европы. За это время научные стипендии, позволившие проводить исследования в Польше, получили 206 россиян. Благодаря нашему фонду были установлены научные контакты между учеными разных стран. Роль «Кассы им. Юзефа Мянковского» в польско-сибирском проекте основана на организации сотрудничества ученых, занимающихся исследованием истории поляков в Сибири. Мы стремимся создать условия для дальнейшей исследовательской работы, поддержать усилия по созданию научной сети исследований. Хотелось бы поблагодарить за поддержку и помощь в организации проекта наших российских и польских партнеров, а также Центр польско-российского диалога и согласия, выделившего грант на научные стипендии и организацию программы мероприятий в рамках проекта.

Надеюсь на продолжение сотрудничества с нашими российскими коллегами!

*Председатель фонда поддержки науки
«Касса им. Юзефа Мянковского»,
доктор хабилитованный, профессор Лешек Заштовт*

Дорогие коллеги!

Реализация совместных проектов несомненно способствует расширению контактов и установлению партнерских отношений между научными учреждениями Польши и России. Наша библиотека, безусловно, заинтересована в развитии международного сотрудничества и будет стараться всячески этому содействовать.

Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук является крупнейшим центром научной информации за Уралом. История поляков в Сибири – это одна из тем, интересующих как российских, так и польских ученых. К сожалению, отсутствие должной координации не всегда позволяет исследователям познакомиться с результатами изысканий, проводившихся за пределами их страны. Поэтому представляется вполне закономерным, что одной из задач проекта «SIBIRICA» являлось обсуждение возможности создания единой библиографической базы данных публикаций, посвященных польско-сибирской истории. Опыт нашей деятельности в данной области свидетельствует, о том что ГПНТБ СО РАН обладает достаточным потенциалом для реализации подобного проекта.

Выражаю искреннюю благодарность всем нашим партнерам за содействие в подготовке мероприятий проекта, прежде всего Академии гуманитарных наук им. А. Гейштора – за организацию взаимовыгодного сотрудничества в процессе создания сборника научных трудов по итогам прошедших семинаров.

Хотелось бы отметить высокий научный уровень участников проекта. Благодаря вашему вкладу взаимодействие польских и российских ученых в области изучения истории пребывания поляков в Сибири получит новые импульсы развития.

Желаю успехов в работе и выражаю надежду на дальнейшее сотрудничество!

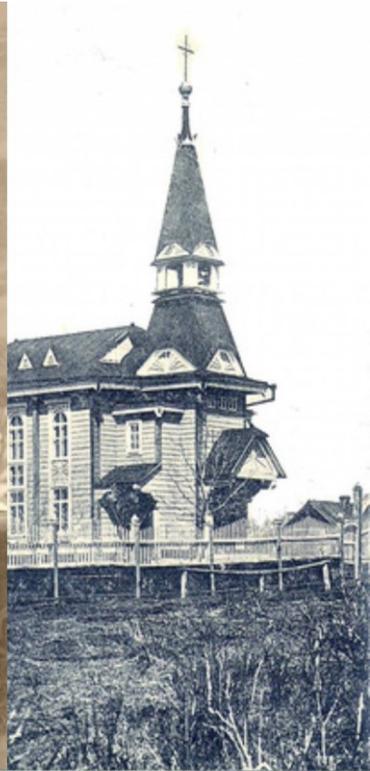
*Директор ГПНТБ СО РАН,
доктор технических наук, профессор Борис Степанович Елепов*

Общие проблемы
изучения истории поляков
в Сибири

Дмитрий Владимирович КАРНАУХОВ,
доктор исторических наук, кафедра всеобщей истории, историографии и источниковедения Новосибирского государственного педагогического университета, исторический факультет Академии гуманитарных наук им. А. Гейштора (Пултуск)

Кшиштоф НЕЧЫПОР

Фонд поддержки науки «Касса им. Юзефа Мяновского» (Варшава)

Опыт и перспективы российско-польского сотрудничества в области изучения истории поляков в Сибири

В статье показаны достижения и проблемные вопросы в области изучения польско-сибирской тематики учеными Польши и различных научно-образовательных центров Сибири, а также обосновывается необходимость создания центра научной информации по результатам реализации проекта «SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых».

Ключевые слова: польская сибирика, историография, российско-польские научные связи, мартирология.

Значимость и важность изучения вопросов, связанных с пребыванием поляков в Сибири, не вызывает сомнения. Между тем отношение к данной проблематике со стороны ученых было различным и во многом зависело от политической конъюнктуры и идеологических приоритетов той или иной эпохи.

В советский период польско-сибирская проблематика относилась к разряду «неудобных», далеко не все вопросы можно было изучать открыто. В частности, это касалось репрессивной политики советских властей в 1930–1940-е гг., затронувшей многие народы, в том числе поляков. Политическая ангажированность историографии обусловила интерес исследователей к изучению польской политической ссылки в царской России, а также роли поляков в революционном движении, их вклада

в развитие Севера и Востока Российской империи¹. В той или иной степени ограничения в изучении польско-сибирской проблематики существовали и в Польской Народной Республике².

Кризис и последующее разрушение советской системы идеологических доминант привели к радикальному изменению ситуации в сфере изучения истории поляков в Сибири. Актуальность этой темы не вызывает сомнения и подтверждается многочисленными исследованиями и научными форумами, которые особо активно проводились в последние два десятилетия. Следует также отметить немаловажный для работы ученых факт – в постсоветский период был открыт доступ к закрытым ранее государственным архивам в России, проведена огромная работа по поиску и обобщению источников личного происхождения (воспоминания, переписка). Несмотря на значительные успехи и достижения в этом направлении, следует признать, что немалый массив архивной информации по-прежнему не доступен для исследователей, поскольку находится в «закрытых» ведомственных архивах.

Особенностью новейшего периода изучения польско-сибирской проблематики является тесная кооперация как отдельных ученых, так и научных школ России и Польши. Большую роль для проведения исследований сыграло возрождение в начале 90-х гг. XX в. польских культурно-просветительских организаций в областных и краевых центрах Сибири и российского Севера, объединяющих потомков поляков, в разное время и по

---

¹ *Шостакович Б. С.* Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 243–292 ; *Он же.* К истории польской политической ссылки в Сибирь в 1890-е годы // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). Иркутск, 1979. Вып. 3. С. 38–55 ; *Он же.* Пребывание поляков в Сибири – составная часть русско-польских отношений в XIX – начале XX вв.: (состояние и задачи исследования) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем : тез. докл. и сообщ. Все-союз. науч. конф. (13–15 окт. 1981 г.). Новосибирск, 1981. Вып. 1 : Сибирь в эпоху феодализма и капитализма. С. 107–110.

² См., например: *Łukawski Z.* Polacy w rosyjskim ruchu rewolucyjnym 1894–1907. Warszawa, 1984. 308 s. ; *Skok H.* Polacy nad Bajkałem 1863–1883. Warszawa, 1974. 334 s.

разным причинам покинувших свою родину и оказавшихся в России.

Именно региональные «полонийные» организации, а также тесно с ними связанные университеты и научно-исследовательские академические институты, стали центрами научной деятельности, объединившими ученых, занимавшихся польско-сибирской проблематикой. В числе таких центров следует отметить польские общества и вузы Иркутска (Б. С. Шостакович), Томска (В. А. Ханевич), Архангельска (М. Н. Супрун, Л. П. Кононова), Новосибирска (Л. К. Островский, Е. Н. Туманик, И. Р. Соколовский, Т. Г. Недзелюк), Омска (С. А. Мулина), Абакана (С. В. Леончик, Р. В. Оплаканская), Улан-Удэ (Е. В. Семенов), Читы (Н. В. Эйльбарт), Барнаула (В. А. Скубневский), Красноярска (Е. П. Береговая), Сургута (С. Г. Пяткова), Сыктывкара (М. Б. Рогачев) и др. Связь польских организаций с академическим сообществом и вузами сибирских городов позволила проводить исследования в самых разных направлениях, а также заниматься исследованиями молодым ученым под руководством опытных специалистов.

В Польше в конце XX – начале XXI в. появилось несколько центров исследования польско-сибирской проблематики. Среди них следует обратить внимание на деятельность Комиссии по изучению истории Сибири при Комитете истории науки и техники Польской академии наук (Komisja Badań nad Historią Syberii Komitetu Historii Nauki i Techniki PAN), руководителем которой является З. Вуйчик; центра Восточных исследований (Ośrodek Badań Wschodnich) Вроцлавского университета под руководством А. Кучиньского; группы варшавских ученых, возглавляемой В. Сливовской; специалистов Центра «КАРТА» и ассоциации «Wspólnota Polska», объединяющей польские национальные культурно-просветительские общества во всем мире. Следует также упомянуть об инициативе создания в Белостоке музея памяти о Сибири, а также виртуального музея «Кресы-Сибирь» (www.kresy-siberia.org).

Большую роль в поддержке польско-сибирских исследований сыграли контакты российских и польских ученых в рамках научных конференций, издания монографий, источников и сборников научных трудов при содействии сибирских научных центров, польских дипломатических представительств (Посольство

Республики Польша в Москве, Генеральные консульства в Санкт-Петербурге и Иркутске) и партнерских польских университетов.

Наиболее ярким и значимым событием в новейшей истории изучения польско-сибирской проблематики стала публикация на рубеже XX–XXI вв. коллективной монографии «Сибирь в истории и культуре польского народа» на польском и русском языках³, в которой были собраны работы польских и российских ученых, отражающие результаты исследований истории поляков в Сибири, проведенных в 90-х гг. XX в. Научные материалы, представленные в данном издании, охватывают период с XVII по XX в. и посвящены преимущественно вопросам ссылок и репрессий, а также участию поляков в хозяйственной жизни Сибири, их роли в научных исследованиях восточных регионов России. Немалыми были достижения ученых России и Польши в области исследования истории поляков в Сибири и в первом десятилетии XXI в. Здесь прежде всего следует отметить публикацию ряда научных монографий⁴, сборников

---

³ *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. A. Kuczyńskiego ; Uniw. Wrocławski, Ośrodek Badań Wsch. i Katedra Etnologii, Wyższe Seminarium Duchowne Księży Salwatorianów, Stow. «Wspólnota Polska».* Wrocław, 1998. 567 s. ; *Сибирь в истории и культуре польского народа / Конгр. поляков в России, Вроцлав. ун-т, Центр вост. исслед. и каф. этнологии [и др.] ; науч. ред.: А. Кучинский, П. С. Романов.* М., 2002. 569 с.

⁴ См., например: *Kuczyński A. Syberia: 400 lat polskiej diaspory: zesłania, martyrologia i sukces cywilizacyjny Polaków : rys historyczny, antologia.* Krzeszowice, 2007. 544 s. ; *Мулина С. А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири / отв. ред. А. В. Ремнев ; Посольство Польши в Рос. Федерации, Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, Ом. гос. аграр. ун-т им. П. А. Столыпина.* СПб., 2012. 199 с. ; *Островский Л. К. Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы) / Новосибир. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин).* Новосибирск, 2011. 460 с. ; *Пяткова С. Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода / Департамент образования и науки Хант.-Манс. авт. окр. – Югры, Сургут. гос. пед. ун-т.* Сургут, 2008. 161 с. ; *Кононова Л. П. Ссылка участников польского восстания 1863–1864 годов (по материалам Архангельской губернии).* Архангельск, 2004. 64 с.

материалов конференций⁵ и защиты нескольких кандидатских диссертаций сибирскими учеными.

Вместе с тем критический подход к оценке данного направления научных исследований показывает, что наряду со значительными достижениями в области изучения истории поляков в Сибири есть ряд проблем, решению которых ученым следовало бы уделить внимание на последующих стадиях работы.

Во-первых, практически отсутствуют работы историографического, теоретического и методологического характера, обобщающие опыт предшествующих поколений ученых и критически оценивающие их достижения.

Во-вторых, серьезным недостатком является отсутствие базы данных источников и научных трудов, в том числе диссертационных исследований, посвященных сибирско-польской проблематике, а также биографических очерков, отражающих достижения ее отдельных исследователей, что в немалой степени осложняет работу ученых как в России, так и в Польше.

В-третьих, несколько односторонним взглядом на интересующую нас проблематику является характерный преимущественно для польской историографии «мартирологический» подход к изучению вопросов польско-сибирской истории. Не ставя под сомнение необходимость изучения истории каторги, ссылки и депортаций поляков, в то же время следовало бы уделять достойное внимание вопросам «позитивного» профиля, к которым относится проблематика включения поляков и их потомков в процессы социально-экономического развития восточных и северных регионов России, роли польских ученых в изучении Сибири. Эти достижения поляков, накопленный ими немалый интеллектуальный потенциал, направленный на раз-

---

⁵ См., например: Массовая депортация польских граждан в новейшей истории Сибирской Полонии : материалы науч. конф. (Новосибирск, 9 дек. 2000 г.) / ред.: И. А. Хрулева [и др.]. Новосибирск, 2000. 47 с. ; Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф. (30–31 мая 2003 г.) / ред.: И. И. Осинский [и др.]. Улан-Удэ, 2003. 155 с. ; Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : сб. материалов межрегион. темат. чтений «История и культура поляков Сибири», 2006–2007 гг. / ред.: С. В. Леончик [и др.]. Красноярск, 2007. 231 с. ; Полонии в Сибири, России и в мире: проблемы изучения : материалы Междунар. науч. симп. (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.) / под ред. Б. С. Шостаковича. – Иркутск, 2006. 194 с.

витие восточных и северных регионов России, по-прежнему мало известен как для польского, так и для российского сообществ. Данная тематика, по нашему мнению, нуждается в реабилитации.

Вместе с тем мы глубоко убеждены в том, что специфика польско-российских отношений предопределяет востребованность изучения прежде всего таких тем, которые объединяют, а не разъединяют народы. Такой подход определенно послужит улучшению климата сотрудничества во взаимоотношениях польского и российского обществ, а со временем станет предпосылкой для взаимоприемлемой интерпретации современной истории, осуществляемой на основе уважения к исторической правде.

Упомянутые выше проблемы послужили инспирацией для реализации в 2012 г. проекта «SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых», в рамках которого для обсуждения вопросов историографии, источниковедения и методологии польско-сибирских исследований была сформирована международная группа экспертов в составе четырех польских и четырех российских ученых. В состав исследовательской группы были включены представители Исторического института Варшавского университета (К. Блаховская), Института истории науки Польской академии наук (А. Вуйчик), Института истории Польской академии наук в Варшаве (М. Вольневич), Национальной библиотеки в Варшаве (Т. Швачинский), лаборатории книговедения ГПНТБ СО РАН (И. С. Трояк), Института истории СО РАН (И. Р. Соколовский, Е. Н. Туманик), кафедры Отечественной истории НГАСУ (Л. К. Островский).

Проект «SIBIRICA» получил поддержку Центра польско-российского диалога и согласия (Польша) в рамках I Открытого конкурса по финансированию мероприятий, направленных на развитие польско-российских отношений. Организатором мероприятий в рамках проекта выступил старейший польский фонд поддержки науки «Касса им. Юзефа Мяновского». Главной целью этого фонда является поддержка исследований посредством присуждения научных стипендий, финансирование научных публикаций, а также инициирование научных мероприятий и издание ежегодника «Польская наука. Ее потребности, организация и развитие» («Nauka Polska. Jej Potrzeby, Organizacja i Rozwój»). Миссией, отличающей деятельность «Кассы

им. Юзефа Мяновского», является поддержка науки за счет общественных средств, что позволяет восполнить недостатки финансирования работы ученых за счет государственных организаций.

Программа проекта «SIBIRICA» была реализована в Польше и в России. На научных сессиях с докладами и сообщениями выступили польские и российские специалисты, заинтересованные в обмене научным опытом в области польско-сибирских исследований. Основное внимание уделялось обсуждению вопросов методологии, источниковой и историографической базы исследований по истории пребывания поляков в Сибири, а также вклада польских и российских ученых в разработку отдельных аспектов данной проблематики. В рамках проекта также осуществлялось знакомство с научной и информационной инфраструктурой исследований польско-сибирской истории, были организованы визиты в библиотеки и архивы, располагающие материалами по истории поляков в Сибири.

В Польше для участников проекта были организованы научные сессии в Варшаве, Белостоке и Пултуске.

В ходе Варшавской научной сессии была проведена презентация проекта, в которой приняли участие польские и российские стипендиаты, представитель Польско-российского центра диалога и согласия, руководство «Кассы им. Юзефа Мяновского», председатель и члены Комиссии по исследованию истории Сибири при Комитете истории науки и техники ПАН. Программой варшавской сессии было предусмотрено посещение важнейших архивов и центров научной информации – Главного архива древних актов, Архива новых актов, Национальной библиотеки, Библиотеки Варшавского университета, Центра «КАРТА», специализирующегося в том числе на документировании воспоминаний поляков, сосланных в Сибирь. В Историческом институте Варшавского университета состоялись практические занятия и научные семинары, в рамках которых, наряду с польскими стипендиатами, с презентацией тем, посвященных вкладу польских ученых в изучение и развитие Сибири, выступили специалисты Института истории науки ПАН И. Арабас и З. Тухольский.

Программой научной сессии в Белостоке предусматривалось участие в международной конференции «Сибирь. Выселения – Судьбы – Свидетельства», организованной Белостокским

университетом и Музеем польской армии в Белостоке. Участие в конференции российских ученых имело, по нашему мнению, особо важное значение: их доклады не только подчеркнули международный характер конференции, но и внесли в ее работу важную для таких мероприятий «диалогическую» составляющую, позволили обменяться мнениями представителям научных сообществ двух стран, а также обратить внимание на сложные для восприятия поляков «немартирологические» аспекты образа Сибири и связанные с ними события в польско-сибирской истории, имеющие позитивную коннотацию.

Научная сессия в Пултуске была организована Академией гуманитарных наук им. Александра Гейштора, которая известна своими давними и традиционно дружественными связями с российскими научно-образовательными центрами. В пултуской сессии приняли участие представители ректората и профессора Академии (К. Островский, Я. Тышкевич, А. Неуважный), председатель «Кассы им. Юзефа Мянковского» Л. Заштовт, известные российские ученые Б. С. Шостакович (Иркутский государственный университет), М. Н. Супрун (Северный федеральный университет в Архангельске) и А. В. Попов (Историко-архивный институт РГГУ).

В России для польских и российских стипендиатов была организована научная сессия в Новосибирске, программа которой была реализована Государственной публичной научно-технической библиотекой СО РАН и Институтом истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета (ИИГСО НГПУ).

В ГПНТБ СО РАН состоялась презентация проекта, в которой приняли участие ведущие специалисты научных отделов библиотеки, гости из вузов Новосибирска и научно-исследовательских институтов СО РАН, представители прессы и общественных организаций города. В ходе научных семинаров, проведенных в ГПНТБ СО РАН, выступили с докладами российские стипендиаты, а также специалисты в области изучения библиографии сибирской полоники и истории польской книжной культуры в Сибири Т. Г. Недзелюк, И. С. Трояк, А. Л. Посадсков, Т. Н. Илюшечкина, Л. А. Мандринина.

В ИИГСО НГПУ участники проекта имели возможность познакомиться с достижениями в области изучения Сибири специалистов этого старейшего новосибирского центра истори-

ческого образования, занимающегося подготовкой научных кадров для других вузов города и академических институтов СО РАН. На семинарах, проведенных в ИИГСО НГПУ, выступили с презентациями результатов своих исследований О. Н. Катионов, Н. Н. Родигина, О. Н. Сидорчук, Л. В. Котович, Е. Ф. Бехтенова, Н. А. Давыденко, Р. Ю. Смагин.

В ходе визита в Новосибирск польские участники проекта имели возможность познакомиться с научной инфраструктурой города, благодаря посещению Института истории СО РАН и Государственного архива Новосибирской области. Польскими учеными были прочитаны открытые лекции для студентов и преподавателей Новосибирского государственного университета и Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы. На встрече с активом новосибирского городского культурно-просветительского общества «Дом польский», Сибирской геральдической коллегии и Историко-родословного общества г. Новосибирска была проведена презентация научно-издательского проекта «Польско-сибирская библиотека».

По результатам реализации проекта «SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых» его участники и организаторы выразили уверенность в том, что проделанная работа не только способствовала обмену опытом и взаимному знакомству с достижениями в области изучения истории поляков в Сибири, но и заложила основу для дальнейшего диалога и расширения контактов между научными учреждениями России и Польши.

Говоря о перспективах работы по изучению и обобщению опыта ученых России и Польши в исследованиях истории поляков в Сибири, хотелось бы отметить насущную необходимость в систематизации накопленных результатов изучения польско-сибирской проблематики, создании специализированных баз данных и тематических библиографических каталогов, в чем немалую роль может сыграть сотрудничество между крупнейшими центрами научной информации Польши и Сибири. Другой важной задачей является создание информационного интернет-портала, посвященного проблематике польско-сибирских исследований, который мог бы служить площадкой для обмена мнениями, дискуссий, содержать информацию об актуальных событиях в научной жизни. Думается, что осуществление такого проекта может быть задачей ближайшего будущего.

Реализация замысла создания польско-сибирского центра научной информации должна служить дальнейшему укреплению связей польских и российских ученых, и может иметь не только научное, но и общественное значение, так как позволит популяризовать достижения ученых, сделать их доступными как для начинающих молодых исследователей, так и для любителей истории в обеих странах. Доступ к информации поможет избавиться образ Сибири, сложившийся в Польше, от односторонней, как правило, негативной трактовки, и откроет путь для лучшего понимания русскими и поляками культуры и истории друг друга, а также осознания качественного потенциала общего российско-польского культурно-исторического наследия, в формировании которого Сибирь занимает немаловажное место.

Болеслав Сергеевич ШОСТАКОВИЧ
доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета (Иркутск)

Исторические и современные парадигмы изучения польско-сибирской истории: взгляд из второго десятилетия XXI в.

Проанализированы основные тенденции и тематические направления в изучении истории поляков Сибири. Сделан вывод о необходимости принципиального пересмотра и внесения существенных корректив в трактовки польско-сибирской проблематики в рамках как региональной, так и общей сибирской истории.

Ключевые слова: поляки в Сибири, история, историография, направления исследования.

Обращаясь к теме, обозначенной в заглавии, необходимо пояснить, что вовсе не случайно именно эта теоретико-аналитическая работа проведена историком из Иркутска. Почти со времени своего основания в 1918 г. Иркутский государственный университет (ИГУ) является научным центром, в котором стала традиционной разработка указанной исторической тематики. Еще в далекие 1920-е гг. в Иргосуне (так в то время произносилось название этого второго на всю Сибирь университета) Ф. А. Кудрявцевым, тогда еще молодым историком-магистрантом, а позднее – его же профессором, было выполнено на основе документов Иркутского губернского архива первое в российской историографии сибирско-польской проблематики специальное научное исследование (магистерская диссертация) по теме истории восстания польских политических ссыльных на сооружении Кругобайкальского колесного тракта¹. Затем изучение того

© Шостакович Б. С., 2013.

¹ Подробнее см. об этом: *Шостакович Б. С.* Исследование Ф. А. Кудрявцева по истории Кругобайкальского восстания 1866 г.: его характер и судьба // Сибирь: вехи истории : тез. докл. и сообщ. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. Ф. А. Кудрявцева (Иркутск, 26 нояб. 1999 г.). Иркутск, 1999. С. 22–25.

же примечательного события продолжил доцент ИГУ С. Ф. Коваль, выдвинувший собственную концепцию «истории поляков в Сибири» 1860-х гг. В его трактовке эпицентр последней составляло активное противостояние польских политических ссыльных режиму русского самодержавия. Очевидные проявления такого сопротивления С. Ф. Коваль видел в ряде деталей, выявленных еще дознаниями царских властей, конспиративных замыслов подготовки в условиях ссылки польско-русского-(российского) повстанческого выступления в Сибири (на практике так и не удавшегося) и некоторых иных фактических данных на ту же тему².

В начале 1970-х гг. в Иркутском университете было начато издание серийного научного сборника по истории политической ссылки. Среди работ сборника «Ссыльные революционеры в Сибири (XIX – февраль 1917 г.)» стали регулярно публиковаться и научные статьи по различным проблемам истории ссылки в Сибирь участников национально-освободительных выступлений на землях бывшей Речи Посполитой. Указанное издательское начинание, которому исполнилось уже 40 лет, продолжается и ныне, в еще более расширенном проблемно-тематическом масштабе, охватывающем весь исторический диапазон видов и форм сибирской ссылки, включая и традиционное использование Сибири в качестве места практической реализации российской государственной пенитенциарной политики. В этом обновленном контексте польско-сибирские исторические сюжеты также продолжают находить свое научное отражение³.

Постепенное накопление исследовательских результатов позволило существенно выйти за пределы научной темы. Происходило это поэтапно. В процессе работы над своей кандидатской диссертацией, посвященной «полякам в Сибири» в последней

---

² Этот вопрос рассматривается в очерке: *Шостакович Б. С.* К 140-летию Кругобайкальского восстания польских политссыльных: современные итоги и перспективы его изучения и увековечения // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 26–30 сент. 2007 г.). Иркутск, 2008. С. 102–112.

³ В 1973–1991 гг. выпущено 12 выпусков сборника «Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)». С 2000 г. данное издание продолжено в новом проблемно-тематическом формате, под названием «Сибирская ссылка» (с № 1 (13). К 2013 г. вышло 6 выпусков, в которых, среди прочего, представлены исследования польско-сибирской исторической тематики.

трети XIX в.⁴, автору данной статьи стало ясно, что эта тема суммарно вобрала в себя существенно различающиеся между собой данные о нескольких поколениях и этапах поступления в Сибирский регион выходцев из пределов «исторической Польши» (Речи Посполитой). В этом исследовании была предпринята попытка обозначить каждый из подобных польских контингентов, провести первичную группировку и систематизацию каждого из них, выявить их специфику, наметить принципиальные исследовательские подходы к будущему, более глубокому и всестороннему их изучению.

Значимым этапом в постижении освещаемой темы явилось проведенное в середине 1980-х гг. ее историографическое исследование. С полным основанием можно утверждать, что данная работа стала первым такого рода целенаправленным специальным исследованием указанной проблемы. В итоговом заключении проведенного анализа литературы по сибирско-польской истории (последняя к тому времени ограничивалась исключительно отдельными сторонами истории сибирской политической ссылки участников польского освободительного движения) отмечалась как «уже вполне очевидная» «необходимость проведения на широкой источниковой основе более углубленных и систематизированных исследований по всему комплексу актуальных вопросов и принципиальных разделов темы». Среди последних перечислялись: «научно аргументированное определение численности, социально-сословного и профессионального состава, правового положения и распределения по различным районам Сибири польских политических ссыльных в различные периоды их пребывания в ней». Ставилась задача «выяснить реальные формы и масштабы воздействия ссыльных поляков на хозяйственную, общественную и культурную жизнь Сибири»⁵.

Наряду с констатацией данного обстоятельства в эволюции постижения сибирско-польской истории, не менее значимым видится также и сам по себе факт (можно его даже определить как своего рода феномен), что ни до, ни после появления названной работы никто из среды научных специалистов не проявил

---

⁴ *Шостакович Б. С.* Поляки в Сибири в 1870–1890-е годы: (из истории русско-польских отношений в XIX веке) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1974. 43 с.

⁵ *Шостакович Б. С.* Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX века // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февр. 1917 г.). Иркутск, 1985. Вып. 9. С. 3–23.

целенаправленного исследовательского интереса к историографии данной темы.

В дальнейшем процессе осмысления указанной научной темы выделяются своеобразным рубежным этапом состоявшиеся дискуссии при подготовке и последующей защите автором данной статьи своей докторской диссертации по освещаемой проблеме. Пожалуй, ни один из предшествующих периодов исследования указанной проблематики не выявлял со столь заметной откровенностью всю противоречивость восприятия специалистами концепции сибирско-польской истории как предмета и объекта изучения. Ученому совету по защитам докторских исследований при Иркутском университете был представлен в качестве соответствующей диссертации развернутый комплексный научно-исследовательский доклад. В нем предлагалась выстроенная по результатам многолетних, кропотливых разработок концепция сущности сибирско-польской истории как структурного комплекса многообразных (свыше двух десятков) «узловых» тематических проблем.

Однако состав названного ученого совета в подходе к трактовке рассматриваемой темы проявил нескрываемый консерватизм. Всю новаторскую сущность тщательно продуманной и обоснованной авторской позиции он начисто проигнорировал, взамен предложив рутинно-схоластическое «вписывание» всего обозначенного многопланового тематического комплекса в «общепринятый» (то есть формально-усредненный) формат «докторской монографии». Категоричным неприятием был встречен не укладывающийся в прокрустово ложе традиционалистско-линейного, сводно-нарративного компендиума истории авторский взгляд на феномен польско-сибирской истории. Тем же советом было высказано и абсолютное несогласие с мнением об интегральном наличии в данной теме проблемных аспектов межнационального и, в особенности, международного характера.

Лишь в Москве, у исследователей-полонистов из Института славяноведения РАН, автор встретил прямую и решительную поддержку своим отстаиваемым научным позициям. Там состоялась и защита его докторской диссертации⁶, получившей единогласное одобрение и положительные отзывы. В данном контексте

---

⁶ *Шостакович Б. С.* Узловые вопросы истории поляков в Сибири (конец XVIII – конец XIX в.) : дис. ... д-ра ист. наук: (в форме науч. докл.). М., 1997. 52 с.

принципиально важно подчеркнуть, что защита упомянутой диссертации, вопреки стереотипно-формальному восприятию ее тематики «традиционалистами» в рамках «чисто сибирской истории» (то есть «причислению» ко внутренней, региональной сфере отечественной истории), была отнесена к специальности «всеобщая история». Тем самым, на высшем экспертном уровне ВАК компетентно была признана обоснованность заключения автора о выявленном им в широком контексте региональной отечественной истории целом комплексе аспектов, органично ей присущих, однако при этом совершенно выходящих за ее чисто локальные, историко-краеведческие рамки.

Научная дискуссия вокруг трактовки сибирско-польской истории стала отправной точкой дальнейших разработок. Они представили собою целый спектр новых и малоизвестных ее ракурсов⁷.

На первый взгляд, может показаться, что многочисленные работы в рассматриваемом тематическом направлении (вместе с содержащимся в них его углубленным анализом) уже сделались общим историографическим достоянием. Однако в действительности имеет место совершенно обратный результат. Как по причине очевидной малотиражности публикаций по теме (и соответственно недостаточно массовой их распространенности), так и в силу гораздо более сложной задачи методологического масштаба – преодоления в трактовке рассматриваемой тематики большой инерции традиционалистского подхода, новейшие концептуальные разработки в русле польско-сибирской истории остаются самым минимальным образом восприняты и учтены научной средой.

Таким образом, в полной мере сохраняется актуальность пропаганды нового концептуального осмысления сибирско-польской

---

⁷ Из работ такого рода см., в частности: *Шостакович Б. С.* «Сибирско-польская» история и современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф. (Иркутск, 11–15 сент. 2000 г.). – Иркутск, 2001. С. 28–36 ; *Он же.* Международные аспекты истории поляков в Сибири как исследовательская проблема: (на примерах из эпохи до рубежа XVIII–XIX вв.) // Восточно-сибирский регионализм: социокультурный, экономический, политический и международный аспекты : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 9–12 апр. 2000 г.). М., 2001. С. 63–70.

истории. Наряду с отмеченным, необходимо здесь же принципиально подчеркнуть, что и вновь сформулированные нами существенные составляющие сибирско-польской истории не следует рассматривать как раз и навсегда неизменные, окончательные постулаты. Очевидно, что по мере продолжения исследований соответствующей тематики и накопления новых конкретно-фактических и теоретических данных, представления о рассматриваемой теме закономерно станут корректироваться, а ее содержательное наполнение претерпевать соответствующие изменения.

Попытаемся далее представить сводный обзор основных черт и проблемных характеристик польско-сибирской истории, какой она предстает на данное время по результатам новейших исследований в ее тематической сфере.

История продолжительного постоянного польского присутствия на обширной урало-сибирской части Российского государства, традиционно именуемая «историей поляков в Сибири», до сих пор остается не только недостаточно глубоко и всесторонне изученной, но и еще менее популяризованной. Долгое время названная история представляла в существующей литературе как своего рода маргинальное явление, частное дополнение к общему контексту истории Сибири, если и занимающее в нем какое-либо место, то как бы не слишком значительное, вторичное.

Уже отмечалось ранее, что в пору всеобщего идеологического доминирования советского общественно-политического мировоззрения данная проблематика излагалась преимущественно в русле взглядов революционно-демократической группировки партии «красных» в Январском польском восстании 1863–1864 гг. Последние характеризовались советской историографией как наиболее прогрессивные, и соответствующим образом оценивалась вся национально-освободительная польская вооруженная политическая борьба с царским режимом и проявлявшийся в ее среде левыми «красными» солидаризм с тогдашним общероссийским общественным оппозиционным освободительным движением – в духе лозунга «за нашу и вашу свободу».

Однако современные фундаментальные политические и идеологические перемены в России определили и новый, более всесторонний и объективный взгляд на многие исторические проблемы, относящиеся к Сибирскому региону и до недавнего времени

трактовавшиеся по преимуществу стереотипно-односторонне. В подобном контексте углубленный анализ польско-сибирской проблематики как предмета и объекта научного изучения в исследованиях рубежа XX–XXI вв. вполне аргументировано позволяет определить польско-сибирскую историю в современном ее научном понимании как комплексный исторический многоаспектный социокультурный процесс. Отсюда следует закономерный вывод, что будущее освоение данной тематической сферы – за системными программами научных исследований междисциплинарного характера.

Таким образом, тема истории поляков в Сибири оказывается феноменом значительно более масштабным, многообразным и сложным, нежели утвердившееся и до самого последнего времени сохраняющееся традиционное и, не побоимся этого определения, весьма упрощенное и зауженное ее восприятие.

Достаточно заметить, что наряду с наиболее очевидной и широко известной политической ссылкой в Сибирь выходцев с территорий бывшей Речи Посполитой (окончательно лишенной государственности после трех ее разделов в конце XVIII в.), параллельно развивались еще по крайней мере три или четыре отдельных процесса проникновения в Сибирь на протяжении XIX – начала XX в. выходцев с тех же земель, условно-собираемо именуемых «поляками». Под таковыми подразумеваются: добровольные перемещения за Урал представителей указанного контингента (в расхожем обобщении определяемых как «поляки») по мотивам их религиозной, военной либо иной профессиональной служебной деятельности и частным интересам. В последние десятилетия XIX – начале XX в. к ним добавлялся все увеличивавшийся поток добровольной трудовой миграции в сибирские области, происходивший из тех же самых регионов и затрагивавший тот же контингент населения. Наконец, с конца XX в. пришло все более настойчивое стремление части научных специалистов включить в понятие «истории поляков в Сибири» еще один раздел, несколько отличный и обособленный от ранее уже обозначенных. Имеется в виду история польских судеб в постреволюционный, советский период, в том числе и печально известных депортаций эпохи сталинского ГУЛАГа.

Вполне очевидно, что каждая из обозначенных здесь магистральных составляющих в русле польско-сибирской истории, в свою очередь, подразумевает охватываемое самой логикой внутреннего содержания последних множество иных, более

частных, конкретных сюжетных и проблемных ракурсов. Все таковые – идентичные научно-исследовательские направления.

Основная цель данной статьи состоит в современном методологическом (проблемно-теоретическом) определении сущностного содержания польско-сибирской истории с учетом всего спектра данных, уже проводившихся в русле научных исследований, и обеспечением максимального на данное время объективного, комплексного ее осмысления.

При этом представляется актуальным параллельный публичный анализ до сих пор еще наблюдаемого устойчивого бытования стереотипных анахронизмов в толковании указанной проблематики. Безусловно, научное сообщество должно уяснить несостоятельность и пагубность данного обстоятельства. Должно появиться понимание, что на современном уровне оно представляет и препятствие выяснению подлинной сущности рассматриваемой исторической темы, и основание ее откровенной фальсификации.

В настоящее время все более заметно выявляется актуальность прежде далеко не столь ясно осознававшейся необходимости воссоздания максимально целостной, системной картины существования и деятельности выходцев из исторической Польши (Речи Посполитой) в восточной, сибирской части Российского государства. При этом становится очевидной и принципиальная важность преодоления заметной обособленности данного тематического направления от общего контекста как российской истории, так и польской. Следует признать аксиоматичным заключение, что анализируемая польско-сибирская история вне содержания и специфики исторических процессов, происходивших в прошлом в геополитических пространствах каждой из обеих упомянутых стран и непосредственно затрагивавших все их население, – абсолютно немыслима и не может быть адекватно постигнута.

Объективная взаимосвязь всех составляющих весьма сложного, противоречивого, а подчас и достаточно болезненного процесса воссоздания истории поляков в Сибири – это едва ли не главная из задач и, признаемся здесь же, – также и главная трудность в ее научном изучении. При этом, как уже частично отмечено ранее, вся конкретика ее содержательного материала уже в предшествующие эпохи оказалась буквально усеяна устарелыми идеологемами, конъюнктурно-концептуальными вымыслами и разного рода мифами и табу. Высвобождение из-под их гнета подлинной первоосновы исторического материала

требует основательной научной подготовленности, внимательности и терпения. Яркими примерами своеобразных, глубоко укоренившихся в российском общественном сознании стереотипов (не самых болезненных, но тем не менее искажающих историческую реальность) являются, в частности, представления: обо всех поляках в Сибири – как о непременных политических ссыльных, о римско-католической конфессии в Сибири в целом – как об исключительно польской.

Все уже изложенное имеет далеко не один только академический интерес, но также и самое непосредственное отношение к параллельной просветительной деятельности. Казалось бы, именно в этом научная теория и просветительная, культурно-образовательная практика должны повседневно соприкасаться друг с другом. Однако даже и в значительном числе научных работ, не говоря уже о популярных версиях по «истории поляков в Сибири», как повелось именовать данную тему в целом, она, как правило, не рассматривается в сколько-нибудь полномасштабном объеме, каковой уже выявлен и доказан многообразными новейшими ее исследовательскими разработками.

Изложение данной истории многими специалистами нередко продолжает подменяться набором некоторых характерных, или же чем-либо обособленно привлечших к себе внимание фрагментарных ее аспектов. В дополнение к отмеченному, при рассмотрении данной темы во всем ее реальном объеме, выясняется, что она элементарно неравномерно изучена. Наряду со сравнительно разработанными ее сторонами, обнаруживаются и такие ее разделы, которые, с точки зрения научной их разработанности, пока еще составляют белые пятна⁸.

---

⁸ Отметим лишь два характерных примера такого рода белых пятен польско-сибирской истории. Процессы добровольных польских миграций в Сибирь (особенно на рубеже XIX–XX вв.), к необходимости изучения которых автор привлек внимание еще в своей монографии 1995 г. (см.: *Шостакович Б. С.* История поляков в Сибири (XVIII–XIX вв.) : учеб. пособие. Иркутск, 1995. С. 127–133), пока все еще находятся на начальной стадии изучения. По поводу междисциплинарной проблемы взаимного восприятия поляками Сибири и ее населения, а сибиряками – Польши и ее народа см., в частности: *Шостакович Б. С.* Польско-сибирская литература XVIII–XIX вв. – источник изучения стереотипов восприятия выходцами из региона исторической Речи Посполитой зауральской России и ее населения // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее и будущее : материалы

Все отмеченные тенденции историографического восприятия данной темы подводят к заключению о назревшей необходимости принципиального пересмотра и внесения существенных коррективов в трактовки польско-сибирской темы в рамках как региональной, так и общей сибирской истории.

Следует констатировать, что современное научное изучение исторической польско-сибирской проблематики уже давно достигло качественно нового, более высокого уровня, в сравнении с эпохой конца 1960-х гг. Прежнее традиционалистское произвольное, несистемное введение в контекст истории Сибири отдельных примечательных персоналий или событийных фрагментов, в той или иной мере затрагивающих пребывание в регионе выходцев из Польши⁹, все более отходит в прошлое. Теперь в историографии предмета подобное относится уже к признакам архаики.

Из отмеченного, естественно, проистекают и задачи изучения и популяризации этой истории. Ее актуальность представляется вполне очевидной. Однако ей присуща и значительная сложность, на что указывает сама ее многоаспектность. Нельзя не замечать, что последняя существенно расширяет диапазон фактологического и проблемного материала в разнообразных сферах прошлого Сибири – хозяйственного, общественно-политического и культурно-научного характера. Общий «удельный вес» материала такого рода в сибирской истории весьма существенен также и по хронологической продолжительности, и по обширности территориального охвата. Но особо следует подчеркнуть, что в свете обострившихся сложных национальных проблем оказывается крайне необходимым внимательное изучение и осмысление исторического опыта российско-польских отношений на территории различных регионов огромного сибирского пространства. При этом данная тема должна рассмат-

---

Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 23–24 мая 2006 г.). Иркутск, 2006. С. 172–177.

⁹ Именно таким образом была представлена данная тема в вышедшей в конце 1960-х гг. «Истории Сибири», до настоящего времени остающейся наиболее объемным сводным отечественным коллективным трудом по истории указанного региона (см.: История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Л. : Наука, 1968. Т. 2. 540 с., Т. 3. 532 с.

риваться не только в традиционных, конкретно-прикладных ее аспектах, но и в ракурсе развития инациональной, западно-славянской общественно-ментальной структуры в окружающей местной среде.

Параллельная задача данной статьи состоит в том, чтобы представить в нем предварительные, частично аннотированные характеристики ряда принципиально важных новых направлений и тенденций научного изучения и осмысления польско-сибирской проблематики.

Одним из таких направлений изучения является сфера многообразного опыта долговременного (на протяжении нескольких столетий) постоянного сосуществования и взаимодействия на обширных пространствах Сибири представителей пришлого этнического конгломерата (происходившего из пограничья польского региона и смежных восточноевропейских областей территории бывшей Речи Посполитой), – с иноэтничным и инокультурным поликонфессиональным окружением местного российско-сибирского «принимающего общества».

В исследовательской проблематике сибирско-польской истории особый аспект составляет общая атрибуция самого главного объекта изучения. Речь идет о суммарной истории пребывания и деятельности в пределах Сибири целого конгломерата этнических меньшинств, объединенного общностью своего происхождения из областей, в относительно недалеком историческом прошлом принадлежавших к государственному пространству Речи Посполитой, но впоследствии расчлененному. Весь указанный пришлый в Сибирь контингент в российской, да подчас даже и в польской традиции, стало общепринятым обозначать обобщающим и унифицирующим (хотя и с неизбежной долей схематичного упрощения) определением – «поляки в Сибири».

Указанная формула, как уже неоднократно подчеркивалось выше, видится как отнюдь не во всем адекватная самому обозначаемому ею предмету научного изучения¹⁰. Действительно, определение «поляки в Сибири» уже прочно «прижилось» –

---

¹⁰ См., в частности: *Шостакович Б. С.* К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем // Полонии в Сибири, в России и в мире: проблемы изучения : материалы Междунар. науч. симп. (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.). Иркутск, 2006. С. 35–38.

и в научной литературе, и в параллельном разговорном обиходе, – по крайней мере, со времени появления монографии польского исследователя М. Яника «История поляков в Сибири» (Краков, 1928), ставшей по обозначенной теме классической, если не иметь в виду еще более раннюю работу З. Либровича «Поляки в Сибири» (Краков, 1884)¹¹. Достаточно долго и повсеместно такое обобщенное обозначение сибирско-польской тематики воспринималось как вполне ёмко и объективно отражающее всю ее сущность.

Однако на современном уровне научно-концептуального осмысления разработок польско-сибирской истории уже вполне очевидно, что указанная дефиниция как бы априорно «подменяет» все содержание темы рамками сугубо автономного, изолированного «польского контингента» на историческом пространстве Сибири. Тем самым из сферы исследовательского рассмотрения и анализа темы неизбежно целиком выхолащивается такая весьма важная сущностная сторона последней, как многоаспектное и интегрально-неотъемлемое ее присутствие во всем общем процессе исторического развития урало-сибирского региона России.

Укоренившееся экстраполирование этноназвания «поляки» – на всю массу попадавших в Сибирь выходцев из региона исторической Речи Посполитой не менее заметно деформирует и смысловое содержание обозначаемого таким образом комплексного, поликомпонентного историко-тематического направления. Соответственно его буквальной трактовке, отнесение всего с ним связываемого исключительно к «полякам», выходцам из «Польши», может восприниматься лишь как крайняя условность. Такое определение надлежит расценивать лишь как исторически сложившийся стереотип обобщенного обозначения сибирско-польского феномена. Формула, некогда проникшая в широкий обиход и поначалу выглядевшая вполне новаторской, соответствовала прежнему уровню исследовательского осмысления темы, и с тех пор уже сделалась привычным клише. Однако, если вдуматься, в строго научном понимании она не может быть расценена иначе, чем недостаточно адекватная и корректная!

Принимая во внимание специфику данной темы, необходимо также обозначить хотя бы главные тенденции, наметившие-

---

¹¹ *Janik M. Dzeje Polaków na Syberji. Kraków. 1928. VIII. 472 s. ; Librowicz Z. Polacy w Syberji. Kraków, 1884. IV, 380 s.*

ся в последнее время в проводимых ее исследованиях. При этом в данном случае не ставится цели широкого всеобъемлющего анализа новейшей историографии темы. Безусловно, таковой назрел, однако нуждается в совершенно отдельном, специальном целенаправленном освещении. Важно лишь подчеркнуть, что за 30-летие, прошедшее после предшествующего проведения суммарного обзора историографии темы¹², таковая претерпела весьма заметные качественные изменения – и по самому количественному объему публикаций по рассматриваемой проблематике, и по содержательному потенциалу таковых. Ряд современных специалистов – и отечественных, и польских – в своих исследованиях темы демонстрирует весьма зрелые, оригинальные подходы к различным ее аспектам, открывает новые пласты относящегося к ней богатейшего фактического материала.

Остановимся только на некоторых особо примечательных, в своем роде показательных тенденциях. Так, в данной исследовательской области в последние десятилетия заметно выделяются позиции польской исторической науки во главе с ее несомненным лидером – профессором В. Сливовской. В ряду ее достойных коллег по новейшей польской историографии польско-сибирской темы следует упомянуть таких высокопрофессиональных ученых как Я. Трынковский, З. Вуйчик, А. Кучиньский, А. Брус, Б. Ендрыховска, Э. Небэльский, Ф. Новиньский, А. Кияс, А. Милевска, Э. Каминьска и ряд других.

Среди обширного перечня уже вышедших работ в тематическом круге «польской сибириады» безусловно выделяются два капитальных словаря (В. Сливовской и А. Кияса)¹³, ряд монографий, посвященных отдельным аспектам темы (В. Сливовска, Ф. Новиньский, А. Кучиньский и др.)¹⁴. Особое место в поль-

---

¹² См.: *Шостакович Б. С.* История поляков в Сибири (XVIII–XIX вв.)... С. 4–11.

¹³ См., в частности: *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słown. biogr. Warszawa : DiG, 1998. 835 s. ; *Kijas A.* Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku : Słown. biogr. Warszawa : Pax ; Poznań : Wydaw. Poznańskie, 2000. XXXIV, 405 s.

¹⁴ *Kuczyński A.* Syberia: Cztery lata polskiej diaspory. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1993. 435 s. ; *Nowiński F.* Polacy na Syberii Wschodniej. Zesłańcy polityczni w okresie międzypowstaniowym. Gdańsk, 1995. 433 s. и др.

ском историографическом массиве занимают публикации сборников материалов, проводившихся в Польше международных научных конференций по указанной проблематике, в которых участвовали и российские исследователи¹⁵.

К сожалению, замысел системного переиздания литературы в русских переводах для облегчения доступа к ней широкой отечественной общественности, и, на паритетных основах, встречного доведения до польской общественности результатов российской историографии (в соответствующих переводах на польский язык) под эгидой Научной комиссии Конгресса поляков в России не получил никакой определенно выраженной поддержки ни в организационном, ни в финансовом отношении. Однако его результатом стало опубликование русскоязычного перевода сборника материалов научной конференции «Сибирь в истории и культуре польского народа», состоявшейся во Вроцлаве в 1998 г.¹⁶ Это издание, задуманное как начало регулярного издательского обмена научных сообществ России и Польши информацией о результатах изучения рассматриваемой проблематики, стало невольным напоминанием о сорванном осуществлении столь необходимого проекта.

В сравнении с польской, состояние российской историографии по рассматриваемой тематике за последние десятилетия достаточно противоречиво. Наряду с несомненными удачами ряда отечественных научных работ в данной сфере приходится с сожалением признать и отдельные среди них откровенно парадоксальные и абсолютно неприемлемые на фоне современных общественно-культурных изменений потребности в расширении и углублении объективных научных представлений о польско-сибирской истории.

В отличие от польских коллег, российскими исследователями за тот же период почти не создано отдельных монографических работ в исследуемой области. Это обстоятельство несколько компенсируют выделяющиеся своей многочисленностью

---

¹⁵ Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / Uniw. Wrocławski. Wrocław, 1998 ; Kościół katolicki na Syberii. Historia. Współczesność. Przyszłość. Wrocław, 2002. 567 s. ; Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku. Wrocław: Wydaw. Silesia Dolnośląskiego T-wa społcz.-kulturalnego, 2007. 716 s.

¹⁶ Сибирь в истории и культуре польского народа : пер. с пол. М. : Ладомир, 2002. 568 с. Польский оригинал см. прим. 15.

сборники материалов разнообразных тематических научных конференций, проводившихся в различных регионах Сибири (как правило, силами местных полонийных национально-культурных центров и кооперирующихся с ними научных специалистов). Безусловно, в отмечаемых сборниках заявила о себе оригинальными работами новая группа профессионально сложившихся отечественных исследователей в интересующей нас тематической области – С. А. Мулина, Р. В. Оплаканская, О. Н. Полянская, Д. В. Карнаухов, В. А. Ханевич, С. В. Леончик, Е. В. Семенов¹⁷ и др. В подавляющем большинстве указанные авторы ведут конкретно-прикладные, детально-тематические разработки тех или иных сюжетов рассматриваемой обширной и все еще недостаточно изученной польско-сибирской истории. При этом, за редкими исключениями, до сих пор отсутствуют сколько-нибудь широкие обобщения тех или иных ее проблемных разделов, тем более – комплексный системный ее анализ, как логически вытекало бы из всего ранее изложенного.

Не входя в данном случае в специальный анализ такого типа научных публикаций, обратим лишь внимание на растущую их численность в связи с уже упоминавшимися все новыми научными конференциями исторического содержания в сибирских регионах. Каждая из них, иницируемая локальными группами общественных энтузиастов и привлекающая к участию тот или иной контингент профессионалов, осуществляла собственную программу вне координирования и согласования ее с иными подобного рода научными собраниями. В конечном итоге все отмеченное повлияло на существенное разрастание и параллельное заметное распыление новой научной информации в русле рассматриваемой темы. Оба этих фактора, дополнен-

---

¹⁷ Примерами таких вполне удачных и ценных в научном отношении сибирских научных сборников по рассматриваемой теме могут служить следующие: Сибирская Полония: прошлое, настоящее, будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Томск, 20–23 мая 1999 г.). Томск, 1999. 232 с. ; Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : сб. материалов Междунар. науч. конф. (Иркутск, 11–15 сент. 2000 г.). Иркутск, 2001. 365 с. ; Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 30–31 мая 2003 г.). Улан-Удэ, 2003. 155 с. ; Полонии в Сибири, России и в мире: проблемы изучения : материалы Междунар. науч. симп. (Иркутск, 8–12 сент. 2004 г.). Иркутск, 2006. 194 с.

ные весьма типичной для упомянутых конференционных изданий их малотиражностью, предопределили тот результат, что весь суммарный комплекс последних, представляющий итоги новейших разработок данной исторической темы, остается на практике мало замеченным широкой научной средой российских историков (не станем даже упоминать польских!) и, как следствие, недостаточно учтен в большинстве последующих конкретных исследовательских изысканий.

Здесь следует вернуться к ранее подмеченной нами характерной тенденции повсеместного избегания исследователями польско-сибирской истории какого-либо ее историографического анализа. Объяснение такой особенности следует искать в том, что большинство исследователей за рамками проявляемого ими интереса к тем или иным конкретным, броским сюжетным фактам и коллизиям данной темы не усматривает их взаимосвязи с общим широким, многообразным и весьма значимым историческим феноменом. Собственно в этом и проявляется упоминавшийся ранее «традиционализм» восприятия польско-сибирской истории. Убежденность многих сибиреведов в том, что последняя – всего лишь маргинальная (локально-прикладная) сюжетная сфера, якобы совершенно обособленная от некоего «магистрально-базового» исторического содержания (сибирского, российского, да и польского) породила изначальное небрежение к наблюдению за развитием научного изучения таковой. Из той же логики трактовки данной темы большинством исследователей проистекает и довольно симптоматичное игнорирование ими историографической специфики последней.

К сожалению, подобного рода восприятие сибирско-польской истории обнаруживает свои крайние проявления, заводящие ее изучение в откровенный тупик. В некоторых работах новоявленные исследователи на момент осуществления собственных изысканий в избранной тематической сфере демонстрируют полную неосведомленность о соответствующей специальной литературе своих предшественников, а тем более – отсутствие какого-либо надлежащего анализа и осмысления. Причины подобного кроются во все возрастающем потоке специальной научной информации. Доступ к значительной ее части в последнее время нередко заметно осложнен многими обстоятельствами (в том числе и уже упоминавшейся малотиражностью таких изданий). В этом отношении некоторые из специа-

листов в недавно появившихся работах демонстрируют откровенную беспринципность. Отсутствие существенных знаний историографии темы нередко подменяется ими совершенно произвольными домыслами.

К сожалению, примеров такого рода обнаруживается немало. К ним, в частности, относится скандальный вздор в сравнительно недавно изданной в Иркутске путано-алогичной книге, В. Ю. Титов претенциозно объявил себя научным открывателем темы «менталитета сибирского крестьянства в 1880–1920-х гг.»¹⁸. Вне мотивированной связи с основным содержанием этого «труда», В. Ю. Титов без смущения сдобрил его значительными фрагментами ...собственных же голословных вымыслов о будто бы существующих «характеристиках» Сибири и сибирских крестьян (крайне негативно-уничижительного характера), якобы происходящих «из работ ссыльных поляков». Весьма показательно, что сие беспрецедентное наукообразное сочинительство не подкреплено ни одной прямой ссылкой на какие-либо оригинальные источники! Невозможно не поразиться, каким образом подобный так называемый «труд» получил право на опубликование, вопреки существующим компетентным экспертизам в данной тематике.

Можно указать и на периодически публикуемые в Улан-Удэ (1990–2000-е гг.) сборники «Поляки в Бурятии». Они хотя и не вполне аналогичны приведенному выше образцу проявленными крайностями псевдонаучного издания, однако в раскрытии польско-сибирской истории обнаруживают наглядные примеры хаотичной пестроты и совершенной «всеядности» содержания при полном игнорировании любых общепринятых научных принципов.

Представляется совершенно очевидным, что недооценка (по любым критериям) научной сущности феномена польско-сибирской истории неизбежно ведет к серьезным искажениям картины всей истории региона. Она порождает образцы недопустимого для начала XXI в. «отката» в изложении данной темы до уровня середины XIX столетия, с «типичными для тогдашней эпохи вульгаризацией и архаизацией ее толкования».

---

¹⁸ Титов В. Ю. Менталитет крестьянского протеста в Восточной Сибири (середина 1880-х – 1920-е гг.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2003. С. 9.

Именно такой пример в нынешней отечественной историографии демонстрирует недавнее новосибирское коллективное издание по «истории поляков в Сибири»¹⁹. Обращение, среди прочего, к документальным материалам, введенным ранее в научный оборот в серийном цикле российско-польских тематических источниковых публикаций²⁰, к тому же на основе ничем не обоснованных критериев, вынуждает расценить данную публикационную версию не только как немотивированную, но и полностью разрушающую всю логику и смысл работы, давно проведенной в рассматриваемом тематическом русле! По сути это означает, что создатели новосибирского сборника вырвали важные источникиые материалы из давно созданной системной научной структуры и вернули их в исходное архаическое состояние. Новосибирское издание также нанесло вред и научной популяризации польско-сибирской истории для широкой общественности, недостаточно в ней ориентированной, ибо в указанном

---

¹⁹ *Болонев Ф. Ф., Люцидарская А. А., Шинковой А. И.* Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. : исследования и материалы. Новосибирск, 2007. 228 с. Фрагмент характеристики данного издания приводится по опубликованному тексту рецензии: Шостакович Б. С. Реанимация в XXI столетии архаического восприятия века XIX истории политической ссылки поляков в Сибирь : работа над ошибками : (рец.) // Сибирская ссылка. Иркутск, 2007. Вып. 4. С. 515–525.

²⁰ Указанные публикации осуществлялись в двух параллельных версиях. В Польше они выходили в совместном советско (российско)-польском издании документов и материалов по проблематике польского общественного движения 1830–1850-х гг. (Wydaw PAN, Ossolineum, 1978; 1981, 1984, 1994; также – журнал «Przegląd Wschodni» (Warszawa. 1997. Т. IV, № 4 (16)), а в СССР (России) – в серийном межвузовском сборнике «Ссылные революционеры в Сибири» (Иркутск, 1980–87. Вып. 5, 7, 8, 10) и очерках «История поляков в Сибири (XVII–XIX вв.)» (Иркутск, 1995. С. 55–86). Не имея возможности привести в данной статье полный перечень данной группы работ, укажем лишь на один из обобщающих очерков по теме всего этого проекта публикаций документальных источников: *Шостакович Б. С.* Документы ГАИО по истории польского присутствия в восточно-сибирском регионе: итоги их научных разработок за 80-летнее существование архива и задачи будущих // Архивы – источник истины : материалы науч.-практ. конф. «80 лет архив. службе России и ист. опыт комплектования, обеспечения сохранности и использования док. богатств Архив. фонда Иркут. обл.» (Иркутск, 23 июня 1998 г.). Иркутск, 1998. С. 41–45.

сборнике вся тема поставлена с ног на голову, и это совершенно сбивает с толку малосведущих его читателей²¹.

Как можно убедиться, неумелыми и торопливыми исследователями, самонадеянно взявшимися (под прикрытием авторитетных «научных логотипов») за столь непростую и далекую от однозначности сибирскую «историю поляков», оказалась мгновенно разрушена объективная научная логика темы. Извращение всего, что задолго до того было выстроено кропотливым исследовательским трудом, можно уподобить своеобразному террористическому акту против всего научного здравого смысла.

В заключение обратимся к краткому аннотированию уже обозначившихся на настоящее время злободневных направлений дальнейших исследований темы. Конечно, по-прежнему актуальна разработка «классических» нарративно-очерковых разделов темы, структурируемых по хронологическим, территориальным и проблемно-тематическим принципам, а также – в контексте биографистики значимых польско-сибирских персоналий. В отношении последних – впервые отечественными специалистами подготовлено свыше восьми десятков биографий видных польских политических ссыльных в Сибири, опубликованных в недавно изданной «Исторической энциклопедии Сибири»²². Вполне очевидно, что это образует конструктивный задел для давно назревшей работы над большим специализированным словарем польско-сибирских исторических персоналий. Значимость подобного научно-культурного проекта трудно переоценить.

Принципиальную важность представляет и научная разработка источниковедческих аспектов темы. Применительно к группе документальных материалов, сосредоточенных в различных архивохранилищах, в том числе в богатейшем по данной тематике Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), важнейшей задачей являются их всестороннее выявление и систематизация²³.

---

²¹ Подробнее об этом см.: *Шостакович Б. С.* Реанимация в XXI столетии... С. 515–525.

²² Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск : Изд. дом «Ист. наследие Сибири», 2009. Т. 1. 715 с. ; Т. 2. 807 с. ; Т. 3. 738 с.

²³ См. об этом: *Шостакович Б. С.* Источники по сибирско-польской истории до 1917 г. в региональных архивах Сибири: итоги и перспективы их научного освоения // *Zesłańcy postyczniowi w Imperium Rosyjskim. Studia dedykowane Prof. W. Śliwowskiemu*. Lublin ; Warszawa, 2008. S. 337–349.

Равнозначно актуальный подраздел того же направления составляет работа по изучению и введению в научный и общественно-культурный обиход обширного польско-сибирского мемуарно-дневникового и эпистолярного наследия, относящегося к прошлому Сибирского региона. Этапный шаг в этом направлении предпринят на рубеже 2009–2010 гг. изданием в Иркутске первого тома, открывшего новую научную издательскую серию. Задуманная как продолжающаяся, многотомная историко-ведческая, под ёмким названием «Польско-сибирская библиотека»²⁴, она изначально была нацелена на постепенное введение упомянутого наследия в русскоязычный обиход и на современное его научно-академическое «прочтение» специалистами. Серия постепенно начала обретать конкретные формы и способы дальнейшей реализации под эгидой польско-русского научного совета. Тем самым развивается новый проект международного сотрудничества в одном из важнейших направлений сибирско-польской истории и закладывается добротная перспектива его развития.

Сохраняется значительная актуальность изучения темы в ряде социокультурных ракурсов. В том числе – уже упоминавшиеся ранее проблемы: стереотипы видения Сибири и сибиряков глазами поляков и – встречные воззрения на Польшу и поляков из Сибири. К ним примыкает также и осмысление польско-сибирской истории как собственно полонийного феномена.

Наконец, нами предпринята первичная постановка и разработка еще одного направления исследования польско-сибирской истории – исторического процесса присутствия, эволюции и деятельности в регионе польской интеллигенции.

Думается, что перечисленные направления отнюдь не исчерпывают весь исследовательский диапазон темы. Однако и отмеченного более чем достаточно, чтобы убедиться в весьма значительных и актуальных перспективах его современного научного постижения. Хочется надеяться, что в этой большой и важной работе не останутся в стороне сибирские историки (и не только из Иркутского государственного университета), а также возникнет планомерное научное сотрудничество российских специалистов со своими польскими коллегами.

---

²⁴ См.: Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск : Артиздат, 2009. 723 с.

Татьяна Геннадиевна НЕДЗЕЛЮК
кандидат исторических наук, Сибирский
институт управления Российской акаде-
мии народного хозяйства и государ-
ственной службы (Новосибирск)
Анна КОЗЯЛ
соискатель Новосибирского государствен-
ного педагогического университета (Ново-
сибирск)

История ментальностей в зеркале сибирско-польских и польско-сибирских международных конференций

Предпринят анализ динамики изменений в тематике и методологии докладов международных научных конференций по вопросам польско-сибирской истории. Выявлены тенденции к переходу на новые методологические позиции, определены актуальные научные направления.

Ключевые слова: история, ментальность, Польша, Сибирь, научная конференция.

«Польская тематика» – не новость для академического исторического сообщества. Скорее, актуальный предмет исследования. Столетие январского восстания (1863–1963 гг.) инициировало в 1960–1970-е гг. серию крупных академических мероприятий, результатом которых стали сборники научных статей, посвященные не только самому факту восстания, но и более широкому спектру русско-польских проблем. Обусловленные контекстом исторической эпохи, результаты исследований сибирских историков, представленные в научных сборниках Новосибирска и Иркутска¹, были посвящены революционному

© Недзелюк Т. Г., Козял А., 2013.

¹ См. подробнее: Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–XX в.) : сб. ст. / ред. Л. М. Горюшкин [и др.]. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1975. 304 с. ; Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.) : сб. ст. / отв. ред. Л. М. Горюшкин ; Акад. наук СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1978. 332 с. ; Ссылные революционеры в Сибири

движению. В поле зрения авторов научных статей, по преимуществу, входили: статистика численности ссыльных и география мест их размещения, хронология событий, коннотация архивных материалов. Благодаря содержанию этого исследовательского пласта, мы располагаем достаточно репрезентативной событийной основой истории ссылки в Сибирь и истории экономических миграций, имеем возможность оценить участие поляков в национально-освободительном движении 1863 г., в революционных событиях 1917 г. и в Гражданской войне 1918–1923 гг.

Обращение к «польской проблематике» сегодня имеет сразу несколько побудительных причин. Рубеж XX–XXI столетий обозначил новые приоритеты в гуманитарном знании; расширение границ Европы оказалось весьма неоднозначным событием; отсутствие былых административно-визовых преград в значительной степени облегчило академические контакты.

Естественный интерес к историческому прошлому и современным событиям в соседних славянских государствах побудил исследователей обратиться к анализу ценностных установок представителей двух славянских народов. Таким образом, методологический поворот, связанный с применением совокупности методов и приемов интеллектуальной истории, обусловил обращение к иным, не изученным ранее, сферам исторического знания. Персональная история и мировоззренческие коннотации, интеллектуальная история и социокультурные дискурсы определяют на современном этапе содержание русско-польских и польско-российских академических контактов, что и является основным контекстом международных конференций.

Движение от темы повстанчества к проблемам этнической идентичности и мемориализации культурного ядра происходило планомерно. Название конференции 1997 г. в Казани звучало как «Польская ссылка в России XIX–XX вв.: региональные центры»². Однако тематика докладов существенно расширилась по сравнению с 70–80-ми гг. XX в. Так, С. А. Перминовой в сообщении

(XIX век – февраль 1917 года) : сб. ст. Иркутск, 1985. Вып. 9. 280 с. ; Политическая ссылка в Сибири XIX – начала XX в.: историография и источники : сб. ст. / отв. ред. Л. М. Горюшкин ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т Истории, филологии и философии; Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1987. 227 с.

² Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры : материалы Междунар. рос.-пол. науч. конф. (Казань, 1997 г.) / ред.: Р. М. Валеев, И. И. Шарифжанов. Казань, 1998. 300 с.

«К вопросу о положении польских ссыльных в Западной Сибири в 1863–1885 гг.» были затронуты проблемы межличностных отношений ссыльных и представителей сибирской администрации³. Э. Качиньской в докладе «Политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров» сделаны выводы о качественных отличиях в мотивации политических ссыльных и уголовных преступников, сосланных вглубь России⁴. Е. А. Вишленковой подвергнут переосмыслению идеологический штамп «Орден иезуитов и “польский вопрос”»⁵.

Важной особенностью нового этапа академических контактов явился полинациональный состав участников. Начиная с казанской конференции 1997 г., польские участники выступали с докладами на российских форумах, а русские – в Польше. Уже через два года, в работе научно-практической конференции «Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее» в Томске принимали участие корифеи польской исторической науки, основатели двух научных школ из Польши – А. Кучинский из Вроцлава и В. Сливовска из Варшавы.

Основное содержание докладов в Томске было посвящено вкладу поляков в преобразование социокультурного пространства Сибири, в связи с чем показательны темы докладов Г. В. Скворцова «Участие поляков-томичей в формировании архитектурного образа Томска»⁶ и Е. А. Дегальцевой «Культурная миссия ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX в.»⁷. Влияние личности на исторические процессы в социуме отмечено в сообщении В. А. Ханевича «Ксендз Валериан Громадский

---

³ *Перминова С. А.* К вопросу о положении польских ссыльных в Западной Сибири в 1863–1885 гг. // Там же. С. 185–190.

⁴ *Качиньска Э.* Политические ссыльные и уголовные преступники. Столкновение двух миров // Там же. С. 20–25.

⁵ *Вишленкова Е. А.* Орден иезуитов и «польский вопрос» // Там же. С. 25–31.

⁶ *Скворцов Г. В.* Участие поляков-томичей в формировании архитектурного образа Томска // Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Томск, 20–23 мая 1999 г.). Томск, 1999. С. 63–67.

⁷ *Дегальцева Е. А.* Культурная миссия ссыльных поляков в Сибири во второй половине XIX в. // Там же. С. 72–74.

в истории католической общины г. Томска»⁸. Элементы рефлексии содержались в докладах В. М. Крюкова «Польша и поляки в восприятии сибирского “семидесятника”»⁹ и М. Мачуги «Католическая церковь в Сибири и мировоззрение поляков»¹⁰.

Конференция «Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы» 11–15 сентября 2000 г. в Иркутске продемонстрировала новые подходы к пониманию привычных смысловых конструктов. Пленарные доклады Х. и П. Романовых «Десятилетие полонийного движения в России: эволюция модели деятельности»¹¹, Б. С. Шостаковича «“Сибирско-польская” история: современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации»¹² задали тон переосмыслению бесспорных, на первых взгляд, логических конструкций. В ходе Иркутского форума впервые были обозначены проблемы исторических представлений: доклады И. А. Борисова «Время как территория удержания российско-польского диалога»¹³ и Е. Островского «Представление Сибири в польской картографии последнего пятидесятилетия»¹⁴.

В 2002 г. в московском издательстве «Ладомир» увидели свет материалы конференции «Сибирь в истории и культуре польского народа», состоявшейся в 1997 г. во Вроцлаве. Сформулированные в традиционном ключе названия докладов В. Вернеровой «Сообщения польских миссионеров о Сибири

---

⁸ *Ханевич В. А.* Ксендз Валериан Громадский в истории католической общины г. Томска // Там же. С. 100–105.

⁹ *Крюков В. М.* Польша и поляки в восприятии сибирского «семидесятника» // Там же. С. 146–148.

¹⁰ *Мачуга М.* Католическая церковь в Сибири и мировоззрение поляков // Там же. С. 95–97.

¹¹ *Романов П., Романова Х.* Десятилетие полонийного движения в России: эволюция модели деятельности // Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы : материалы Международ. науч. конф. (Иркутск, 11–15 сент. 2000 г.). Иркутск, 2001. С. 14–25.

¹² *Шостакович Б. С.* «Сибирско-польская» история: современный взгляд на ее содержание, задачи изучения и популяризации // Там же. С. 28–36.

¹³ *Борисов И. А.* Время как территория удержания российско-польского диалога // Там же. С. 157–159.

¹⁴ *Островский Е.* Представление Сибири в польской картографии последнего пятидесятилетия // Там же. С. 103–106.

(начало XIX в.)»¹⁵, Б. Ендрыховской «Музыкальная жизнь польских ссыльных в Сибири в XIX веке»¹⁶, Я. Зюлека «Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания»¹⁷, по своему содержанию могут быть отнесены к произведениям жанра интеллектуальной истории, так как основаны на воспоминаниях участников событий, а в канву повествований живо вплетены мемуарные зарисовки.

Хронологически следующим научным событием стал форум во Вроцлаве «Католическая церковь в Сибири: прошлое – настоящее – будущее» с участием широкого круга российских исследователей. Тем не менее в контексте истории ментальностей интерес представляют доклады именно польских участников: А. Кучиньского «Новое прочтение воспоминаний ксендза Николая Кулашиньского из Тунки»¹⁸, Б. Рока «Сибирь как место перехода Людвика Сеницкого из протестантизма в католицизм»¹⁹. Попытка осмысления ментального переворота, произошедшего в Сибири с персонажами указанных научных докладов, характеризует проявление нового этапа в исторических исследованиях.

Многие из докладчиков вроцлавской конференции явились также участниками научного события в Томске в мае 2004 г. Наряду со ставшей к тому времени традиционной тематикой вклада поляков в социокультурное освоение сибирского региона, появилось и новое направление, позже объединившее казуальную историю, этнографию и историю ментальностей. Показательно,

---

¹⁵ *Вернерова В.* Сообщения польских миссионеров о Сибири (начало XIX в.) // Сибирь в истории и культуре польского народа : материалы Междунар. конф. (Вроцлав, 30 июня – 3 июля 1997 г.). М., 2002. С. 75–83.

¹⁶ *Ендрыховска Б.* Музыкальная жизнь польских ссыльных в Сибири в XIX веке // Там же. С. 206–216.

¹⁷ *Зюлек Я.* Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Там же. С. 135–145.

¹⁸ *Kuczyński A.* Wspomnienia księdza Mikołaja Kulaszyńskiego z Tunki na nowo odczytane // Kościół katolicki na Syberii. Historia – Współczesność – Przyszłość : materiały Międzynar. conf. nauk. (Wrocław-Krzydlina Mała, 26–28 czerw. 2001 r.). Wrocław, 2002. S. 103–124.

¹⁹ *Rok B.* Syberia jako miejsce konwersji z protestantyzmu na katolicyzm Ludwika Sienickiego // Там же. С. 49–56.

что и исследования в данном ключе начаты с раннего периода появления поляков в Сибири: сообщение В. Г. Волкова «Этническая самоидентификация томских “литвинов” в XVII веке»²⁰. Однако материалы этой конференции не были опубликованы.

Логическим продолжением диалога, начатого в Томске, стала очередная вроцлавская конференция «Культура и национальная идентичность поляков на Востоке: традиция и современность». В русле реконструкции этнической идентичности были рассмотрены вопросы этнокультурного взаимодействия с коренными народами Сибири: «Польские ссыльные и автохтонные народы Забайкалья»²¹ – доклад Я. Трынковского; подвергнут анализу процесс трансформации этнического самосознания беженцев Первой мировой войны – доклад М. Коженевского «Польские организации помощи жертвам войны в России и национальная идентичность беженцев из Царства Польского в 1915–1918 гг.»²². Ломке бесспорного когда-то стереотипа: «Поляк – значит, католик», – было посвящено размышление И. Кабжиньской «Уходит ли стереотип поляк-католик?»²³. Описательная история окончательно уступила приоритетные позиции истории ментальной.

Следующее пятилетие было отмечено увеличением количества научных событий, ростом академической мобильности, но и неким затуханием интереса к теоретико-мировоззренческой тематике. Формулировки названий научных мероприятий четко очерчивали границы исследовательских полей: «Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв.» (Красноярск, 2006)²⁴, «Поляки

---

²⁰ Волков В. Г. Этническая самоидентификация томских «литвинов» в XVII веке // 400 лет вместе. Поляки в истории и культуре г. Томска : прогр. Междунар. науч. конф. (Томск, 28–29 мая 2004 г.). С. 3.

²¹ *Trynkowski J.* Polscy zesłańcy wobec ludów autochtonicznych Zabajkala // *Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie: tradycja i współczesność : materiały Międzynar. conf. nauk.* (Wrocław-Krzydlina Mała, 10–12 paźd. 2002 r.). Wrocław, 2004. S. 9–18.

²² *Korzeniowski M.* Polskie organizacje ratownicze w Rosji a świadomość narodowa uchodźców z Królestwa Polskiego w latach 1915–1918 // Там же. S. 19–31.

²³ *Kabzińska I.* Czy zmierzch stereotypu Polak-katolik? // Там же. S. 191–204.

²⁴ Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : сб. материалов межрегион. темат. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006–2007 гг. / сост. С. В. Леончик. Красноярск, 2007. 231 с.

в науке и культуре Томска, а также Западной Сибири» (Вроцлав, 2007)²⁵, «Польские исследователи Сибири» (Иркутск, 2008)²⁶. В их рамках был накоплен конкретно-исторический материал, составивший базис для изучения специалистами истории персоналий. В. А. Скубневским было предпринято широкое исследование темы «Поляки на Алтае (XIX – начало XX века)»²⁷. В сочинении Р. А. Циунчука «Три поколения семьи Шершеневичей в России: генерал, профессор, поэт»²⁸ раскрыты коллизии инкорпорации в российскую служилую дворянскую элиту представителей польских шляхетских родов. Судьба Максимилиана Маркса, польского интеллигента в енисейской ссылке, рассмотрена С. В. Леончиком через призму студенческого революционного движения в российских столицах, Петербурге и Москве, где обучались студенты-поляки²⁹. Слова М. Маркса: «Трудясь для науки, работаем на все человечество. Достанется что-нибудь и нашей родине и нашим родным»³⁰, – можно распространить на широкий круг исследователей Сибири.

В 2009 г. вновь произошло оживление интереса к теоретическим проблемам ментальной истории. Российский институт культурологии совместно с Постоянным представительством Польской академии наук в Москве провели международную научную конференцию «Россия и Польша: долг памяти и право забвения». В рамках научного форума были подняты проблемы культурной памяти в национальных и глобальных контекстах. «“Старый” и “новый” политический порядок: структу-

---

²⁵ Polacy w nauce i kulturze Tomaska oraz Syberii Zachodniej : materiały Międzynar. konf. nauk. (Wrocław, 11–13 czerw. 2007 r.). Wrocław, 2008. 436 s.

²⁶ Польские исследователи Сибири : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 20 нояб. 2008 г.) / ред. Б. С. Шостакович, М. Волос, П. Глушковский. СПб., 2011. 168 с.

²⁷ Скубневский В. А. Поляки на Алтае (XIX – начало XX века) // Польская интеллигенция в Сибири XIX–XX вв. : сб. материалов межрегион. темат. чтений «История и культура поляков Сибири» 2006–2007 гг. Красноярск, 2007. С. 69–74.

²⁸ Циунчук Р. А. Три поколения семьи Шершеневичей в России: генерал, профессор, поэт // Там же. С. 52–60.

²⁹ Леончик С. В. Максимилиан Маркс. Судьба польского ученого в енисейской ссылке // Польские исследователи Сибири : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 20 нояб. 2008 г.). СПб., 2011. С. 28–38.

³⁰ Там же. С 35.

ры культурной памяти в польской литературе XX века» стали предметом изучения Л. Вишневской. Автор доклада актуализировала вопрос о памяти в широком понимании данного явления как совокупных моделей восприятия мира³¹. Феномен экспансии памяти на традиционную территорию исторического знания был подвергнут критическому анализу в исследовании К. Заморского «Историчность, история и память: о необходимости восприятия истории вне памяти»³². По убеждению Л. П. Репиной, «Вопрос о соотношении памяти, знания о прошлом и истории как науки трактуется неоднозначно ... прошлое ценно само по себе, и ученому стоит, насколько возможно, быть выше соображений политической целесообразности и следовать логике доводов и доказательств»³³. В сообщении М. Бентковского «Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения» прозвучало предложение рассмотреть причины разногласий и непонимания с точки зрения социального конструирования реальности посредством нарратива. Как утверждает М. Бентковский, «Социально сконструированные нарративы создают идентичность»³⁴. Название доклада Т. Зарицкого «Почему исчезла память о поляках в предреволюционной России и почему ее важно восстановить?» говорит само за себя. Автор размышляет о причинах вытеснения из сознания польского общества памяти о соотечественниках, достигших в предреволюционный период высокого общественного положения в Российской империи в сферах политики, искусства и бизнеса³⁵.

Практическим воплощением решения обозначенных теоретических проблем видятся научные события последующего хро-

---

³¹ *Вишневская Л.* «Старый» и «новый» политический порядок: структуры культурной памяти в польской литературе XX века // Россия и Польша: долг памяти и право забвения : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 окт. 2009). М., 2009. С. 11–12

³² *Заморский К.* Историчность, история и память: о необходимости восприятия истории вне памяти // Там же. С. 26.

³³ *Репина Л. П.* История и память: польза дистанцирования // Там же. С. 77–79.

³⁴ *Бентковский М.* Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения // Там же. С. 8–9.

³⁵ *Зарицкий Т.* Почему исчезла память о поляках в предреволюционной России и почему ее важно восстановить? // Там же. С. 26–27.

нологического ряда: конференция «Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни» (Омск, 2009)³⁶ и «польская секция» в рамках IX Международной научно-практической конференции «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (Омск, 2012)³⁷. «История польского переселения и ссылки в семейных преданиях: проблемы и перспективы изучения», – таким образом С. Л. Мокринская постаралась объединить теоретический и практический аспекты проблемы мемориализации национальной памяти³⁸. Красноречивой иллюстрацией трансформации мировоззренческих стереотипов прозвучал доклад М. Л. Бережновой и А. А. Крих «Гриневици: польское кладбище “русской” деревни»³⁹. Перекрестный анализ сибирско-польских и польско-сибирских стереотипов оказался плодотворным благодаря исследованиям Е. Н. Туманик «Хозяйство забайкальских казаков середины XIX века в оценках Г. С. Бильдзюкевича»⁴⁰, С. А. Мулиной «Сельская администрация глазами политических ссыльных»⁴¹, В. Цабан и Л. Михальской-Браха «Сибирь в воспоминаниях крестьянина Игнация Дрыгаса, сосланного после восстания 1863 года»⁴², М. Волоса «Против стереотипов. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич: польский и российский исследователь Сибири»⁴³.

---

³⁶ Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск – Тара, 8–12 авг. 2009 г.). Омск, 2012. 192 с.

³⁷ Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 17–20 апр. 2012 г.) : в 3 ч. Ч. 1. Омск, 2012. 298 с.

³⁸ Мокринская С. Л. История польского переселения и ссылки в семейных преданиях: проблемы и перспективы изучения // Поляки в социокультурном пространстве ... Омск, 2012. С. 147–150.

³⁹ Бережнова М. Л., Крих А. А. Гриневици: польское кладбище «русской» деревни // Там же. С. 103–106.

⁴⁰ Туманик Е. Н. Хозяйство забайкальских казаков середины XIX века в оценках Г. С. Бильдзюкевича // Сибирская деревня: история, современное состояние ... С. 421–424.

⁴¹ Мулина С. А. Сельская администрация глазами политических ссыльных // Там же. С. 363–367.

⁴² Цабан В., Михальская-Браха Л. Сибирь в воспоминаниях крестьянина Игнация Дрыгаса, сосланного после восстания 1863 года // Там же. С. 356–362.

⁴³ Волос М. Против стереотипов. Юлиан Доминикович Талько-Грынцевич: польский и российский исследователь Сибири // Там же. С. 411–415.

Порой причудливые переплетения объективного и субъективного в сферах экономики, политики, ментальных установок проанализированы Л. Е. Горизонтовым в пленарном докладе «Сельскохозяйственные общества России и Польши на рубеже 1850–1860-х гг.: аграрный вопрос и политические свободы»⁴⁴.

Приближающаяся годовщина восстания 1863 г. в Царстве Польском (150 лет в 2013 г.) вновь выступила побудительной причиной обращения к «польской тематике». Как и пятьдесят лет назад, научная конференция в Иркутске «Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг.» открыла череду научных мероприятий. Половина столетия – достаточно серьезный срок для осмысления произошедших в исторической науке методологических «переворотов». Во вступительном слове «Вместо предисловия. История ссылки польских январских повстанцев в восточные регионы России: ракурсы ее современного изучения»⁴⁵ ответственный редактор сборника материалов конференции Б. С. Шостакович отметил: «Ныне становится совершенно очевидной необходимость нового осмысления темы и следование в ее дальнейшей исследовательской разработке концептуальному комплексному подходу на современном научном уровне»⁴⁶. Наряду с классическими темами хронологии событий, статистики и состава участников январских событий, в новых методологических традициях прозвучали доклады: «Мифологема сибирской ссылки поляков в общественном сознании Польши и России» Д. В. Карнаухова⁴⁷, «Польские ссылки в воспоминаниях жителей Тункинской долины» З. Шмыга⁴⁸, «Художественный язык сибирских картин Александра Сохачевского. Эволюция

---

⁴⁴ *Горизонтов Л. Е.* Сельскохозяйственные общества России и Польши на рубеже 1850–60-х годов: аграрный вопрос и политические свободы // Там же. С. 340–345.

⁴⁵ *Шостакович Б. С.* Вместо предисловия. История ссылки польских январских повстанцев в восточные регионы России: ракурсы ее современного изучения // Актуальные вопросы истории ссылки участников Январского польского восстания 1863–1864 гг. : материалы Междунар. науч. конф. (Иркутск, 26–30 сент. 2007 г.). Иркутск, 2008. С. 5–10.

⁴⁶ Там же. С. 5.

⁴⁷ *Карнаухов Д. В.* Мифологема сибирской ссылки поляков в общественном сознании Польши и России // Там же. С. 14–23.

⁴⁸ *Шмыг З.* Польские ссылки в воспоминаниях жителей Тункинской долины // Там же. С. 176–185.

восприятия заложенного в них содержания» А. Милевской и Р. Млыника⁴⁹.

На современном этапе, как и прежде, имеют место совместные польско-российские проекты; 3–5 июня 2012 г. усилиями Томского государственного педагогического и Вроцлавского университетов в Томске состоялась международная конференция «Поляки в Сибири. Поляки о Сибири», магистральной линией которой стала трансформация образа Сибири в современной полонистике. Тематика докладов в теоретическом контексте ментальной истории («Сибирь – депозитарий памяти и воспоминаний» С. Тшечаковской⁵⁰, «Семантико-аксиологический профиль образа Польши в томских СМИ» О. В. Орловой⁵¹, «Концепт “польский гонор” в языковом сознании сибиряков» Л. В. Дубиной⁵²) продемонстрировала поступательную динамику в направлении развития к интеллектуальным концептам в общей канве исторического знания.

Позиция размышляющего, теоретизирующего историка в зеркале русско-польских и польско-российских международных конференций принципиально отличается от позиции историка-нарративиста; новации в методологии рождают новые предметы исследований и исследовательские парадигмы. Отраднo, что вектор развития истории ментальностей в русской полонистике и польской сибирике направлен в сторону поиска взаимопонимания, общих аксиологических установок и механизмов их реализации.

---

⁴⁹ Милевская А., Млыник Р. Художественный язык сибирских картин Александра Сохачевского. Эволюция восприятия заложенного в них содержания // Там же. С. 47–67.

⁵⁰ Тшечаковска С. Сибирь – депозитарий памяти и воспоминаний // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири : прогр. Междунар. науч. конф. (Томск, 3–5 июня 2012 г.). С. 4.

⁵¹ Орлова О. В. Семантико-аксиологический профиль образа Польши в томских СМИ // Там же. С. 6.

⁵² Дубина Л. В. Концепт «польский гонор» в языковом сознании сибиряков // Там же. С. 7.

Томаш ШУБЯКЕВИЧ

отдел библиографии заграничной полоники Национальной библиотеки в Варшаве (Варшава)

Библиография зарубежной полоники, польская сибирика и сибирская полоника в фондах Национальной библиотеки в Варшаве

Рассматриваются возможности поиска польской сибирики и сибирской полоники в библиографических базах данных Национальной библиотеки в Варшаве. Представлена краткая история создания этих баз и возможности их использования исследователями.

Ключевые слова: Сибирь, Польша, полоника, сибирика, библиография.

Определение, причины и история регистрации заграничной полоники

Польская национальная библиография состоит из двух основных частей: библиографии издательской продукции, выпущенной на территории страны, и библиографии заграничной полоники, то есть документов, опубликованных за пределами Польши, но связанных с ней через автора, редактора, переводчика, иллюстратора, тему или язык. Таким образом, при сборе материала для библиографии заграничной полоники используются три критерия: этнический, тематический и языковой. Документ считается относящимся к заграничной полонике, если он целиком или частично отвечает одному из этих критериев (например, если хотя бы один раздел книги был написан поляком, касается Польши или поляков, или его текст написан по-польски). Сбор, регистрация и обработка заграничной полоники является обязанностью, записанной в Уставе Национальной библиотеки в Варшаве.

В 1772, 1793 и 1795 гг. Польша была разделена между тремя соседними державами и до 1918 г. не существовала как независимое государство. В XX в. польский народ прошел через ужасы

двух мировых войн, а впоследствии в течение пяти десятилетий находился под гнетом навязанной извне системы. В эти трудные периоды истории несколько волн польских эмигрантов покинуло отечество; последняя – после вступления Польши в Евросоюз, когда множество, главным образом, молодых людей эмигрировало за границу по экономическим причинам. Считается, что в начале XXI в. за пределами страны находится от 15 до 17 млн поляков или лиц польского происхождения. По этой причине возникает необходимость учета документов, созданных поляками по всему миру, а также того, что о Польше и поляках пишут и публикуют в своих странах представители других народов. Именно эту функцию выполняет библиографирование заграничной полоники.

Регистрация заграничной полоники имеет давнюю историю. Учитывала ее еще появившаяся в 1742 г. первая польская национальная библиография (*Bibliographia Polona magna universalis*) Юзефа Анджея Залуского¹. Полоника включалась также в «Польскую библиографию» Кароля Эстрайхера², которая содержит сведения о публикациях от начала книгопечатания в Польше до конца XIX в. С основанием Национальной библиотеки, то есть с 1928 г., начал выпускаться «Официальный перечень печатных изданий»³, который регистрировал заграничную полонику в отдельном приложении. Оно издавалось непрерывно до 1939 г. Даже в период немецкой оккупации была создана небольшая картотека полоники. После войны, с 1946 г. описания полоники помещались в «Библиографическом путеводителе»⁴. Обработывалась полоника исключительно на основе текущего поступления книг в Национальную библиотеку. В 1950 г. поступление оказалось так велико, что обработка документов заграничной полоники была приостановлена. Их текущая регистрация

---

¹ *Zaluski J. A. Bibliographia Polona magna universalis* (10 t., oprac. wraz z J. D. Janockim). Была подготовлена в рукописи и до настоящего времени не сохранилась.

² *Estreicher K. Bibliografia polska. Vol. 1–22. Kraków, 1872–1908.*

³ *Urzędowy wykaz druków wydanych w Rzeczypospolitej polskiej. Warszawa : Min. wyznań relig. i oświecenia public., 1928–1939.*

⁴ Библиографический путеводитель (*Przewodnik Bibliograficzny*) – основная составляющая текущей польской национальной библиографии. В нем регистрируются издания, которые поступили в Национальную библиотеку в качестве обязательного экземпляра.

была начата в 1956 г., а публикация очередных ежегодников возобновлена в 1960 г. В последующие годы было издано пять томов ретроспективной библиографии заграничной полоники под названием: «Заграничная полоника. Библиография за период от сентября 1939 до 1955 г.»⁵. Одновременно обрабатывались и публиковались очередные ежегодники текущей библиографии «Заграничная полоника. Библиография»⁶. Последним ежегодником, который был выпущен в печатном виде, является том за 2006 г. Начиная с 2007 г. ежегодники выпускаются в электронном виде в формате PDF и размещаются на сайте библиотеки⁷.

Заграничная полоника в фондах и базах данных Национальной библиотеки

В здании библиотеки во дворце Красиньских в Старом городе Варшавы хранятся, помимо прочего, фонды старопечатных изданий, которые были выпущены до 1800 г. В настоящее время этот фонд насчитывает около 162 тыс. экз. Документы, изданные после 1800 г. (около 8 млн экз.) находятся в книгохранилище главного здания Национальной библиотеки на аллее Неподлеглиости (Независимости – прим. пер.) в Варшаве. Библиографические данные, касающиеся документов, опубликованных до и после 1800 г. доступны на сайте библиотеки в основном электронном каталоге⁸.

В Отделе польской библиографии 1901–1939 гг. находится карточный каталог, который содержит более 300 тыс. записей. «Польская библиография 1901–1939 гг.» выходит в печатной

---

⁵ Polonica zagraniczne : bibliogr. za okres od wrześ. 1939 do 1955 r. T. 1–5 / oprac. zesp. prac. Inst. Bibliogr. Zakładu Bibliogr. Retrospekt. ; pod red.: J. Wilgat ; D. Bilikiewicz-Blanc. Warszawa : Bibl. Nar., 1975–2003.

⁶ Polonica Zagraniczne. Bibliografia. Каждый том дополняют указатели: авторов и соавторов, названий, а также издательств в соответствии со страной. До 1983 г. ежегодники издавались с пометкой «Для служебного пользования». По состоянию на март 2013 г. опубликовано 50 томов.

⁷ Biblioteka Narodowa. Katalogi i bibliografie. Bibliografia narodowa. «Polonica zagraniczne». Numery do pobrania. URL: <http://www.bn.org.pl/katalogi-i-bibliografie/bibliografia-narodowa/polonica-zagraniczne/numery-do-pobrania> (дата обращения: 20.03.2013). В настоящее время для скачивания доступны ежегодники за 2007 и 2008 гг.

⁸ Biblioteka Narodowa. Katalogi Biblioteki Narodowej. URL: <http://alpha.bn.org.pl/> (дата обращения: 20.03.2013).

версии. По состоянию на октябрь 2012 г. издано 13 томов, очередные находятся в процессе подготовки⁹. Одновременно «Польская библиография 1901–1939 гг.» представлена в виде электронной базы данных, которая насчитывает чуть больше 75 тыс. записей¹⁰. Зарегистрированные документы находятся в фондах Национальной библиотеки, а также других польских и зарубежных библиотек. Значительная часть описаний была взята из различных библиографических источников.

В Отделе библиографии заграничной полоники собраны описания документов, изданных до 1 сентября 1939 г. Карточный каталог насчитывает около 157 тыс. записей и является самой большой базой данных заграничных полоников в мире. С 1993 г. функционирует также электронная база данных «Заграничная полоника», которая содержит около 70 тыс. записей¹¹. Она дает возможность не только для составления библиографических ежегодников, но и для создания любых тематических библиографий.

Примером тематической библиографии является «Польская литература в переводах. 1990–2000»¹², которая была разработана как библиографический путеводитель для Международной книжной ярмарки во Франкфурте в 2000 г. Ее продолжение – два тома: «Польская литература в переводах 1971–1980»¹³ и «Польская литература в переводах 1981–2004»¹⁴, которые содержат 9771 библиографическое описание книг, переведенных

---

⁹ Bibliografia polska 1901–1939. T. 1–13. Warszawa, 1986–2010. Опубликованные тома также доступны на сайте библиотеки в формате PDF. URL: <http://www.bn.org.pl/katalogi-i-bibliografie/bibliografia-narodowa/bibliografia-polska-1901-1939> (дата обращения: 20.03.2013).

¹⁰ Bazy Biblioteki Narodowej w systemie MAK. Baza: Bibliografia Polska 1901–1939. URL: <http://mak.bn.org.pl/cgi-bin/makwww.exe?BM=32> (дата обращения: 20.03.2013).

¹¹ Bazy Biblioteki Narodowej w systemie MAK. Baza: Polonica zagraniczne (1993–). URL: <http://mak.bn.org.pl/cgi-bin/makwww.exe?BM=11> (дата обращения: 20.03.2013).

¹² Literatura polska w przekładach 1990–2000, red. D. Bilikiewicz-Blanc [i in.]. Warszawa, 2000. 309 s.

¹³ Literatura polska w przekładach 1971–1980 / red.: D. Bilikiewicz-Blanc [i in.]. Warszawa, 2008. 592 s.

¹⁴ Literatura polska w przekładach 1981–2004 / red. D. Bilikiewicz-Blanc, T. Szubiakiewicz, B. Capik ; współpr. A. Karłowicz. Warszawa, 2005. 928 s.

на 79 языков и опубликованных в 71 стране мира. Они также являются дополнением библиографии Л. Рыль и Я. Вильгат «Польская литература в переводах 1945–1970»¹⁵, изданной в 1972 г. На сайте Национальной библиотеки доступна база данных «Переводы польской литературы (1971 –)»¹⁶.

Другим примером являются «Труды Иоанна Павла II: библиография работ, изданных за пределами Польши»¹⁷. Эта библиография дает почти полное представление о масштабах деятельности, роли и значении опубликованного наследия Иоанна Павла II в мире. В ней помещены описания всех видов сочинений Иоанна Павла II, изданных за пределами Польши. То есть не только документов и текстов выступлений Папы, но и философско-теологического творчества, пастырских и литературных произведений Кароля Войтылы перед призванием его на папский престол. В печатном виде эта библиография содержит 7 079 описаний книг, опубликованных в 89 странах, а в дополняющей ее текущей электронной базе насчитывается 7 935 позиций¹⁸.

Библиографические описания, которые находятся в карточном каталоге и базах данных, созданы на основе фондов Национальной библиотеки, а также были взяты из разных библиографических источников, которые систематически просматриваются. Анализу подвергаются около 60 европейских и других библиографий и каталогов национальных библиотек, а также доступных специализированных библиографий, например, международный перечень переводов «Index Translationum»¹⁹. В основной базе данных находятся описания документов, опубликованных в 123 странах.

---

¹⁵ Polska literatura w przekładach. Bibliografia, 1945–1970. Warszawa, 1972. 370 s.

¹⁶ Bazy Biblioteki Narodowej w systemie MAK. Baza: Przekłady literatury polskiej (1971–). URL: <http://mak.bn.org.pl/cgi-bin/makwww.exe?BM=29> (дата обращения: 20.03.2013).

¹⁷ Dzieła Jana Pawła II : bibliogr. publ. wyd. poza Pol. / oprac. A. Wolnik ; współpr. T. Szubiakiewicz ; Bibl. Narod., Inst. Bibliogr. Warszawa : Bibl. Narod., 2005. 973 s.

¹⁸ Bazy Biblioteki Narodowej w systemie MAK. Baza: Dzieła Jana Pawła II : bibliogr. publ. wyd. poza Pol. URL: <http://mak.bn.org.pl/cgi-bin/makwww.exe?BM=33> (дата обращения: 20.03.2013).

¹⁹ Index Translationum. URL: http://portal.unesco.org/culture/en/ev.php-URL_ID=7810&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 20.03.2013).

Библиография организована в систему разделов, по которой можно найти описания документов из области философии, истории перед и после Второй мировой войны, сельского хозяйства, медицины, культуры, языковедения, литературы, искусства, религии и т. д. Все базы Отдела библиографии заграничной полоники являются текущими и систематически пополняются.

Два слова об истории поляков в Сибири

Судьбы поляков в Сибири имеют долгую историю. Первые польские ссыльные попали в Сибирь в период войн короля Стефана Батория с Московским государством (1577–1582 гг.). В XVII в. было сослано в Сибирь более двухсот польских военнопленных, которых использовали в том числе и при строительстве оборонных сооружений Красноярска и Томска. В следующем столетии численность поляков, сосланных в Сибирь, значительно выросла. Самую многочисленную группу составляли барские конфедераты (1771 г.), а также участники восстания Костюшки (1794 г.). После поражения Наполеона в 1812 г. в Сибирь попали очередные польские пленные, однако массовые вывозки поляков в XIX в. начались в результате репрессий после ноябрьского (1830–1831 гг.) и январского восстаний (1863–1864 гг.).

С начала XX в. численность поляков в Сибири систематически увеличивалась. Некоторые из них после отбытия наказания и возвращения в Польшу по собственной воле выезжали обратно в Сибирь, где занимались хозяйственной и научной деятельностью, создавали семьи. В Сибирь уезжали также добровольные польские переселенцы из Царства Польского, Литвы и приграничных территорий. За Урал отправлялись бывшие солдаты, врачи, чиновники, выпускники высшей школы и профессиональных училищ. На строительство транссибирской железной дороги выехало множество польских инженеров и механиков.

На формирование польских традиций и развитие культуры большое влияние оказала католическая церковь. Польские католические общины появились в Сибири в конце XVIII в. (первые приходы возникли в Томске и Иркутске). В первой половине XIX в. за Урал прибыли польские доминикане, иезуиты и бернардинцы, которые в 1825 г. построили в Иркутске деревянный костел. В статье под названием «Жизнь и смерть в изгнании: поляки в Сибири (XVII – начало XX в.)» С. В. Леончик приво-

дид данные о том, что в 1914 г. деканат «Иркутск-Сибирь» насчитывал 6 приходов, 4 филиала и 2 часовни, а число прихожан составляло 29 925 человек²⁰.

После 17 сентября 1939 г. с территории Польши, занятой Красной армией, были произведены массовые депортации польских граждан. В имеющемся в Интернете тексте под названием «Поляки в Сибири: материалы из фондов Исторической комиссии Краковского отделения Союза Сибиряков» читаем: «Точное количество депортированных трудно установить. Вокруг этой проблемы до настоящего времени продолжаются дискуссии историков. По мнению польских источников в период с 17 сентября 1939 г. до начала советско-немецкой войны 22 июня 1941 г. из восточных районов Польши выбыло по крайней мере 1 млн 700 тыс. польских граждан. Доступные в настоящее время исследователям российские источники подают число в 470 тыс. человек»²¹.

Во время транспортировки и в лагерях погибли тысячи поляков. Часть тех, кто выжил, была эвакуирована во время вывода армии генерала Владислава Андерса в Иран. Следующим шансом на возвращение в Польшу был призыв в новое Войско Польское, но большинство гражданского населения оставалось на юге СССР.

Вместе с перемещением фронта на запад и после повторного вторжения Красной армии на территорию Польши в 1944–1945 гг. наступила очередная волна репрессий, жертвами которых стали главным образом солдаты Армии крайовой. По данным вышеупомянутой Исторической комиссии Краковского отделения Союза Сибиряков, в этот период вывозилось от 2 до 2,5 тыс. ежемесячно. Вывозки продолжались до начала 1950-х гг.

---

²⁰ *Леончик С. В.* Жизнь и смерть в изгнании: поляки в Сибири (XVII – начало XX в.) // *Sotocęstvenniki = Rodacy: pismo syberyjskie Kongr. Polaków w Rosji*, z 8 maja 2010 r. – internet. wyd. czasopisma. URL: http://kronikarz.org.pl/index.php?option=com_content&view=article&id=238:ycie-i-mier-na-wygnaniu-polacy-na-syberii-xvii-pocztek-xx-ww&catid=115:inne&Itemid=123 (дата обращения: 20.03.2013).

²¹ *Polacy na Syberii: materiały ze zbiorów Komis. Hist. Krakow. Oddz. Związku Sybiraków.* URL: http://ipn.gov.pl/strony-zewnetrzne/wystawy/polacy_na_syberii/html/wstep.html (дата обращения: 20.03.2013).

В рамках репатриаций 1945–1946 гг. и 1955–1959 гг. домой вернулись сотни тысяч людей. Многие тем не менее остались. В настоящее время больше всего поляков проживает в Иркутске, Новосибирске и Улан-Удэ.

Судьбы поляков в Сибири являются объектом значительного числа исследований и публикаций. Многие из них можно найти в фондах Национальной библиотеки в Варшаве – крупнейшего польского книгохранилища.

Польская сибирика и сибирская полоника в фондах Национальной библиотеки

Представленное выше определение заграничной полоники как документов, опубликованных за пределами Польши, но связанных с ней через автора, редактора, переводчика, иллюстратора, тему или язык, с уверенностью можно применить и к полонике сибирской.

К польской сибирике в данном случае можно отнести опубликованные на территории Польши документы:

- автором, редактором, переводчиком, иллюстратором которых является особа, этнически принадлежащая к коренным сибирским народам (невозможно найти связей с Сибирью каждого, кто имеет русскую фамилию, поэтому данный критерий должен быть сужен до коренных жителей Сибири);

- которые касаются Сибири;
- которые были изданы на языках (кроме русского, так как он является государственным), коренным образом связанных с Сибирью.

Поэтому если документ частично или полностью отвечает хотя бы одному из этих критериев, он может считаться польской сибирикой.

В Национальной библиотеке в Варшаве польскую сибирику можно найти в тех картотеках и базах данных, которые не были созданы Отделом библиографии заграничной полоники, так как он занимается исключительно документами, опубликованными за пределами Польши.

Польская сибирика: краткий исторический очерк и современное состояние

Самое старое произведение польского автора, находящееся в фонде Национальной библиотеки, которое содержит упоминания

о Западной Сибири, было опубликовано в Кракове в 1517 г. под названием «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской, и о находящемся в них»²². Обработал его Мачей из Мехова, личность невероятно многосторонняя: врач, историк, географ, профессор Краковской академии, ксендз-каноник, алхимик и астролог, который в 1523 г. исполнял также функции члена магистрата Кракова. Это произведение считается первым сочинением эпохи Возрождения, которое научным способом описывает географию и этнографию территорий Восточной Европы и Западной Сибири, хотя его автор лично не посетил описанных в нем стран. В XVI в. было выпущено множество изданий этого сочинения на латинском, польском, голландском, итальянском и немецком языках, которое пользовалось огромной популярностью, особенно в Италии и Германии. Его современный польский перевод был опубликован во Вроцлаве в 1972 г. под названием «Описание Азиатской и Европейской Сарматий»²³. Приведем в качестве примера небольшой отрывок из сочинения М. Меховия: «За Княжеством Московским находятся страны и народы между севером и востоком на границе Азии или Скифии, которые подчиняются Княжеству Московскому и завоеваны князем Иваном – Пермь, Башкирия, Черемисия, Югра, Карелия. [...] Югры в Югре [старорусское название территорий Западной Сибири] скифской не обрабатывают землю, не сеют, не имеют хлеба, вина и пива, живут бедно в лесах и подземных ямах, питаются рыбой и мясом животных, которых имеется в изобилии. Пьют воду и одеваются в шитые вместе меха разных зверей – волка, оленя, лисы, куницы и т. п.»²⁴.

В 1979 г. в журнале «Польская этнография» была опубликована большая статья А. Кучиньского под названием: «Участие поляков в изучении Сибири в XVII в. на фоне старопольских известий о народах России»²⁵. Этот текст содержит в себе огромный запас сведений по данной теме. Одновременно он дает

---

²² *Maciej z Miechowa*. Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana et de contentis in eis. Kraków, 1517. 34 k.

²³ *Он же*. Opis Sarmacji Azjatyckiej i Europejskiej. Wrocław, 1972. 100 s.

²⁴ Там же. S. 76, 54–55.

²⁵ *Kuczyński A.* Udział Polaków w poznawaniu Syberii w XVII wieku na tle staropolskich wiadomości o ludach Rosji // *Etnografia polska*. 1979. T. 23, z. 1. S. 119–152.

возможность расширить поле исследования, поскольку включает фамилии авторов и названия многих работ, относящихся к рассматриваемой проблематике.

В более ранней своей статье А. Кучинский пишет: «Первым известным нам поляком, который оставил описание Сибири и ее народов, был Адам Каменски-Длужик. Рассматривая его, мы должны опираться на данные, которые он сам о себе подал в сибирских воспоминаниях. Попавший в плен 29 октября 1657 г., когда: [...] с князем Юрием Долгоруким на Басе между Углами²⁶ была битва, – он был вывезен в Сибирь. Его ссыльное путешествие началось в Москве и проходило через Ярославль, Вологду, Кайгородск, Соликамск, Верхотурье и дальше в направлении Тюмени и Тобольска, откуда по Иртышу и Оби он добрался до Сургута и Нарыма. Потом он проезжал через Енисейск и по р. Лена добрался до Якутска»²⁷.

Современное издание рассказа Адама Каменского-Длужика под названием «Дневник московского заключения, городов и мест» в обработке А. Кучинского, Б. Полевого и З. Вуйчика вышло во Вроцлаве в 1997 г.²⁸

А. Кучинский является автором и редактором множества книг и статей, касающихся поляков в Сибири и связей поляков с Сибирью. В главном каталоге Национальной библиотеки зарегистрировано 30 произведений его авторства.

В XVIII в. самую многочисленную группу польских ссыльных составляли барские конфедераты. Одним из них был Кароль Любич Хоецкий, автор воспоминаний «Память польской истории: путешествие и несчастливая победа поляков»²⁹. На основе

---

²⁶ Дата указана А. Каменским-Длужиком ошибочно.

²⁷ *Kuczyński A.* Pierwsza polska relacja o ludach Syberii // *Etnografia polska*. 1968. Т. 12. S. 175. – Там же А. Кучинский отмечает, что дата битвы указана А. Каменским-Длужиком ошибочно. Битва на р. Басе вблизи села Углы (современная Могилевская область в Белоруссии) произошла 8 октября 1660 г. во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. Русская армия под руководством воеводы Юрия Долгорукова противостояла польской армии под руководством великого гетмана Сапеги и Стефана Чарнецкого.

²⁸ *Kamiński-Dłużyk A.* Diariusz więzienia moskiewskiego, miast i miejsc. Wrocław, 1997. 96 s.

²⁹ *Chojcecki K. L.* Pamięć dzieł polskich: podróż i nie pomyślny sukces Polaków przez [...] Karola Lubicz Chojceckiego. Warszawa, 1789. 165 s.

первого издания 1789 г. это произведение было также выпущено в 1997 г. в обработке А. Кучиньского и З. Вуйчика³⁰. В своем дневнике Хоецкий пишет, что путь его странствования проходил через Верхотуру, называемую «окном Сибири», Тюмень, Тобольск, Тару и Омск. О положении ссыльных поляков в Сибири в данном сочинении написано следующее: «Видели мы в Таре, в Тобольке, в Казани и в разных других местах много наших поляков, уже очень старых, в разных состояниях там находящихся, несколько десятков лет назад взятых в плен, которые во время революции короля Станислава Лещинского попав в неволю, уже не имели надежды на спасение; все мы были в ужасе, боясь подобной угрозы»³¹.

Другим известным конфедератом был Мауриций Август Бенёвский, который был выслан россиянами на Камчатку, откуда лихо сбежал с товарищами на угнанном корабле. Свою историю Бенёвский описал в дневниках, французская рукопись которых находится в Национальной библиотеке Великобритании (British Library) в Лондоне. Польские переводы дневников под названием «История путешествия и необычайных приключений знаменитого Мауриция-Августа графа Бенёвского, дворянина польского и венгерского»³² были изданы в Варшаве в 1797 г.

В некоторых биографиях Бенёвский представлен авантюристом и вруном, который якобы сам выдумал большинство своих приключений. Совершенно иной подход представляет Э. Кайданьский, историк и писатель, знаток восточных языков и увлеченный путешественник по странам Дальнего Востока. В книге «Тайна Бенёвского: открытия, интриги, фальсификации», изданной в Варшаве в 1994 г.³³, он проводит подробный анализ, доказывая достоверность сообщений Бенёвского. Как заметил Т. Беньковский в предисловии к книге Э. Кайданьского, в течение почти двухсот лет, которые прошли с момента написания

---

³⁰ *Chojceki K. L.* Pamięć dzieł polskich: podróż i niepomyślny sukces Polaków. Bagny ; Warszawa ; Wrocław, 1997. 204 s.

³¹ Там же. S. 74.

³² *Beniowski M. A.* Historia podróży y osobliwszych zdarzeń sławnego Maurycego-Augusta hrabi Beniowskiego szlachcica polskiego i węgierskiego. T. 1–4. Warszawa, 1797. T. 1. 352 s. ; T. 2. 347 s. ; T. 3. 377 s. ; T. 4. 380 s.

³³ *Kajdański E.* Tajemnica Beniowskiego: odkrycia, intrygi, fałszerstwa. Warszawa, 1994. 486 s.

дневников: «они были предметом множества интриг и манипуляций, инспирированных, прежде всего, великими державами, борющимися за престиж и господство на северных территориях Тихого океана»³⁴. Проблема достоверности воспоминаний Бенёвского касается, поэтому, не только его видения, но и первенства географических открытий в Беринговом море, а также в северной и центральной частях Тихого океана, по водам которых плывал Бенёвский на семь лет раньше Джеймса Кука. Книга Э. Кайданьского показывает Бенёвского и его достижения в совершенно ином свете, чем это было до настоящего времени. Ее герой представлен в ней как патриот, путешественник, первооткрыватель, на сообщения которого можно положиться. Таким же героем был Бенёвский по мнению Юлиуша Словацкого, поэма которого «Бенёвский» вышла в Лейпциге в 1841 г.³⁵

Во втором томе «Истории польской литературы» М. Вишневого, изданном в Кракове в 1840 г., был опубликован польский перевод отчета о путешествии посольства, отправленного папой Иннокентием IV к правителю монголов в 1245 г. Сочинение называлось «Путешествие брата Яна де Плано Карпино и Бенедикта Поляка»³⁶. В состав посольства входил вроцлавский монах Бенедикт, именуемый Поляком. Задачей миссии был сбор информации о монгольском государстве, а также обращение монгольского правителя в христианство. Дорога путешественников до столицы монгольской империи проходила также вдоль озера Байкал: «Натолкнулись мы на какое-то небольшое море (озеро Байкал), на берегу которого есть какая-то небольшая гора [...] Шли мы несколько дней берегом этого моря, которое хотя и не было слишком широким, имело множество островов; они остались у нас с левой стороны»³⁷.

Осенью 1247 г. посольство привезло Папе ответ Великого Хана, а также подробный отчет о путешествии. В отчете находилось географическое описание земель, через которые проезжали послы, и народов, с которыми они контактировали. Этот доклад существовал в XIII в. в нескольких копиях, позднее он

---

³⁴ *Kajdański E.* Tajemnica Beniowskiego... S. 8.

³⁵ *Słowacki J.* Beniowski. Lipsk, 1841. 176 s.

³⁶ *Wiszniewski M.* Historia literatury polskiej. T. 2. Kraków, 1840. S. 208–223.

³⁷ Там же. S. 215.

выдержал множество изданий и переводов на европейские языки. Бенедикт Поляк был первым польским путешественником, который дошел так далеко на восток.

В XIX в. было опубликовано множество личных воспоминаний о Сибири, написанных не только побывавшими в ссылке, но и добровольно отправившимися за Урал в путешествие или в поисках работы. Приведем в качестве примера лишь некоторые из них: «Дневник путешествия Юзефа Копца вдоль всей Азии, быстрого от порта Охотск по океану через Курильские острова до Нижней Камчатки, а оттуда обратно до того же порта на собаках и оленях» (Вроцлав, 1837), Эва Фелиньска «Воспоминания о путешествии в Сибирь и пребывания в Березове» (Вильно, 1850), Винцент Мачей Мигурски «Воспоминания из Сибири» (Львов, 1863), «Пребывание в Сибири Рафала Блонского, описанное им самим в 1865 г.» (Краков, 1867), Э. Новаковски «Воспоминания о польском духовенстве, находящимся в изгнании в Сибири, в Тунке» (Познань, 1875), Б. Рейхман «С Дальнего Востока: впечатления, картинки, описания из добровольного путешествия по Сибири» (Варшава, 1881) и др.³⁸

Появились обобщающие работы, посвященные истории поляков в Сибири, например, «Поляки в Сибири» З. Либровича (Краков, 1884) или «Изгнание и мученичество польских патриотов в Сибири» Ф. Богдановича (Львов, 1891)³⁹.

В период разделов многие поляки проводили в Сибири исследования в таких отраслях, как география, геология, археология, этнография и языковедение. Среди них наиболее известными являются: Бенедикт Дыбовский – натуралист, путешественник,

---

³⁸ *Kopeć J.* Dziennik podróży Józefa Kopcia przez całą wzdłuż Azyą, lotem od portu Ochotska oceanem przez Wyspy Kurylskie do Niższej Kamczatki, a stamtąd na powrót do tegóż portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837. 182 s. ; *Felińska E.* Wspomnienia z podróży do Syberji i pobytu w Berezowie. Wilno, 1850. 329 s. ; *Migurski W. M.* Pamiętniki z Sybiru. Lwów, 1863. 250 s. ; *Błoński R.* Pobyt na Syberji Rafała Błońskiego przez niego samego w Rzymie opisany w 1865 r. Kraków, 1867. 119 s. ; *Nowakowski E.* Wspomnienie o duchowieństwie polskiem znajdującem się na wygnaniu w Syberji, w Tunce. Poznań, 1875. 62 s. ; *Rejchman B.* Z Dalekiego Wschodu : wrażenia, obrazki, opisy z dobrowolnej podróży po Syberji. Warszawa, 1881. 287 s.

³⁹ *Librowicz Z.* Polacy w Syberji. Kraków, 1884. 380 s. ; *Bogdanowicz F.* Wygnanie i męczeństwo polskich patryotów na Syberji. Lwów, 1891. 37 s.

открыватель и врач, исследователь озера Байкал, Дальнего Востока и Камчатки, профессор Львовского университета и Варшавской главной школы; Александр Петр Чекановский – путешественник и геолог, исследователь Центральной Сибири; Ян Черский – геолог, палеонтолог, натуралист, исследователь Сибири; Эдвард Пекарский – лингвист, сибирский ссыльный; Вацлав Серошевский – писатель, сосланный в Сибирь, путешественник, этнограф Сибири и участник национально-освободительного движения, кавалер ордена *Virtuti Militari* V степени. Памятники Э. Пекарскому и В. Серошевскому находятся в Якутске. Упомянутые исследователи сами писали книги, также выпускались книги о них. Необычайно плодовитым писателем был В. Серошевский, в фондах Национальной библиотеки в Варшаве находятся 244 позиции, автором которых он был.

В первой половине XX в. продолжались выпускаться научные издания и мемуарная и художественная литература, посвященные Сибири⁴⁰. Появились переводы иностранных авторов: трехтомник С. В. Максимова «Сибирь и каторга», книга Д. Кеннана «Сибирь» (Варшава, 1907) и другие издания⁴¹.

Воспоминания сосланных в Сибирь участников национально-освободительного движения в Царстве Польском публиковались и во второй половине XX в.⁴² В то время как мемуары депортированных в конце 1930-х и 1940-е гг. польских граждан по причинам политического и идеологического характера не издавались до начала 1990-х гг., например, книга Э. Денбовского «В окрестностях тайги: дневник ссыльного», рассказывающая историю одной семьи из Подолья, высланной в Сибирь⁴³.

---

⁴⁰ *Dybowski B.* O Syberyi i Kamczatce. Lwów, 1900. 248 s. ; *Janik M.* Dzieje Polaków na Syberji. Kraków, 1928. 472 s. ; *Komorowski W.* Syberja jako czynnik gospodarstwa światowego. Warszawa, 1936. 490 s. ; *Drygas J. J.* Wspomnienia chłopa-powstańca. Kraków, 1913. 112 s. ; *Etapami na Syberię: obrazy i wspomnienia.* Warszawa, 1916. 147 s. ; *Sieroszewski W.* W matni : [nowele jakuckie]. Lwów, 1920. 244 s.

⁴¹ *Maksimov S. V.* Syberya i Ciężkie Roboty. T. 1–3. Warszawa, 1899–1900 ; *Dejč L. G.* Szesnaście lat na Sybirze. Lwów, 1905. 350 s. ; *Kenan G.* Syberya. T. 1–4. Warszawa, 1907. T. 1. 149 s. ; T. 2. 141 s. ; T. 3. 160 s. ; T. 4. 140 s.

⁴² *Paliński S.* Ze wspomnień wygnańca. Kraków, 1986. 196 s. ; *Starorypiński Z., Borowski K.* Między Kamieńcem i Archangielskiem: dwa pamiętniki powstańców z 1863 roku. Warszawa, 1986. 413 s.

⁴³ *Dębowski E.* W okowach tajgi: pamiętnik zesłańca. Kielce, 1992. 147 s.

Среди работ по истории поляков в Сибири, изданных во второй половине XX в., можно привести сборник «Из прошлого Сибири» (Краков, 1964), монографии А. Кучиньского «Сибирские дороги» (Варшава, 1972) и Г. Скока «Поляки на Байкале: 1863–1883» (Варшава, 1974)⁴⁴.

Начиная с середины XX в. довольно много было опубликовано описаний путешествий в Сибирь. Среди них сочинения В. Иваницкого «Я открываю Сибирь: короткий итог долгого путешествия» (Варшава, 1958); «Ангара – единственная дочь Байкала» (Варшава, 1964); Романа Братны «Тревожные следы» (Варшава, 1959); Р. Бадовского «Пропаг северный олень» (Варшава, 1973); Р. Коперского «По Сибири “зайцем”» (Гданьск, 2011) и др.⁴⁵

В 1950-е гг. было издано несколько биографий польских исследователей Сибири, среди них книги о Б. Дыбовском: Я. Доманевский «Бенедикт Дыбовский» (Варшава, 1954) и Я. Худзиковская, Я. Ястер «Тайна святого моря или настоящая жизнь Бенедикта Дыбовского» (Варшава, 1957)⁴⁶; и книга Г. Ревзина «О Яне Черском», переведенная с русского языка⁴⁷. Выпускалась художественная литература, оригинальная и переводная⁴⁸, а также литературоведческие издания⁴⁹.

Всего в результате поиска, который проводился в октябре 2012 г., в главном каталоге Национальной библиотеки в Варшаве только по ключевому слову «Сибирь» было найдено 703 библиографических записи.

---

⁴⁴ Z przeszłości Syberii. Kraków, 1964. 85 s. ; *Kuczyński A.* Syberyjskie szlaki. Wrocław, 1972. 468 s. ; *Skok H.* Polacy nad Bajkałem: 1863–1883. Warszawa, 1974. 334 s.

⁴⁵ *Iwanicki W.* Odkrywam Syberię: krótki bilans długiej podróży. Warszawa, 1958. 47 s. ; *Angara* jedynaczka Bajkału. Warszawa, 1964. 81 s. ; *Bratny R.* Niespokojne tropy. Warszawa, 1959. 111 s. ; *Lenart J.* Portret z diamentów. Warszawa, 1967. 211 s. ; *Badowski R.* Renifer zaginął. Warszawa, 1973. 79 s. ; *Zygadło H.* Syberyjska spiekota. Wrocław, 2007. 173 s. ; *Koperski R.* Przez Syberię na gapę. Gdańsk, 2011. 365 s.

⁴⁶ *Domaniewski J.* Benedykt Dybowski. Warszawa, 1954. 174 s. ; *Chudzikowska J., Jaster J.* Tajemnica świętego morza czyli Benedykta Dybowskiego żywot nieurojony. Warszawa, 1957. 518 s.

⁴⁷ *Revzin G.* O Janie Czernskim. Warszawa, 1954. 131 s.

⁴⁸ *Sokolov-Mikitov I. S.* Ojczyzna. Warszawa, 1954. 662 s. ; *Newerly I.* Wzgórze Błękitnego Snu. Wrocław, 1994. 377 s.

⁴⁹ *Lis K.* Syberia w historii literatury Rosji carskiej: realia i mity. Kielce, 2009. 175 s.

Сибирские полоники

В базах данных Национальной библиотеки сибирская полоника не столь многочисленна, как польская сибирика. Названия публикаций записаны в транслитерации кириллических знаков на знаки латинские и только в таком виде их можно найти в этих базах⁵⁰. Все эти позиции имеются также в каталогах российских библиотек, поэтому в данной статье нет смысла приводить их названия. Достаточно сказать, что издания, которые были выпущены в Сибири, например, в последние годы, – это материалы, посвященные депортированным полякам; тексты, касающиеся истории и современного состояния сибирской польской диаспоры; документы, рассказывающие о польской культуре и изучении польского языка в Сибири; переводы польской литературы на русский язык.

Эти данные пока предварительные, для более точных подсчетов требуется провести более глубокое изучение указанных библиографических баз.

* * *

Представленные результаты являются лишь попыткой продемонстрировать возможности поиска польской сибирики и сибирской полоники в базах Национальной библиотеки в Варшаве. Проведение подобного анализа с российской стороны и создание общей, польско-русской базы польской сибирики и сибирской полоники позволили бы собрать в одном месте материал, который давал бы более-менее полное представление об истории пребывания поляков в Сибири. Подобная база облегчила бы проведение исследований по данной проблематике, важных для обоих наших народов.

---

⁵⁰ Пример записи из каталога Национальной библиотеки: *Materialy naučno-praktičeskoj konferencii «Ssylka na ŭge Enisejskoj gubernii» : (k 175-letiŭ obrazovaniâ Enisejskoj gubernii) : 6–7 oktâbrâ 1997 g. (Šušenskoe, 1997. M.in.: Pol’skaâ poličiškaâ ssylka na ŭge Enisejskoj gubernii 19- nač. 20 vv. / Sergiusz Leończyk).*

Людмила Андреевна МАНДРИНИНА
отдел научной библиографии ГПНТБ
СО РАН (Новосибирск)

Труды по истории поляков в Сибири в базах данных собственной генерации ГПНТБ СО РАН

Представлены результаты библиометрического анализа документального информационного потока (ДИП) «Поляки в Сибири», сформированного на основе баз данных ГПНТБ СО РАН. Рассмотрена типовидовая структура ДИП, динамика публикаций по годам, наиболее «продуктивные» по публикациям журналы, сборники статей и материалы научных мероприятий.

Ключевые слова: библиографические базы данных, ГПНТБ СО РАН, документальный информационный поток, поляки в Сибири, библиометрический анализ.

История России и Сибири на протяжении нескольких столетий неразрывно связана с историей польского народа. Сибирь являлась местом каторги и ссылки, но в то же время и местом, куда в XIX в. ехали жители Царства Польского чтобы найти работу и быстро сделать карьеру. Но при каких бы условиях не происходило соединение, слияние разных народов – это, в конечном счете, имело положительные результаты: происходило взаимное (культурное, научное и пр.) обогащение народов. История польского народа стала неотъемлемой частью российской и сибирской истории.

ГПНТБ СО РАН как крупный информационный центр создает библиографические базы данных (БД) по природным ресурсам, истории, экономике, культуре, науке Сибири и Дальнего Востока. БД объединены в одну комплексную БД «Научная Сибирика», в которой отражены публикации с конца 1980-х гг. по настоящее время. Сервисы БД позволяют прово-

дить библиометрический, наукометрический анализ документопотоков по различным научным направлениям и темам¹.

На основе БД «Научная Сибирика», «Сибирская и дальневосточная книга» (сводный каталог) был сформирован документальный информационный поток (ДИП) по теме «Поляки в Сибири». Создана рабочая БД, объем которой составил 860 библиографических записей документов. Основной массив публикаций приходится на 1989–2012 гг. В него включены документы, освещающие различные аспекты истории поляков в Сибири с конца XVI в. до современности. Это монографии, авторефераты диссертаций, статьи из журналов, сборников и газет, материалы научных мероприятий (конференций, совещаний, семинаров и др.).

Таблица 1

**Распределение ДИП «Поляки в Сибири»
по видам документов**

Вид документа	Количество	%
Монографии	34 (из них 6 – брошюрного типа)	3,9
Авторефераты диссертаций	11	1,3
Статьи из журналов	160	18,0
Материалы научных мероприятий (конференций, семинаров и т. д.)	407	48,0
Статьи из сборников / продолжающихся изданий	215	25,0
Статьи из газет	33	3,8
<i>Всего</i>	<i>860</i>	<i>100</i>

Статистические данные о видовой структуре ДИП (табл. 1) показывают, что почти половину документов составляют материалы научных мероприятий (конференций, семинаров и др.).

Динамика публикаций ДИП по годам представлена в таблице 2.

---

¹ Балуткина Н. А., Бусыгина Т. В. База данных «Научная Сибирика» как новая форма библиографических ресурсов ГПНТБ СО РАН // Информ. ресурсы России. 2012. № 2. С. 2–4.

Распределение ДИП «Поляки в Сибири» по годам

Годы	Количество документов	Годы	Количество документов
1898	1	1998	28
1899	1	1999	29
1912	1	2000	55
1913	1	2001	35
1915	2	2002	77
1920	1	2003	44
1989	16	2004	28
1890	8	2005	61
1991	11	2006	36
1992	23	2007	46
1993	5	2008	61
1994	20	2009	74
1995	14	2010	68
1996	6	2011	56
1997	17	2012	35
<i>Всего 860 документов</i>			

Наиболее «продуктивные» годы – это 2000, 2002, 2008–2011, что в большей степени обусловлено изданием в эти годы материалов значительного числа конференций гуманитарного направления (международных, всероссийских, региональных), на которых были сделаны доклады о польской истории в Сибири.

Монографии составляют около 4 % публикаций ДИП (34 названия). Приведем в качестве примера некоторые из работ, опубликованных в 2001–2012 гг. В них рассматривается история ссылки и пребывания поляков в разных регионах Сибири, влияние их деятельности на хозяйственную и культурную жизнь местного населения, вклад в изучение культуры народов Сибири (табл. 3).

Статьи в журналах составляют 18 % от общего числа документов ДИП и представлены 160 публикациями в 58 названиях журналов. Более 60 % всех журнальных публикаций (92 статьи) за 1991–2011 гг. вышло в 9 журналах, в 49 журналах отмечено по 1–2 статьи (табл. 4).

**Перечень фундаментальных монографий в ДИП
«История поляков в Сибири»**

Автор	Заглавие	Место издания	Год издания	Количество страниц
1. Армон В.	Польские исследователи культуры якутов	Москва	2001	172
2. Соколовский И. Р.	Служилые «иноземцы» в Сибири VII века (Томск, Енисейск, Красноярск)	Новосибирск	2004	209
3. Никулина И. Н.	Религия и политические ссыльные Западной Сибири в XIX в. (20-е – первая половина 70-х гг.)	Барнаул	2004	175
4. Гапоненко В. В.	Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья первой половины XIX в.	Улан-Удэ	2006	239
5. Столяров-Король П.	Родина, заново обретенная	Абакан	2007	224
6. Пяткова С. Г.	Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода	Сургут	2008	161
7. Петшик В. И.	Маленькая Польша в таежной Сибири [история деревни Вершина Боханского района Иркутской области]	Норильск	2008	191
8. Островский Л. К.	Поляки в Западной Сибири (1890-е – 1930-е годы)	Новосибирск	2011	460

Автор	Заглавие	Место издания	Год издания	Количество страниц
9. Туманик Е. Н.	Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX века	Новосибирск	2011	225
10. Мулина С. А.	Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников польского восстания 1863 года в Западной Сибири	Санкт-Петербург	2012	199

Таблица 4

Ядро журналов (наиболее «продуктивные» журналы) по теме

№ п/п	Название	Количество публикаций	Год публикации
1.	Известия Института наследия Б. Пилсудского. Южно-Сахалинск	30	1998–2004
2.	Acta Universitatis Wratislaviensis. Wrocławskie studia wschodnie. Wrocław	18	1998–2008
3.	Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск	11	1997–2011
4.	Байкал. Улан-Удэ	3	1991, 1992, 2011
5.	Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология	3	2006, 2009, 2011
6.	Земля Иркутская. Иркутск	6	1994, 1995, 2002, 2003, 2005
7.	Тальцы. Иркутск	8	2005
8.	Якутский архив. Якутск	7	2001
9.	Енисей. Красноярск	6	2000
<i>Всего</i>		<i>92 (60,5 %)</i>	

Больше всего статей (30) опубликовано в журнале «Известия Института наследия Б. Пилсудского». Затем следует польский журнал «Acta Universitatis Wratislaviensis. Wrocławskie studia wschodnie» (18 статей) и издание Института истории СО РАН «Гуманитарные науки в Сибири» (11 статей). По одной публикации вышло в свет в «Вестниках» Томского, Бурятского и Хакасского государственных университетов, Омского аграрного университета, Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Дальневосточного отделения РАН. По две публикации – в «Вестнике Томского педагогического университета», «Известиях Алтайского государственного университета», центральных журналах «Этнографическое обозрение» и «Славяноведение», в сибирских журналах «Библиосфера», «Югра», «Лукич».

Среди всех выявленных журналов, содержащих публикации по истории поляков Сибири, только 10 включены в список ВАК, восемь из них имеют импакт-фактор РИНЦ (табл. 5). Таким образом, видно, что количество публикаций в «цитируемых» журналах небольшое (16 названий, 10 % от общего числа журнальных публикаций).

Таблица 5

Журналы, включенные в перечень ВАК

№ п/п	Название	Импакт-фактор РИНЦ	Количество публикаций в ДИП
1.	Библиосфера	0,216	1
2.	Вестник Бурятского государственного университета	–	1
3.	Вестник Дальневосточного отделения РАН	0,212	1
4.	Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств	–	1
5.	Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология	0,105	3
6.	Вестник Томского государственного педагогического университета	0,051	2
7.	Вестник Томского государственного университета	0,07	1
8.	Известия Алтайского государственного университета	0,43	2
9.	Славяноведение	0,053	2
10.	Этнографическое обозрение	0,110	2
<i>Всего</i>			<i>16</i>

Статьи из сборников составляют 215 документов (25 %). В 7 сборниках (некоторые из них имеют несколько выпусков) опубликовано 50 % всех публикаций в сборниках (107 статей), в остальных – по 1–2 статьи (табл. 6).

Таблица 6

**Наиболее «продуктивные» сборники в ДИП
«Поляки в Сибири»**

№	Название	Количество публикаций
1.	Бенедикт Дыбовский. Новосибирск, 2002	10
2.	Гуманитарные арабески о польском и русском наследии. Тюмень, 2010	10
3.	Коркина слобода : краевед. альм. Ишим, 2001, 2002, 2008	3
4.	Краеведческий бюллетень / Сах. обл. краевед. музей. Южно-Сахалинск, 1991–2000	16
5.	Поляки в Бурятии, Улан-Удэ, 2008	3
6.	Сибирская ссылка, Иркутск, 2000, 2006, 2009, 2011	9
7.	Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002	56
<i>Всего</i>		<i>107</i>

Четыре сборника непосредственно посвящены польской теме: «Сибирь в истории и культуре польского народа» (М., 2002), «Бенедикт Дыбовский» (Новосибирск, 2002), «Гуманитарные арабески о польском и русском наследии» (Тюмень, 2010) и «Поляки в Бурятии» (Улан-Удэ, 2008). Сборник «Сибирь в истории и культуре польского народа» представляет собой мемориальное издание, посвященное Брониславу Пилсудскому (1866–1918) – ссыльному, выдающемуся исследователю культуры народов Амура и Сахалина. Сборник подготовлен при участии Конгресса поляков в России, Вроцлавского университета, Центра восточных исследований и кафедры этнологии, семинарии Общества Божественного Спасителя, ассоциации «Польская община».

Самым многочисленным видом публикаций в БД являются материалы научных мероприятий (конференций и т. д.). В документопотоке нами выявлено 407 публикаций в сборниках материалов конференций – это доклады и тезисов докладов. За период с 1989 по 2012 г. доклады по проблемам поляков в Сибири были

сделаны на 139 конференциях. Более 60 % докладов представлено на 15 конференциях (246 докладов).

Три конференции были непосредственно посвящены научному вкладу поляков в исследование Сибири и Дальнего Востока:

- 100-летие исследований поляков в Восточной Сибири и на Байкале, советско-польский симпозиум. Иркутск, 1989;

- Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина, международная научная конференция. Южно-Сахалинск, 1991 (сборник докладов издан в 1992);

- Вклад польских ученых в изучение Восточной Сибири и озера Байкал, международная научно-практическая конференция (Иркутск – пос. Лиственничное – пос. Мишиха, 23–26 июня 2011 г.);

На них представлены доклады о геологических, географических, гидрологических исследованиях Байкала и других районов Восточной Сибири; изучении фольклора, этнографических исследованиях коренного населения Сахалина.

Различные аспекты истории польской ссылки (политические, уголовники, ссылка после восстаний в Польше 1830–1831, 1863–1864 гг. и др.), депортации польских граждан в Сибирь представлены в докладах на конференциях и семинарах:

- Польская ссылка в России XIX–XX вв.: региональные центры, международная российско-польская научная конференция, Казань, 8–12 сентября 1997 г. (сборник докладов издан в 1998);

- Массовая депортация польских граждан в новейшей истории сибирской Полонии, научная конференция, Новосибирск, 9 декабря 2000 г.;

- Полония в Сибири: проблемы и перспективы развития, международная научная конференция, 30–31 мая 2003 г., Улан-Удэ.

Работа архивов и музеев Хакасии и Красноярского края по изучению документов, касающихся истории пребывания поляков в Сибири, освещена в докладах межрегиональных научно-практических конференций и семинаров 2003–2004 гг. под общим названием «Польская тема в работе архивов и музеев Хакасии и Красноярского края», Абакан (сборник докладов издан в 2005 г. под названием: «Поляки в Приенисейском крае»).

Роли поляков в истории и культуре народов Сибири, межкультурному взаимодействию народов посвящены две конференции и семинар:

- История и культура поляков Сибири, межрегиональные тематические чтения 2006–2007 гг., Красноярск (сборник докладов

издан в 2007 г. под названием «Польская интеллигенция в Сибири, XIX–XX вв.»);

- Польша в истории и культуре народов Сибири, международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Эдуарда Карловича Пекарского (этнографа, первого в мире составителя словаря якутского языка) и этнографа-сибироведа Вацлава Леопольдовича Серошевского. Якутск, 2008 (сборник докладов издан в 2009 г. под названием «Межкультурное взаимодействие в Сибири: историко-этнографические, лингвистические, литературоведческие аспекты»);

- Проблемы изучения русско-польских культурных контактов в Тарском Прииртышье XIX–XX веков, междисциплинарный научный семинар (28–29 августа 2008 г., г. Тара).

Следует также отметить четыре международные конференции, организованные Омским аграрным университетом, польскими организациями и рядом других, с общим названием «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития» (2006, 2008, 2010, 2012), на которых было представлено более 60 докладов по различным аспектам жизни и деятельности ссыльных поляков в условиях сибирских деревень. Традиционно в работе этих конференций принимали участие ученые из России и Польши.

Газетных материалов в БД немного: 33 публикации в 20 газетах. Это в основном публикации в областных и городских сибирских газетах и несколько публикаций в центральных («Известия», «Книжное обозрение», «Литературная газета») (табл. 7).

Присутствие материалов из газет в БД необходимо и закономерно: в них часто приводятся сведения по истории того или иного региона (факты о жизни польского населения в Сибири, мемуарные документы и т. д.), которые больше нигде не публикуются.

Библиометрический анализ ДИП «Поляки в Сибири» показал, что исследование польской темы в российской истории имеет устойчивую научную базу. Результаты исследований представлены на многочисленных конференциях, опубликованы в сборниках научных трудов и журналах. В 1989–2012 гг. было организовано около 140 конференций, полностью или частично посвященных истории поляков в России и Сибири. Представляется недостаточным число публикаций, касающихся данной темы, в рейтинговых журналах (10 %).

Газеты в ДИП «Поляки в Сибири»

№ п/п	Название	Количество публикаций	№ п/п	Название	Количество публикаций
1.	Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов	1	11.	Магаданская правда	1
2.	Вечерний Новосибирск	2	12.	Молодость Сибири. Новосибирск	1
3.	Восточно-Сибирская правда. Иркутск	5	13.	Новосибирские новости	1
4.	Известия. Москва	3	14.	Наука в Сибири. Новосибирск	4
5.	Красное знамя. Владивосток	1	15.	Новая Сибирь. Новосибирск	1
6.	Красное знамя. Томск	1	16.	Омский вестник	2
7.	Книжное обозрение. Москва	1	17.	Республика Саха. Якутск	1
8.	Континент Сибирь	1	18.	Советская Сибирь	1
9.	Красноярский рабочий	2	19.	Советы Якутии	1
10.	Кузбасс. Кемерово	1	20.	Хакасия	1
<i>Всего 33 публикации</i>					

Для более совершенного информационного обеспечения темы «Поляки в Сибири» и выявления новых материалов необходима работа по дальнейшему пополнению БД «Поляки в Сибири», расширению круга обследуемых вторичных источников.

Андрей Владимирович ПОПОВ

кандидат исторических наук, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

Источники по истории польской диаспоры в Сибири: полоника в трудах ученых и российских архивах

Рассматриваются основные этапы историографии истории польской диаспоры в Сибири и источники, наиболее часто используемые исследователями. Отмечается необходимость создания единой справочной базы по российской архивной полонике.

Ключевые слова: источниковедение, историография, польская диаспора, Сибирь, архивная полоника.

История польской диаспоры в Сибири является неотъемлемой частью истории России и Польши и, конечно, истории сибирского края. Появление в Сибири поляков было вызвано различными причинами: войнами, восстаниями, общественно-политическими движениями, переселением, в том числе массовой политической ссылкой. Политическая ссылка как репрессивная мера являлась составной частью внутренней политики самодержавия. Изучение истории польской диаспоры в Сибири позволяет конкретизировать существующие в исторической науке представления об эволюции русско-польских отношений и о факторах, определяющих их содержание.

Первые поляки в Сибири появились в конце XVI – начале XVII в. Это были военнопленные времени смуты и русско-польских войн. Массовая ссылка поляков в Сибирь началась в конце XVIII в. Она представлена в первую очередь участниками Барской конфедерации (1768–1772) и восстания Т. Костюшко (1794). На всем протяжении XIX в. феномен «польской ссылки» постоянно присутствовал в истории Сибири и России. За Урал выссылали, как правило, участников различных революционных и национально-освободительных организаций. Наиболее массовой

была ссылка в Сибирь после восстаний 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. В конце XIX в. ряды польских ссыльных пополнялись за счет участников социалистических, коммунистических и пролетарских организаций.

Необходимо отметить и добровольное переселение поляков, в первую очередь крестьян, в Сибирь. Наиболее значимой трудовой миграция поляков в этот регион была в конце XIX – начале XX в.

Дореволюционная российская историография поляков в Сибири – это преимущественно историография польской ссылки, начало которой было положено фундаментальным исследованием С. В. Максимова. Рассказы из быта ссыльных он начал печатать в 1868 г. в журнале «Вестник Европы». Позднее переработанные рассказы вышли в виде трехтомного издания под названием «Сибирь и каторга». Первое издание труда С. В. Максимова вышло тиражом 500 экз. для распространения только среди высших чиновников. Работа С. В. Максимова произвела большое впечатление на Л. Н. Толстого. Именно у него он заимствовал сюжет своего проникнутого сочувствием к ссыльным полякам рассказа «За что?» (первоначальное название «Непоправимо»).

Собственно научного осмысления феномена польского присутствия в Сибири до революции быть не могло, во всяком случае, в рамках официальной исторической науки. Тема была интересна прежде всего публицистам, общественным деятелям, писателям и самим ссыльным.

Особняком стоит очерк Б. Пилсудского «Поляки в Сибири», опубликованный в 1918 г. во Франции. Б. Пилсудский в своем исследовании сделал акцент на культурную, просветительскую роль и значение польского присутствия в Сибири. Безусловно, следует согласиться с ним в том, что польские ссыльные сделали очень много для развития данного региона, его экономики и культуры: «Этой тихой, скромной, невидимой глазу современника, а еще менее, – историкам края, польской работе преисполненной сочувствием к темному люду и прощением порочной его части, Сибирь обязана тысячами исправившихся граждан, уменьшением распространения преступных понятий и деяний, ослаблением отрицательного влияния криминального мира на уклад местной жизни»¹. Во многом Б. Пилсудский впервые

---

¹ Пилсудский Б. Поляки в Сибири / подгот. текста, публ. и коммент. Б. С. Шостакович // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского при Сахалинском областном государственном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 2001. № 5. С. 153.

представил подобный подход к истории пребывания поляков за Уралом.

Начало новому периоду в изучении проблемы положила Октябрьская революция 1917 г. Поменялась тематика исследований. Основными темами стали классовая борьба, революционная, социалистическая деятельность поляков в Сибири². Отличительной чертой историографии тех лет была узость источниковой базы. В качестве главных источников исторических работ использовались декреты советской власти, работы В. И. Ленина, труды других партийных идеологов³. Таким образом, после Октябрьской революции положение мало изменилось, польскую диаспору в Сибири можно было рассматривать только с точки зрения политической составляющей, ее революционности, борьбы против царского режима, связей с декабристами, русско-польских революционных связей и т. д. Это важно и интересно, но упрощало историю поляков в Сибири, не давало стереоскопического взгляда⁴.

Положение изменилось лишь в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда ослабел идеологический диктат, и классовый подход к истории перестал быть единственным. В связи с кардинальными переменами в политическом строе и внутривнутриполитической жизни страны изменилась ситуация в российской исторической науке и в гуманитарном знании. В исторической науке появились новые трактовки и подходы к изучаемым проблемам. Некогда периферийные темы исследований выдвинулись на первый план. Одной из них является история польской диаспоры в целом и в Сибири в частности⁵.

Ранее полузапретные темы истории эмиграции и диаспор стали одними из центральных в исторической науке и общественном сознании. Соответственно, возрос интерес к росике в России и к полонике в Польше. Произошло расширение источниковой базы исследований за счет рассекречивания ранее недоступных архивных фондов и документов.

---

² *Снытко Т. Г.* Русское народничество и польское общественное движение 1865–1881 гг. М., 1969. 478 с.

³ *Кудрявцев Ф.* Поляки в Сибири // Сибирская советская энциклопедия. 1930. Т. 4. С. 417–420.

⁴ *Дьяков В. А.* Польская ссылка эпохи декабризма // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 110–123.

⁵ *Шостакович Б. С.* Поляки в Сибири. Страницы истории. Улан-Удэ, 1995. 75 с.

С 1999 г. в Москве издается журнал «Диапоры», в котором проблема национальных меньшинств рассматривается в контексте ее изучения в теоретическом и конкретно-историческом преломлении.

Постсоветский этап в российской исторической науке ознаменовался расширением проблематики и углублением исследований по истории польской диаспоры в Сибири. Сформировались центры полонистики в Иркутске, Казани, Москве, Томске, Новосибирске и других городах России. Современные авторы обратились к изучению проблем адаптации поляков в Сибири, изучению повседневности, региональных особенностей польского присутствия в регионе, истории персоналий⁶, изучению вклада поляков в культурное и экономическое развитие региона⁷.

Одним из основных центров полонистики и изучения поляков в Сибири становится Иркутск⁸. Во многом это объясняется деятельностью выдающегося ученого, доктора исторических наук, профессора Б. С. Шостаковича и его учеников⁹. С начала 1970-х гг. Б. С. Шостакович изучает историю поляков в Сибири¹⁰. Он является автором более 200 научных трудов и многих лекционных курсов, посвященных этой проблематике и апробированных в нескольких польских университетах. В 1995 г. он выпустил основанный на новых источниках учебник «История поляков в Сибири»¹¹. Много сделано и продолжает делаться Б. С. Шостаковичем и для введения в научный оборот архивных источников, выявленных

---

⁶ *Шостакович Б. С.* Малоизвестные источники о жизни и деятельности на Сахалине Бронислава Пилсудского // Б. О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина : материалы Междунар. науч. конф. 31 окт. – 2 нояб. 1991 г. Южно-Сахалинск, 1992. Т. 1. С. 76–83.

⁷ *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914): социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа. – М., 2002. С. 265–277 ; *Филь С. Г.* Польские страницы тюменского краеведения. Тюмень, 2005. 303 с.

⁸ Шостакович Болеслав Сергеевич // Историки-слависты СССР : биограф. слов.-справ. М., 1981. С. 178.

⁹ Болеслав Сергеевич Шостакович : к 60-летию со дня рождения и 35-летию научно-педагогической деятельности / сост. В. К. Пешкова ; науч. ред. и авт. предисл. С. И. Кузнецов. Иркутск, 2005. 36 с.

¹⁰ *Шостакович Б. С.* Политические ссыльные поляки и декабристы в Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г). Иркутск, 1973. Вып. 1. С. 243–292.

¹¹ *Шостакович Б. С.* История поляков в Сибири (XVIII–XIX вв.) : учеб. пособие. Иркутск, 1995. 164 с.

в сибирских архивах¹². Важной вехой в историографии истории поляков в Сибири стало подготовленное Б. С. Шостаковичем издание «Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия», снабженное его вступительными статьями и комментариями. Эта работа открыла книжную серию «Польско-сибирская библиотека»¹³.

В сентябре 2012 г. на научной сессии в Академии гуманитарных наук им. Александра Гейштора (Пултуск) большой резонанс вызвал доклад Б. С. Шостаковича, посвященный новейшим проблемам источниковедения, историографии и методологии истории поляков в Сибири, в котором он обозначил многие приоритетные темы и направления изучения поляков в Сибири.

Большой интерес вызывает изучение архивной полоники. Под «архивной полоникой» обычно понимают документы польского происхождения, по тем или иным причинам оказавшиеся за рубежом. В широком смысле «зарубежная архивная полоника» – это совокупность всех зарубежных архивных материалов, имеющих отношение к Польше.

Часть архивной полоники эмиграции хранится в зарубежных архивах. По происхождению архивную полонику можно классифицировать следующим образом:

- документы, образовавшиеся в результате деятельности польских организаций и учреждений;
- документы, образовавшиеся в результате деятельности частных (физических) лиц.

Как правило, среди таких документов имеются документы, вывезенные поляками из Польши. По месту хранения эмигрантские материалы можно классифицировать как:

- хранящиеся в государственных архивах различных стран;
- хранящиеся в архивах университетов, музеев, библиотек;
- хранящиеся в архивах и музеях, созданных польскими эмигрантами;

---

¹² *Шостакович Б. С.* Источники по сибирской истории поляков до 1917 года в архивах Сибири: перспективы их изучения // *Polonia w Rosji: historia i dzien dzisiejszy : materialy Miedzynar. konf. nauk. z okazji 10-lecia Odrodzenia Ruchu Polonijnego w Rosji.* Stow. «Wspolnota PRL». Moskwa, 2000. S. 118–125.

¹³ *Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А.* Историограф польской ссылки в Сибирь (к 65-летию со дня рождения профессора Б. С. Шостаковича) // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение.* 2010. № 2. С. 175–183.

- хранящиеся в архивах польских общественных и других организаций;
- хранящиеся в личных архивах польских эмигрантов и их потомков.

В настоящее время самое крупное собрание архивной полоники находится на территории России. Следует помнить, что в широком понимании полоника – это далеко не всегда документы польского происхождения, а чаще всего документы, имеющие то или иное отношение к истории Польши. Тем более что значительная часть документов польского происхождения, отложившихся в российских архивах, была возвращена Польше по условиям Рижского мирного договора, подписанного 18 марта 1921 г. Согласно договору, передаче польской стороне подлежали не только документы явно польского происхождения, но и архивы, связанные своим происхождением с уступленными Польше западно-белорусскими и западно-украинскими территориями.

Полоника имеется как в государственных архивах (федеральных архивах и архивах субъектов РФ), так и в рукописных отделах музеев библиотек, учреждений Российской академии наук и других хранилищах. Среди федеральных архивов наибольшим количеством документов, относящихся к полонике, располагают Российский архив древних актов (РГАДА), Российский государственный исторический архив (РГИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) и Российский государственный военный архив (РГВА).

На наш взгляд, является необходимым создание межархивных указателей и автоматизированных баз данных по архивной полонике. Первоочередной задачей могло бы стать выявление архивных фондов и документов, имеющих отношение к Польше, с последующим изданием путеводителя «Полоника в государственных архивах России». В дальнейшем возможно расширение этой работы с изданием путеводителей по рукописным отделам музеев и библиотек, архивам и другим учреждениям Российской академии наук. Издание таких справочников дало бы мощный импульс российско-польским исследованиям, значительно расширило их источниковую базу.

Михаил Николаевич СУПРУН

доктор исторических наук, профессор, кафедра Отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск)

Иван Юрьевич ПАВЛОВ

кандидат юридических наук, Институт развития свободы информации (Санкт-Петербург)

Изучение истории поляков в Сибири и правовые проблемы доступа к архивной информации в современной России

Рассматриваются основные правовые проблемы, которые могут оказать существенное влияние на возможности доступа исследователей к архивной информации при изучении истории поляков в Сибири.

Ключевые слова: информация, архивное дело, архивное законодательство.

После распада Советского Союза выделившиеся из него суверенные государства неизбежно вынуждены были вступить в фазу создания собственного правового фундамента. Суверенизация призвала к жизни не только принятие новых конституций независимых государств, но и адаптацию советских законов к новым условиям, равно как принятие огромного количества совершенно новых законов. Законодатели явно не справлялись с этой работой, что обусловило не только появление провалов в законодательстве, но и принятие явно поспешных законов: либо далеких от совершенства в силу недостаточной компетентности парламентариев новых созывов, либо сознательное утверждение законов, имеющих двоякое толкование. Наиболее отчетливо подобный юридико-исторический казус проявился в законодательстве, связанном с доступом к архивной информации. Об этом должен помнить каждый исследователь, особенно тот, кто обращается к тематике международных отношений, –

пожалуй, самой закрытой для историков. Обращение к истории российско-польских отношений неизбежно влечет за собой трудности доступа к архивам ввиду болезненности основных проблем, которые связывают наши народы исторически, а в реальности пока их разделяют. Для исследователя истории поляков в Сибири данный вопрос стоит особенно остро, поскольку разделяющие нас проблемы в этой проблематике преобладают. Вместе с тем данное обстоятельство явно актуализирует тему, поскольку ее разработка может серьезно повлиять на отношения России и Польши.

Действующее на 2013 г. архивное законодательство Российской Федерации включает в себя ряд законов и подзаконных актов, регулирующих различные аспекты доступа или ограничения такового к архивной информации. Основным законодательным актом в архивной сфере является Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г., который устанавливает основы правового регулирования доступа к архивным документам. Поскольку значительная часть архивных материалов по-прежнему имеет грифы секретности или содержит информацию личного характера, не менее важными федеральными законами, регулирующими доступ к архивам, являются законы РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 г. и «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. Наряду с этими законами, существует и значительное число подзаконных актов, касающихся различных вопросов обеспечения доступа к архивам. Одним из них является Приказ Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, МВД и ФСБ Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», который в последнее время активно применяется в работе сотрудниками архивов. К перечисленным нормативным правовым актам чаще всего приходится обращаться пользователям и сотрудникам архивов для решения правовых вопросов, возникающих в связи с необходимостью получения доступа к архивным документам и реализации права на свободное получение информации.

Между тем складывающаяся практика применения этих правовых актов выявила ряд проблем в толковании их норм. В качестве наиболее общих можно обозначить следующие:

- необоснованное ограничение доступа к архивным документам со ссылкой на государственную тайну, основанное на неоднозначном толковании правоприменительными органами некоторых норм Закона РФ «О государственной тайне»;

- необоснованное ограничение доступа к архивным документам со ссылкой на «личную и семейную тайну» при отсутствии законодательных критериев отнесения информации к указанным видам тайн;

- установление на уровне подзаконных актов ограничений на доступ к архивной информации, не предусмотренных федеральными законами.

В связи с наличием данных проблем исследователи зачастую испытывают затруднения в получении доступа к архивным документам.

1. Одной из основных проблем, возникших в практике применения архивного законодательства, является ограничение доступа исследователей к архивным документам, максимальный срок засекречивания которых, установленный Законом РФ «О государственной тайне», истек.

В ст. 13 Закона РФ «О государственной тайне» предусмотрено, что срок засекречивания сведений, составляющих гостайну, не должен превышать 30 лет. В исключительных случаях этот срок может быть продлен по заключению Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. Это означает, что архивные документы не могут оставаться на секретном хранении дольше максимального 30-летнего срока засекречивания, и по истечении указанного срока документы должны подлежать рассекречиванию и предоставлению пользователям. Единственным основанием, по которому документы по истечении 30-летнего срока могут оставаться на секретном хранении, является наличие заключения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны.

Тем не менее на практике архивы отказывают исследователям в доступе к большому количеству архивных документов советского периода, максимальный срок засекречивания которых истек, не ссылаясь при этом на наличие у них заключения

Межведомственной комиссии по защите государственной тайны.

Позицию государственных органов заняли и суды. В качестве одного из аргументов судьи указывают на то обстоятельство, что предусмотренный ст. 13 Закона РФ «О государственной тайне» максимальный срок засекречивания документов может применяться лишь к тем документам, *которые были засекречены после введения в действие указанного закона, то есть после 1993 г.*, а рассекречивание сведений, отнесенных к государственной тайне до введения в действие Закона РФ «О государственной тайне», является правом, а не обязанностью государственного органа, наделенного полномочиями в области защиты гостайны¹. Того же мнения придерживается и Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, в полномочия которой входит продление максимального 30-летнего срока засекречивания документов, как это было, в частности, при рассмотрении вопросов о рассекречивании Катынского дела². Такого рода толкование закона «О государственной тайне» позволяет ведомствам самостоятельно на основании собственных экспертиз продлевать сроки засекречивания документов на неограниченное количество лет. При этом некоторые из ведомств даже разрабатывают инструкции, подобные «Типовому положению о порядке рассекречивания и продления сроков засекречивания архивных документов», утвержденному Межведомственной комиссией по защите государственной тайны 12 марта 2010 г. № 178. В п. 5 названного Типового положения закреплено, что «истечение срока, на который был продлен срок засекречивания архивного документа, не является основанием для его рассекречивания без проведения в установленном

---

¹ Павлов И. Ю., Сухих Д. Н. Аналитический обзор практики применения законодательства в сфере доступа архивной информации. 2011. URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/1323#fn11566007105043bac55cb45>. Решение Московского городского суда от 15 июня 2011 года по делу №3-156/3-2011; решение Московского городского суда от 28 июня 2011 года по делу № 3-0128/2011 (дата обращения: 10.03.2013).

² Там же. URL: <http://www.svobodainfo.org/ru/node/1323#fn1423968745043bac50f4d0>. Определение Московского городского суда от 28 декабря 2009 года. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 21 апреля 2010 года по делу № 5-Г10-33 (дата обращения: 10.03.2013).

порядке экспертизы на предмет наличия в нем сведений, составляющих государственную тайну». Кроме того, согласно п. 15 этого положения, «срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, не должен превышать 30 лет (распространяется на ограничения, установленные в порядке, предусмотренном Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»». При этом в п. 20 Типового положения указывается, что «архивный документ считается рассекреченным только после принятия решения о его рассекречивании и внесения архивом, в котором хранится документ, соответствующих изменений в учетные данные», при этом «грифы секретности погашаются штампом “Рассекречено” на всех экземплярах и копиях рассекреченного архивного документа». Подобный подход органов власти и судов к применению максимального 30-летнего срока засекречивания документов создает серьезные препятствия для исследователей и пользователей архивами в изучении документов, особенно если учесть, что большую часть секретных архивных материалов составляют именно дела, засекреченные ранее 1993 г.

В этой связи адвокаты исследователей неоднократно указывали в судах, что необходимо применять иной подход к толкованию ст. 13 Закона РФ «О государственной тайне» в соотношении ее со ст. 14 данного Закона. Абзац третий ст. 13 Закона РФ «О государственной тайне», исходя из его буквального толкования, предусматривает максимальный 30-летний срок засекречивания сведений, составляющих государственную тайну, независимо от даты засекречивания документов (до или после введения в действие данного Закона). Поскольку по смыслу указанной нормы 30-летний срок может быть продлен только на основании заключения Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. А заключение экспертных комиссий, созданных в госоргане, может продлевать сроки засекречивания документов только в том случае, если первоначальный срок засекречивания документов составлял менее 30 лет.

Голос исследователей и их адвокатов был услышан. По их жалобе Конституционный суд РФ 22 ноября 2012 г. определил, что 30-летний срок засекречивания подлежит применению в отношении сведений, отнесенных к гостайне «как до, так и после вступления в силу» закона «О государственной тайне» 1993 г.

На основе позиции Конституционного суда специалисты Фонда свободы информации предполагают добиваться пересмотра решения судов общей юрисдикции. Кроме того, и Европейский суд по правам человека должен в ближайшее время дать свое толкование российского закона «О гостайне»³.

2. Другой проблемой, возникающей в связи с применением норм Закона РФ «О государственной тайне» в делах о доступе к архивной информации, является проблема невыполнения требований Закона РФ «О государственной тайне» в части необходимости обоснования наличия ущерба безопасности Российской Федерации от распространения сведений, которые были отнесены органом власти к государственной тайне.

Закон РФ «О государственной тайне» в ст. 2 определяет понятие «государственная тайна» как «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации». Кроме того, как указано в ст. 8 этого Закона, степень секретности сведений составляющих государственную тайну, должна соответствовать степени тяжести ущерба, который может быть нанесен безопасности Российской Федерации вследствие распространения указанных сведений».

В соответствии со ст. 6 Закона РФ «О государственной тайне», отнесение сведений к гостайне и их засекречивание осуществляется в соответствии с принципами законности, обоснованности и своевременности. Законность отнесения сведений к государственной тайне и их засекречивания заключается в соответствии засекречиваемых сведений положениям ст. 5 и 7 настоящего Закона и законодательству Российской Федерации о гостайне. В свою очередь, обоснованность отнесения сведений к государственной тайне и их засекречивания заключается в установлении путем экспертной оценки целесообразности засекречивания конкретных сведений, вероятных экономических и иных последствий этого акта исходя из баланса жизненно важных интересов

---

³ *Пушкарская А.* Конституционный суд запретил просрочку гостайн // Коммерсантъ. 2013. 14 янв. URL: <http://www.kommer-sant.ru/doc/2104403> (дата обращения: 20.04.2013 г.).

государства, общества и граждан. Таким образом, из указанных норм Закона РФ «О государственной тайне» следует, что сведения могут быть отнесены к гостайне только при условии соблюдения принципа обоснованности, который связан с оценкой экономических и иных последствий от распространения сведений и причинения ущерба безопасности Российской Федерации. Возможность наступления ущерба для интересов государства является главным признаком, характеризующим сведения как государственную тайну (ст. 2, 6 Закона РФ «О государственной тайне»).

Тем не менее в правоприменительной практике допускается отнесение сведений к государственной тайне без обоснования ущерба безопасности Российской Федерации от распространения данных сведений.

3. Следующей не менее важной проблемой, выявленной в практике применения архивного законодательства, является проблема ограничения доступа исследователей к архивным документам под предлогом личной и семейной тайны при отсутствии в законодательстве четкого определения понятия «личная и семейная тайна».

В соответствии с ч. 3 ст. 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов. С письменного разрешения гражданина, а после его смерти с письменного разрешения наследников данного гражданина ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, может быть отменено ранее, чем через 75 лет со дня создания указанных документов.

Казалось бы, данная норма Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации» устанавливает вполне обоснованное, с точки зрения ст. 23 Конституции РФ, ограничение на доступ к архивным документам в целях защиты личной и семейной тайны и тайны частной жизни граждан. Однако ситуация с применением данной нормы складывается неоднозначно

в связи с тем, что в архивном и ином законодательстве отсутствует четкое определение понятия «личная и семейная тайна». Вследствие этого на практике достаточно часто возникают случаи необоснованного ограничения доступа пользователей к архивным документам под предлогом того, что понятие «личная и семейная тайна» толкуется работниками архивов произвольно ввиду отсутствия установленных законодательством критериев, по которым можно было бы отнести ту или иную информацию к «личной и семейной тайне».

Показательным в данном случае является уголовное дело, которое было возбуждено в 2009 г. в отношении одного из авторов данной статьи, профессора М. Н. Супруна, в то время заведующего кафедрой отечественной истории Поморского государственного университета. Вместе со своими учениками историк работал над составлением «книг памяти», собирая в архиве информационного центра УВД Архангельской области сведения о репатриированных с территории Германии по окончании Второй мировой войны гражданах СССР, являющихся этническими немцами или поляками, выселенными на территорию Архангельской области (спецпереселенцами)⁴.

М. Н. Супруна обвинили в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ («нарушение неприкосновенности частной жизни»), и квалифицировали проводимую им работу как незаконное соби́рание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия. Так, в постановлении следователя о предъявлении обвинения в числе сведений о частной жизни лиц и сведений, составляющих личную и семейную тайну, которые, по мнению следствия, были незаконно собраны историками, указываются сведения о том, что потерпевшие: были вывезены немецкими оккупационными властями в Германию или Польшу, а затем вернулись в СССР по репатриации; были призваны и служили в немецкой армии, принимали участие в боевых операциях против Красной армии; были взяты в плен советскими войсками и направлены в лагерь для военнопленных; осуждены

---

⁴ Подробнее см.: *Рамазашвили Г.* Дело Дударева – Супруна: истоки, судебные перспективы и последствия // Индекс. 2009. № 30. URL: <http://www.index.org.ru/journal/30/13-ramazashvili.html> (дата обращения: 15.03.2013 г.).

советскими судебными органами; прибыли из Германии по репатриации и состояли на учете на спецпоселении в Архангельской области.

Защитник М. Н. Супруна и соавтор данной статьи адвокат И. Ю. Павлов обжаловали в судебном порядке постановление о возбуждении уголовного дела со ссылкой на то обстоятельство, что в указанном постановлении не раскрываются понятия «личная тайна» и «семейная тайна» и отсутствуют ссылки на какой-либо нормативный правовой акт, раскрывающий содержание этих понятий, тем самым нарушается право обвиняемого знать суть предъявленного ему обвинения. Кроме того, защитник указывал, что сведения о репрессиях носят публичный характер, поскольку одной из сторон в этих правоотношениях выступало государство, в связи с чем эти сведения, в том числе биографические данные, не могут быть признаны «личной» и «семейной» тайной. Однако судом было отказано в удовлетворении жалобы на данное постановление. В своем решении суд указал, что «частная жизнь – это те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других». Кроме того, суд сослался на Определение Конституционного суда РФ № 248-О от 09.06.2005 г., в котором указано, что в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она не носит противоправный характер, и что право на неприкосновенность частной жизни означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Помимо этого, суд отметил, что ограничение на доступ к собранным М. Н. Супруном сведениям установлено ст. 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», Указом Президента РФ «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», Федеральным законом «О персональных данных», Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 «Об утверждении Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных

архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», вследствие чего у следователя имелись основания для вынесения оспариваемого постановления о возбуждении уголовного дела. При этом судом в своем постановлении не было дано какой-либо трактовки понятию «личная» и «семейная» тайна и его соотношению с понятием «частная жизнь».

Применительно к соотношению этих понятий необходимо отметить, что «личная и семейная тайна» и «частная жизнь» соотносятся между собой как часть и целое. Так, к частной жизни лица могут относиться не только сведения, составляющие «личную и семейную тайну» гражданина, но также и иные сведения, касающиеся его частной жизни, но не являющиеся «личной» и «семейной» тайной. При этом важным является то обстоятельство, что ч. 1 ст. 137 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за сбор не любых сведений о «частной жизни», а именно «сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну».

Представляется спорным и вывод суда о том, что собираемые М. Н. Супруном сведения являются по своей природе сведениями, составляющими «личную» и «семейную» тайну, и даже сведениями о «частной жизни» лиц. Что касается квалификации данных сведений как сведений о «частной жизни» граждан, то исходя из определения Конституционного суда РФ № 248-О от 09.06.2005 г., к «частной жизни» можно отнести лишь ту область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу и не подлежит контролю со стороны общества и государства. Между тем собранные М. Н. Супруном сведения касаются лиц, подвергшихся политическим репрессиям; соответственно, область жизнедеятельности данных лиц, связанная с применением в отношении них репрессивных мер (направление в спецпоселения и др.), уже подлежала контролю со стороны публичных органов государства, вследствие чего связанные с этими событиями сведения уже не могут относиться к частной жизни лиц. Кроме того, Закон РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» исходит из необходимости предания гласности основных сведений о реабилитированных лицах, поскольку в ст. 18 данного Закона содержится указание на опубликование списков

реабилитированных лиц с указанием их основных биографических данных в органах печати.

Таким образом, отсутствие в законодательстве определения понятия «личная и семейная тайна» влечет значительные трудности при работе в архивах и, как показал пример «дела архангельских историков», возможность необоснованного привлечения к ответственности, причем не только исследователей или архивистов, но и журналистов, писателей, кинематографистов.

Описанное выше дело стало прецедентным и повлекло за собой отказы в выдаче архивистами дел под предлогом содержания в них «личной и семейной тайн». Под этим предлогом отказы выдачи дел имели место в архивах Архангельска, Воркуты, Сыктывкара, Перми, Москвы, Петербурга. Лишь в редких случаях исследователи пытались отстоять свои права в суде.

4. Еще одной проблемой, затрудняющей на практике доступ исследователей к архивной информации, является проблема введения на уровне подзаконных актов ограничений на доступ к архивным документам, не предусмотренных федеральными законами.

Согласно действующему законодательству (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», п. 1 ч. 1 ст. 4, ст. 5 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»), право на доступ к информации (в том числе к архивным документам) может быть ограничено только на основании федерального закона. Однако в архивном законодательстве имеются акты, устанавливающие ограничения на доступ к архивной информации, не предусмотренные федеральными законами. К таким актам прежде всего относится «Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», утвержденное Приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 375/584/352 (далее – Положение).

Данное Положение содержит ряд норм, в которых закреплены ограничения на доступ к архивным материалам, содержащим информацию о репрессированных лицах (материалы прекращенных уголовных и административных дел и фильтрационно-проверочных дел в отношении репрессированных и впоследствии реабилитированных лиц). Так, абзац второй подпункта «з» п. 6 Положения устанавливает, что другие лица (не являющиеся реабилитированными лицами и их родственниками и наследниками) могут быть допущены к материалам дел до истечения 75 лет с момента создания документов с письменного согласия реабилитированных лиц или лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, а после их смерти – с согласия их наследников на основании соответствующего заявления или ходатайства при предъявлении документов, удостоверяющих личность, а также доверенности, оформленной в установленном законом порядке, от реабилитированных лиц и лиц, в отношении которых велось производство по фильтрационно-проверочным делам, или от их наследников. Данная норма закрепляет ограничение права других лиц, в том числе исследователей, на доступ ко всем без исключения материалам прекращенных административных, уголовных, фильтрационно-проверочных дел в отношении репрессированных лиц, хранящихся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации. Между тем в федеральных законах (в ч. 3 ст. 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации») устанавливается ограничение на доступ только к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности. То есть абзац второй подпункта «з» п. 6 Положения противоречит ч. 3 ст. 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации», поскольку позволяет ограничивать доступ других лиц даже к тем документам, входящим в состав прекращенных административных, уголовных и фильтрационно-проверочных дел в отношении репрессированных лиц, которые не содержат в себе никаких сведений о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни и сведений, создающих угрозу его безопасности.

Другой нормой Положения, которая также устанавливает дополнительное ограничение на доступ к архивной информации,

является его 9-й пункт. Согласно ему, документы, содержащие информацию с персональными данными лиц, в отношении которых производство по делам не осуществлялось, но сведения в деле имеются, до истечения установленного законодательством Российской Федерации срока пользователю не предоставляются. Данное ограничение может быть снято при условии обезличивания в предоставляемых копиях документов персональных данных вышеуказанных лиц. Данный пункт устанавливает не предусмотренное федеральными законами ограничение на доступ к архивным документам, поскольку в соответствии с п. 2 ч. 2 Федерального закона «О персональных данных» действие данного Закона не распространяется на организации хранения, комплектования, учета и использования содержащих персональные данные документов Архивного фонда РФ и других архивных документов в соответствии с законодательством об архивном деле.

Проблема установления ограничений на доступ к архивным документам на уровне подзаконных актов, не предусмотренных федеральными законами, усугубляется еще и тем, что значительное количество таких актов принимается с пометкой «Для служебного пользования» или имеет грифы секретности. По этой причине становятся невозможными ознакомление пользователей с такими правовыми актами и проверка их на соответствие действующему законодательству. Ситуация абсурдна: практически все принятые внутри ведомств перечни сведений, относящиеся в данных ведомствах к государственной тайне, сами являются секретными. Кроме того, большинство принимаемых Межведомственной комиссией по защите государственной тайне документов, регулирующих сферу доступа к архивным документам и вопросы рассекречивания, относятся к информации «Для служебного пользования». Например, до недавнего времени пометка «Для служебного пользования» имелась на решении Межведомственной комиссии по защите государственной тайны от 12 марта 2010 г. № 178 «Об утверждении Типового положения о порядке рассекречивания и продления сроков засекречивания архивных документов». Только 1 июня 2011 г. Калининским районным судом г. Санкт-Петербурга по заявлению исследователя М. Н. Золотоносова было признано незаконным решение Межведомственной комиссии по защите государственной тайны об отнесении указанного Типового

положения к служебной информации ограниченного распространения, и суд обязал снять пометку «Для служебного пользования» с данного документа⁵. Данное судебное разбирательство, несмотря на его положительный исход, подтверждает общую тенденцию в работе архивов: от пользователей пытаются скрыть не только сами архивные материалы, но и правила или процедуры по обращению с документами. И эта тенденция не может не настораживать.

Таким образом, анализ основных проблем в сфере применения законодательства о доступе к архивной информации показывает, что наиболее серьезные противоречия или разночтения возникают с применением следующих норм архивного законодательства:

- статей 2, 6, 8, 13, 14 Закона РФ «О государственной тайне»;
- частей 1, 2, 3 статьи 25 Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации»;
- второго абзаца подпункта «з» п. 6 и п. 9 «Положения о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел», утвержденного Приказом Минкультуры России, МВД России, ФСБ России от 25 июля 2006 г. № 375/584/352.

В настоящее время представляется необходимой доработка законодательства в области доступа к информации, которая поспособствует изменению правоприменительной практики по оспариванию неправомерных отказов в предоставлении архивной информации в положительную сторону за счет создания законодательных гарантий, обеспечивающих право пользователей на получение архивной информации. В том числе и информации, содержащей сведения по истории поляков в Сибири.

---

⁵ Решение Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 01 июня 2011 года по делу № 2-3224/2011.

доктор хабилитованный *Катажина БЛАХОВСКАЯ*
Институт истории Варшавского университета
(Варшава)

Образ Сибири в современных польских учебниках и атласах по истории

Показано, какой образ Сибири создается в наиболее используемых современных учебниках и исторических атласах для средней школы в Польше.

Ключевые слова: Польша, учебники, атласы по истории, средняя школа, Сибирь.

Одним из важнейших инструментов исторической политики современного государства является школьный учебник. Подбор содержащегося в учебнике материала, способы его представления и интерпретации создают в умах учеников образ истории, который будет сопровождать большинство из них во взрослой жизни. В эпоху всеобщего образования это означает, что «учебное» представление о прошлом существенно влияет на формирование исторической памяти общества.

В памяти польского общества Сибирь является прежде всего местом ссылки. Эту память, без сомнения, формируют художественная и мемуарная литература, а также семейные свидетельства. А какой образ Сибири создают учебники, использующиеся в настоящее время в польских школах?

Ответ на этот вопрос можно найти, проведя сравнительный анализ двух циклов учебников для средних школ. Первый называется «История. Узнать и понять». Он был опубликован в 2007–2009 гг. «Школьным и педагогическим издательством», которое является старейшей на польском рынке и одной из наиболее престижных фирм, выпускающих учебные издания¹.

© Блаховская К., 2013.

¹ Цикл состоит из трех частей. Первая охватывает период с древности до конца XV в., вторая от перелома XV–XVI вв. до 1914 г., третья – с 1914 г. до настоящего времени. Часть 1: Historia. Cz 1 : podręcz. zakres podstawowy liceum i technikum / J. Choińska-Mika, W. Lengauer, M. Tymowski, K. Zielińska. Warszawa : WSiP, 2007. 368 s. ;

Второй цикл, названный «Узнать прошлое, понять настоящее», появился в 2005–2007 гг. в Издательстве «STENTOR»². Авторами отдельных томов, составляющих оба цикла, являются известные историки. Оба цикла выбирают многие учителя³ в качестве основного инструмента в процессе преподавания. В связи с этим представленное в них изложение материала можно считать вполне репрезентативным для современной польской средней школы.

Материал излагается хронологически, с элементами проблемного подхода, начиная с периода древности до наших дней. В материале переплетаются сведения из области истории Польши и всеобщей истории – прежде всего истории Европы и европейского цивилизационного ареала⁴. В польских учебниках

Часть 2: *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.* Historia. Cz 2 : podręcz. dla liceum i technikum: zakres podstawowy. Warszawa : WSiP, 2008. 463 s. ; Часть 3: Historia. Cz 3 : podręcz. dla liceum i technikum: zakres podstawowy / J. Choińska-Mika, P. Skibiński, P. Szlanta, K. Zielińska. Warszawa : WSiP, 2009. 351 s.

² Цикл состоит из трех томов: *Poznać przeszłość, zrozumieć dziś, liceum i technikum, poziom podstawowy i rozszerzony*, Wydawnictwo Piotra Marciszuka STENTOR: *Żmudzki P.* Historia. Kl. 1: Starożytność–Średniowiecze. Warszawa : STENTOR, 2005 360 s.; *Kopczyński M.* Historia. Kl. 2: Czasy nowożytne, cz. 1: 1492–1696. Warszawa : STENTOR, 2006 263 s. ; То же. Historia. Kl. 2: Czasy nowożytne, cz. 2 : 1697–1871. Warszawa : STENTOR, 2006. 221 s. ; *Przybyliński M.* Historia. Kl. 3: Dzieje najnowsze 1872–2006. Warszawa : STENTOR, 2007. 336 s.

³ В Польше на одном и том же этапе образования для использования в школах допущено несколько циклов учебников. Решение о допуске принимает Министерство национального образования. Основанием для допуска является соответствие содержания учебника требованиям, помещенным в распоряжении министра национального просвещения: «Программной основе общего образования». Список допущенных учебников публикуется, а каждый учебник должен иметь напечатанный номер допуска. Какой из допущенных Министерством учебников будет использоваться в качестве основного в данном классе, решает учитель.

⁴ Содержание, которое должно быть принято во внимание в каждом из учебников, допущенных к использованию в школах, указано в «Программной основе общего образования». Анализируемые в данной статье учебники опираются на требования «Программной основы», принятой 26 февраля 2002 г. 23 декабря 2008 г. была принята новая «Программная основа». Принимая во внимание время, необходимое на ее введение, учебники, опирающиеся на документ 2002 г. будут использоваться в школах погимназиальных до 2015 г. Содержание

традиционно принято, что рассматривая какой-либо период, авторы сначала освещают проблемы всеобщей истории, а далее – истории Польши. Целью такого подхода является представление истории Польши в более широком международном контексте, а также ознакомление учеников с ключевыми вопросами мировой истории. Первый раз информация о Сибири появляется в польских учебниках именно в разделе, посвященном проблемам всеобщей истории на пороге нового времени.

*Новое время*⁵

В учебнике из цикла «Узнать прошлое, понять настоящее» сведения о Сибири приводятся в разделе «Великое княжество Московское», который является частью большой главы под названием «Соседи Речи Посполитой в XVI в.»⁶. Автор учебника – Михал Копчыньский – в изложении истории Великого княжества Московского выделил три параграфа: «Войны с Литвой», «Экспансия на восток» (именно в нем находится ин-

---

исторического образования см.: Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej i Sportu z dnia 26 lutego 2002 r. w sprawie podstawy programowej wychowania przedszkolnego oraz kształcenia ogólnego w poszczególnych typach szkół, załącznik nr 4: Podstawa programowa kształcenia ogólnego dla liceów ogólnokształcących, liceów profilowanych i techników // Dziennik Ustaw. 2002. Nr 51, pozycja 458. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/VolumeServlet?type=wdu> (дата обращения: 30.03.2013).

Rozporządzenie Ministra Edukacji Narodowej z dnia 23 grudnia 2008 r. w sprawie podstawy programowej wychowania przedszkolnego oraz kształcenia ogólnego w poszczególnych typach szkół, załącznik nr 4: Podstawa programowa kształcenia ogólnego dla gimnazjów i szkół ponadgimnazjalnych, których ukończenie umożliwia uzyskanie świadectwa dojrzałości po zdaniu egzaminu maturalnego // Dziennik Ustaw 2009. Nr 4, pozycja 17. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/VolumeServlet?type=wdu> (дата обращения: 30.03.2013).

⁵ В качестве условной верхней границы нового времени для всеобщей истории традиционно [в польской историографии – прим. пер.] указывается начало Великой Французской революции (1789), для истории Польши – последний раздел Речи Посполитой (1795).

⁶ В этой части рассматриваются следующие проблемы: «Династия Габсбургов», «От Пруссии тевтонской до княжеской», «Великое княжество Московское», «Дания и Швеция», «Война за контроль над Балтийским морем», «Польско-шведская уния»; см. *Kopczyński M.*, Historia. Kl. 2, cz. 1. Warszawa : STENTOR, 2006. S. 127–136 ; *Rozdział Wielkie Księstwo Moskiewskie* // Там же. S. 131–133.

формация о покорении Сибири) и «Внешняя политика Ивана IV Грозного».

Параграф «Экспансия на восток» начинается с утверждения, что в период правления Ивана IV Грозного: «**территория**⁷ государства **увеличилась в 12 раз**, главным образом за счет возникших после распада Золотой Орды [...] **татарских ханств**»⁸. Среди них наибольшее внимание автор посвятил именно Сибирскому ханству, которое подчинившись в 50-х гг. XVI в. власти Ивана IV: «уже через несколько лет отказалось платить дань и стало независимым»⁹. События, которые последовали после, М. Копчыньский представил следующим образом: «В **1581 г.** по инициативе московских купцов Строгановых, которые владели монополией на торговлю с этими землями, отряд казаков под предводительством атамана **Ермака** начал интервенционный **поход на Сибирь**. В результате **Сибирское ханство** было разбито, а в **1589 г.** вместе со всей Западной Сибирью окончательно **подчинено Москве**. В течение последующих 20 лет **русские достигли реки Енисей**, а главными административными центрами в этом регионе стали **Тобольск** и **Томск**»¹⁰.

Приводим этот фрагмент полностью, поскольку в современных учебниках он представляет собой наиболее исчерпывающую информацию на тему начала освоения Сибири. Этот фрагмент иллюстрирован хорошо читаемой картой «Территориальное развитие России в XVI в.», на которой обозначены Сибирское ханство, а также города Тобольск, Обдорск и Нарым вместе с датами основания.

В учебнике «История. Узнать и понять» Иоланты Хоиньской-Мики, Петра Шлянты и Катажины Зелиньской информация о покорении Сибири также находится в разделе, посвященном всеобщей истории – «Политические отношения в Европе XVI в.»¹¹, в параграфе «Великое княжество Московское во времена

---

⁷ Здесь и далее выделено автором учебника.

⁸ *Kopczyński M.*, Historia. Kl. 2, cz. 1. Warszawa : STENTOR, 2006. S. 132.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ В этом разделе рассматриваются следующие проблемы: «Европа и турецкая экспансия», «Династия Ягеллонов в Центрально-Восточной и Северной Европе», «Династия Габсбургов и их империя», «Рост значения Англии в эпоху правления Тюдоров», «Великое княжество Московское во времена правления Ивана Грозного», «Балтийская политика в XVI в.». *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.*

правления Ивана Грозного»¹². Здесь о включении Сибири в состав российских земель упоминается только одним предложением: «Значительно дольше [чем завоевание Казанского и Астраханского ханств – К. Б.], до 1589 г., продолжалось покорение Западной Сибири»¹³. Авторский текст иллюстрирует карта «Европа в конце XVI в.»¹⁴, на которой обозначены Сибирское ханство и город Сибирь.

В рассматриваемом учебнике территория Сибири, хотя и без указания названия, четко обозначена также на карте «Колонии европейских государств во второй половине XVII в.»¹⁵, которая является дидактическим элементом раздела «Экономика Европы и мира в XVII в.»¹⁶. На этой карте обозначены европейские государства – Англия, Франция, Испания, Португалия, Дания, Голландия и Россия, а также территории на других континентах, которые контролировались ими в XVII в. В случае с Московским государством его территория в конце XVI в. отмечена темно-зеленым цветом и подписана: «Россия». На востоке она простирается за р. Обь. Земли, находящиеся дальше на восток обозначены светло-зеленым цветом. В легенде карты дано объяснение: «территории, присоединенные к России до 1700 г.». В тексте раздела проблема российской экспансии на восток никак не освещается.

В следующий раз название Сибирь появляется в разделе «Соседи Речи Посполитой в XVIII в. – Пруссия, Австрия, Россия»¹⁷. Встречаем это название в тексте, дополняющем пара-

---

Historia. Cz. 2 : podręcz. dla liceum i technikum. Warszawa : WSiP, 2008. S. 56–65. Автором этого раздела является И. Хоиньска-Мика. Информацию об авторах отдельных разделов см. Там же. S. 2.

¹² *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.* Historia. Cz. 2 : podręcz. dla liceum i technikum. Warszawa : WSiP, 2008. S. 61–63.

¹³ Там же. S. 63.

¹⁴ Там же. S. 59.

¹⁵ Там же. S. 99.

¹⁶ Там же. S. 97–103.

¹⁷ В данном разделе далее рассматриваются следующие вопросы: «Абсолютизм эпохи Просвещения – идеологические основы и практика», «Образование Прусского королевства и строительство абсолютизма в государстве Гогенцоллернов», «Пруссия в период правления Фридриха II», «Реформы в габсбургской монархии», «Реформы Петра I в России, правление Екатерины II». Там же. S. 187–194.

граф «Правление Екатерины II». Данный текст – это размещенное на полях страницы на цветном фоне объяснение термина «каторга»¹⁸. Звучит оно следующим образом: «Каторга (гр. *katergon* – галера) – наказание тяжелыми, принудительными работами, использовавшееся в царской России за политические и криминальные преступления; включала в себя ссылку или принудительное поселение приговоренного в отдаленной местности (чаще всего в Сибири)¹⁹». В тексте соответствующего раздела термин каторга появляется в контексте внутренней политики Екатерины II, в период правления которой, как можем прочесть: «усилилось притеснение крепостных крестьян в результате получения владельцем права ссылки подданных на каторгу»²⁰.

Так со страниц учебников, использующихся в польских средних школах, из материала, посвященного эпохе нового времени, ученики могут узнать о том, что во второй половине XVI в. началась экспансия Московского государства на восток. Название Сибирского ханства, а также информация о его зависимости от Москвы, есть в каждом учебнике, но в то же время в отдельных учебниках уровень ее детализации разный.

Дополнением к материалу, содержащемуся в авторском тексте учебников, а также к материалу учебных карт являются карты в исторических атласах. В настоящее время в польских школах чаще всего используются атласы двух издательств – «Атлас мировой истории» Государственного предприятия картографических издательств²¹, а также атласы издательства «Demart», публикующиеся с начала 2000-х гг.²²

---

¹⁸ *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.* Historia. Cz. 2 : podręcz. dla liceum i technikum. Warszawa : WSiP, 2008. S. 193. В рассматриваемом учебнике объяснения понятий на полях авторского текста являются постоянным элементом дидактической подачи материала.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Атлас, разработанный историками Ягеллонского университета под руководством Юзефа Вольского (отв. ред.) и редакцией Государственного предприятия картографических издательств (PPWK) во Вроцлаве. Первое издание – Варшава–Вроцлав, 1974–1975. Впоследствии атлас выдержал множество переизданий.

²² *Tazbir J.* Atlas historyczny szkoła średnia do 1815 roku. Wyd. 1 Warszawa, 2000 (с последующ. переизд.). 63 [1] s.; *Она же.* Atlas historyczny szkoła średnia 1815–1939. Wyd. 1. Warszawa, 2000 (с последующ. переизд.). 55 [1] s.; *Она же.* Atlas historyczny szkoła średnia od 1939 roku. Wyd. 1. Warszawa, 2001 (с последующ. переизд.). 63 [1] s. Карты, размещенные в этих трех атласах доступны также в: *Wielki*

В «Атласе мировой истории» находятся четыре карты, иллюстрирующие территориальное развитие Московского, а впоследствии Российского государства в восточном направлении до конца XVIII в. Первая называется: «Россия в XVI в.»²³. На этой карте темно-зеленым цветом обозначена «территория России в 1533 г.»²⁴, а более светлым – «территории присоединенные к России в 1533–1598 гг.»²⁵. В этой части карты дано название Сибирское ханство²⁶, обозначен город Сибирь (Искер), а также города, основанные в период покорения Сибири вместе с датами основания: Обдорский городок (1585), Березово (1593), Сургут (1594), Тара (1594), Обдорск (1595), Нарым (1596).

На этой же самой странице ниже карты «Россия в XVI в.» находится карта «Россия в XVII в.»²⁷. На ней темно-зеленым цветом обозначено «Российское Царство в 1598 г.»²⁸. На востоке эта территория достигает реки Пур. Светло-зеленым цветом обозначены «территории, присоединенные в первой половине XVII в.»²⁹. Не дается, однако, их названий, а карта представляет территории, располагающиеся только немного на восток от меридиана, обозначающего 80° восточной широты, то есть не учитывает территорий Восточной Сибири. Ни на карте, ни в легенде не появляется также название Сибирь.

Полностью территория Сибири представлена на карте «Мир в XVII в.»³⁰, а также на карте «Азиатские владения Рос-

---

Atlas Historyczny / red. E. Olczak, J. Tazbir. Warszawa : DEMART, 2011. 187 [4] s.

²³ Atlas Historyczny Świata / red. odpow. J. Wolski. Warszawa ; Wrocław : PPWK, 1986. S. 74.

²⁴ Легенда карты «Россия в XVI в.». Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Название размещено на части р. Иртыш, между местом впадения в нее р. Тобол и местом, где р. Иртыш впадает в р. Обь. Под названием Сибирское ханство в кавычках подана информация: «до 1598». Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Легенда карты «Россия в XVII в.». Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 81.

сии времен Петра I»³¹. На обеих картах обозначены города, появившиеся в XVII в., и даты их основания³², которые представляют собой информацию о прогрессе московского проникновения в Сибирь на протяжении этого столетия. Тем не менее ни на одной из данных карт нет названия Сибирь. Его отсутствие можно также заметить на картах, помещенных в атласах издательства «Demart».

Первая карта, на которой находится территория Сибири, носит название «Мир в период Великих географических открытий (XV–XVI вв.)»³³. В случае с этой картой отсутствие названия Сибирь обосновывается концепцией карты. На ней представлены, также как и на карте в учебнике И. Хоиньской-Мики, П. Шлянты и К. Зелиньской³⁴, завоевания европейских государств на всех континентах. На обеих картах дано название континента, обозначены соответствующим цветом территории, захваченные отдельными государствами, а также названия открытых мест с датами и фамилией первооткрывателя. Относительно экспансии Московского государства на территории Западной Сибири обозначены города, основанные до конца XVI в.³⁵ Благодаря такому целостному представлению на карте «Мир в период Великих географических открытий (XV–XVI вв.)» можно увидеть, что экспансия Московского государства на восток началась в то же самое время, что и

---

³¹ Эта карта дополняет занимающую целую страницу карту «Россия в эпоху правления Петра I», на которой представлена только европейская часть российского государства. Там же.

³² На карте «Мир в XVII в.»: Томск (1604), Енисейск (1618), Якутск (1632), Верхоянск (1638), Нижнеколымск (1644), Нерчинск (1649), Острог (1649), Охотск (1649); Atlas Historyczny Świata / red. odpow. J. Wolski. Warszawa; Wrocław: PPWK, 1986. S. 81. На карте «Азиатские владения России времен Петра I»: Тобольск (1597), Томск (1604), Якутск (1632), Охотск (1649), Омск (1704); без года основания: Туруханск и Нерчинск; Там же. S. 85.

³³ *Tazbir J.* Atlas historyczny szkoła srednia do 1815 roku... S. 36–37; Wielki Atlas Historyczny... S. 40–41.

³⁴ *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.* Historia. Cz. 2... S. 99.

³⁵ Это: Тара (1584), Тюмень (1585), Тобольск (1588), Пелым (1592), Березов (1594), Обдорск (1595), Нарым (1598), Туринск (1600), Мангазья (1600). Wielki Atlas Historyczny... S. 41.

экспансия других европейских государств на территории, находящиеся за границами Европы.

Следующей картой, на которой проблема завоевания Сибири представлена в контексте всемирной истории, является карта «Мир в XVII–XVIII вв.»³⁶. На ней представлена вся территория Российского государства, а изменяющиеся оттенки зеленого цвета, которым она обозначена, показывают динамику освоения Сибири, хотя это название на карте отсутствует. Темно-зеленым цветом обозначена территория Московского государства в XV в., чуть более светлым – территории, присоединенные в XVI в.³⁷, а светло-зеленым – территории, «захваченные и зависимые от России в XVII–XVIII вв.»³⁸. Показано также направление походов, организованных в XVII в., и важнейшие города, основанные в этом столетии вместе с датой основания³⁹.

Экспансия Российского государства в Сибирь представлена на вышеназванной карте в широком контексте активности других европейских государств в области завоевания новых земель⁴⁰. В отношении концепции и содержания эта карта является продолжением карты «Мир в период Великих географических открытий (XV–XVI вв.)». Обе карты создают целостное представление, переданное при помощи символических средств⁴¹, проблемы экспансии европейских государств за пре-

---

³⁶ Wielki Atlas Historyczny... S. 56–57 ; см. также в: *Tazbir J.* Atlas historyczny szkoła srednia do 1815 roku... S. 52–53.

³⁷ Обозначены города: Сибирь, Тобольск, Березов, Петропавловск. *Wielki Atlas Historyczny...* S. 57.

³⁸ Легенда карты «Мир в XVII–XVIII вв.». Там же. S. 56.

³⁹ Обозначены города: Мангазея (1601), Томск (1604), Енисейск (1616), Якутск (1632), Охотск (1649), Иркутск (1652). Там же. S. 57.

⁴⁰ На карте представлены британские, французские, испанские, португальские, голландские и датские владения на других континентах с указанием даты присоединения, а также территории, захваченные Китаем в XVIII в. Там же. S. 56–57.

⁴¹ В теории образования карты относятся к дидактическим символическим средствам, то есть таким, «общей чертой которых является условная, графически представленная структура содержания». Цит. по: *Bieniek M.* Dydaktyka historii : wybrane zagadnienia. Olsztyn : Wydaw. Uniwer. Warmińsko-Mazurskiego, 2007. S. 35. Больше на тему карт в изучении истории см. Там же. S. 36–43 ; *Chorży E., Konieczka-*

делами Европы в период нового времени. Неотъемлемой частью этого представления является изображение процесса расширения господства Российского государства на территории Сибири.

Изображение Сибири в эпоху нового времени, которое мы можем видеть на картах «Большого исторического атласа»⁴² является дополнением к тексту учебников. Анализ материала, содержащегося в этих двух основных дидактических средствах, доказывает, что это материалы, дополняющие друг друга. Сибирь показана в них как обширная территория, которая постепенно, начиная со второй половины XVI в., была включена в границы Московского (Российского) государства. Этот процесс представлен хронологически в контексте аналогичной активности других европейских государств, результатом которой стал захват земель, находящихся далеко от центра – на других континентах.

XIX век

В материале, посвященном XIX в., Сибирь появляется уже в контексте истории Польши. В учебнике авторства И. Хоиньской-Мики, П. Шлянты, К. Зелиньской в разделе «Ноябрьское восстание» в параграфе «Репрессии после восстания» дана информация, что после его подавления: «На территории Царства [Польского] были размещены сильные отряды российской армии, а польские рекруты проходили службу в отдаленных губерниях Империи (например, на Кавказе или в Сибири)»⁴³. В следующий раз Сибирь появляется в параграфе «Эмиграция и места сосредоточения поляков в мире»⁴⁴, в котором читаем: «В России поляки по политическим причинам попадали как ссыльные в Сибирь. Иные же, стремясь сделать карьеру, сами

Śliwińska D., Roszak S. Edukacja historyczna w szkole. Teoria i praktyka. Warszawa : Wydaw. Nauk. PWN, 2008. S. 171–177.

⁴² Те же самые карты находятся также в других атласах издательства «Demart».

⁴³ *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.* Historia. Cz. 2... S. 324. Автор раздела – П. Шлянта.

⁴⁴ Это последний параграф раздела «Социально-экономические изменения на польских землях во второй половине XIX в. Миграции поляков в XIX столетии». Там же. S. 404–409.

решались на выезд в глубь Российской Империи или поселялись в Петербурге и Москве»⁴⁵.

Дополнением к этой информации является карта «Эмиграция с польских земель в XIX в. (до 1914 г.)», помещенная в «Большом историческом атласе»⁴⁶, на которой представлены направления и места эмиграции во всем мире. Миграции разделены на две категории: «Эмиграция “за хлебом”»⁴⁷ и ссылки. Первая категория обозначена красными стрелками, которые указывают страны в Европе и за ее границами, ставшие целью трудовой эмиграции. В качестве одного из важных направлений указана Сибирь. Возле стрелки указано количество эмигрантов – 500 тыс. Данные имеются также возле стрелок, указывающих другие направления трудовой эмиграции поляков. Благодаря помещенным на карте количественным данным читатель получает представление об уровне трудовой эмиграции в XIX в. – особенно во второй его половине, а также о том, насколько велико было число людей, которые выехали «за хлебом» в глубь Российского государства – в Сибирь.

Зелеными стрелками обозначены два главных направления ссылки на территории Российского государства – Европа и Сибирь. Подана также информация, что в европейскую часть России сослано 18 тыс. человек, в Сибирь – 20 тыс. На территории Сибири обозначены четыре главных города, под названиями которых помещена информация: «Число ссыльных в данной губернии»⁴⁸: Тобольск, то есть Тобольская губерния, – 6,3 тыс. ссыльных, Томск – 6,3 тыс., Иркутск – 4,4 тыс., Енисейск – 3,7 тыс.⁴⁹ Однако нет однозначной информации, касаются ли эти данные всего XIX в. или только одной из волн ссылок.

Такой вопрос появляется, когда вышеупомянутая карта становится дополнением лекции, помещенной в учебнике М. Копчыньского. В разделе «Январское восстание» автор пишет: «По оценкам исследователей, потери Царства [Польского], насчитывающего 6,5 млн жителей, составили 46 тыс. человек,

⁴⁵ Там же. S. 408.

⁴⁶ *Wielki Atlas Historyczny...* S. 74 ; Та же карта есть в: *Tazbir J. Atlas historyczny szkoła średnia. 1815–1939...* S. 14.

⁴⁷ Легенда карты «Эмиграция из польских земель». *Wielki Atlas Historyczny...* S. 74.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Карта «Эмиграция из польских земель». Там же.

в том числе **20 тыс. вывезенных в Сибирь без возможности возвращения** и 5 тыс. эмигрантов»⁵⁰.

В проанализированных учебниках Сибирь появляется в разделах, посвященных истории Польши и упоминается в обоих как место ссылки, а в одном из них также и эмиграции. Дополнением к материалу учебников является карта, посвященная эмиграции с польских земель, помещенная в «Большом историческом атласе».

В этом атласе находится также карта «Территориальное развитие России (XVII–XIX вв.)»⁵¹. Это обзорная карта, которая иллюстрирует процесс расширения территории Российского государства на восток в течение трех столетий. Из нее ясно видно, что в XVII в. главным районом экспансии в Азии являлись территории Сибири, которая почти полностью была завоевана уже в первой половине этого столетия⁵². На этой карте обозначена также Транссибирская магистраль с датами строительства очередных участков, а также городов, которые в то время были основаны. Обозначен, конечно, Новониколаевск с указанием даты основания – 1893 г.

Административное деление Сибири в XIX в. представлено на карте «Российская Империя в XIX в.» из «Атласа мировой истории»⁵³. На ней указаны также названия и территории рас-

---

⁵⁰ *Kopczyński M.* Historia. Kl. 2, cz. 2. S. 189. Во втором из рассматриваемых учебников в подразделе, посвященном репрессиям после подавления январского восстания, дана информация о ссылке, но не упоминается название Сибири. *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K.* Historia. Cz. 2... S. 415–416.

⁵¹ *Wielki Atlas Historyczny...* S. 77 ; Та же самая карта есть в *Tazbir J.* Atlas historyczny szkoła średnia. 1815–1939... S. 19.

⁵² Темно-зеленым цветом обозначено: «Россия до начала XVII в.», а чуть более светлым: «Территории, присоединенные в первой половине XVII в.». Другими оттенками зеленого обозначено: «Территории, присоединенные в первой половине XVIII в.»; «Территории, присоединенные во второй половине XVIII в.»; «Территории, присоединенные в первой половине XIX в.»; «Территории, присоединенные во второй половине XIX в.» // *Wielki Atlas Historyczny...* S. 77.

⁵³ *Atlas Historyczny Świata, PPWK...* S. 108.

селения коренных народов Сибири⁵⁴, обозначены направления железных дорог, в том числе транссибирской. На той же самой странице находится небольшая карта «Экономическое развитие Российской Империи», на которой отмечены важнейшие добывающие и промышленные центры, в том числе и в Сибири⁵⁵.

Кроме того, в «Атласе мировой истории» помещена карта «Географические открытия в XIX и XX вв.»⁵⁶, на которой показаны направления и даты экспедиций, предпринятых в Сибири польскими (Александром Чекановским, Яном Черским, Бенедиктом Дыбовским) и российскими (Фердинандом Врангелем и др.) путешественниками.

XX век

В материале, посвященном XX в., Сибирь появляется при рассмотрении двух тем. Первая – это Гражданская война в России в 1918–1920 гг., вторая – судьбы поляков в период Второй мировой войны.

Представлению первого вопроса посвящена карта «Гражданская война в России», являющаяся элементом дидактической системы раздела «Советский Союз – первое коммунистическое государство» в учебнике «История. Узнать и понять»⁵⁷. Небольшая карта снабжена весьма подробной легендой, а ход боев, происходивших в Сибири, представлен на ней очень ясно. Карта является неотъемлемым дополнением к авторскому тексту учебника⁵⁸.

Небольшие карты, представляющие ход боев в Сибири в период Гражданской войны, находятся также в атласах. Они являются дополнениями к картам, показывающим ход войны в европейской части России⁵⁹.

---

⁵⁴ На карте показаны территории, заселенные следующими народами: ненцы (самоеды), манси (вогулы), ханты (остяки), ойроты, хакасы, буряты, эвенки (тунгусы), якуты, чукчи, коряки. Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Atlas Historyczny Świata... S. 155.

⁵⁷ Historia. Cz. 3... S. 46–53. Карта, см. Там же. S. 47.

⁵⁸ Параграф «Гражданская война в России и установление границ советской империи». Там же. S. 46–47.

⁵⁹ Карта: Rewolucja rosyjska i wojna domowa w latach 1917–21 z marką dopełniającą Rosja azjatycka [«Российская революция и Гражданская война в 1917–1921»] // Atlas Historyczny Świata... S. 132. Карта:

Сибирь в период между Первой и Второй мировыми войнами представлена в «Атласе мировой истории» на карте «СССР в 1922–1945 гг. (азиатская часть)»⁶⁰. По существу эта карта экономическая. На ней обозначены важнейшие места добычи полезных ископаемых – железа, золота, меди, олова, а также центры металлургической, машиностроительной, угольной, нефтяной, химической, деревообрабатывающей, текстильной, продовольственной промышленности. Похожая тематическая карта – «Союз Советских Социалистических Республик (1922–1939 гг.)» – находится в «Большом историческом атласе»⁶¹. На ней отмечены важнейшие экономические центры и административное деление государства, а кроме того места, в которых размещались администрации исправительно-трудовых лагерей. Рассматриваемые карты используются в качестве дидактического средства во время изучения вопросов, касающихся внутренней ситуации в СССР в 1920–1930-е гг.

В контексте истории Польши Сибирь появляется в материале, посвященном периоду Второй мировой войны. В учебнике «История. Узнать и понять» в разделе «Польские земли под двумя оккупациями»⁶², в параграфе «Советская оккупация восточных земель II Речи Посполитой (1939–1941)» дана информация, что на территориях, занятых в 1939 г.: «Главным врагом советская власть считала элиту польского общества. В связи с этим было арестовано несколько десятков тысяч поляков, в том числе политиков, общественных и культурных деятелей, важнейших работников разного рода государственных учреждений и т. п. Впоследствии они были отправлены в тюрьмы и лагеря, приговариваясь тем самым к рабскому труду, истощению, а часто и смерти в нечеловеческой системе ГУЛАГа (см. с. 49). Польское население ссылалось также в глубь СССР. В 1940–1941 гг. из восточной части польских земель принудительно вывезено более 300 тыс. граждан II Речи Посполитой, по большей части поляков. [...] После дороги, продолжающейся несколько недель, ссыльные попадали в Сибирь или Казахстан,

---

Rewolucja w Rosji (1917–1921 r.) [«Революция в России (1917–1921 гг.)»] // Wielki Atlas Historyczny... S. 95 ; дополняющая карта: Rewolucja w Rosji (część azjatycka) [«Революция в России (азиатская часть)»] // Там же. S. 94.

⁶⁰ Atlas Historyczny Świata... S. 137.

⁶¹ Wielki Atlas Historyczny... S. 112–113 ; эта же карта есть в *Tazbir J. Atlas historyczny szkoły średnia. 1815–1939...* S. 52–53.

⁶² Historia. Cz. 3... S. 154–165.

где должны были поселиться и работать в пользу Советского Союза»⁶³. Дополнением этого фрагмента текста является карта «Истребление польского населения на территории СССР во время Второй мировой войны»⁶⁴, где обозначены «территории, на которые вывозилось польское население», а также территории, на которых находились «большие скопления лагерей». На этой карте указано название Сибирь.

Использованные в приведенном фрагменте учебника термины «ГУЛАГ» и «лагерь» были объяснены раньше, в дополнительном тексте раздела «Советский Союз – первое коммунистическое государство»⁶⁵.

В учебнике из цикла «Узнать прошлое, понять настоящее» дана информация, что власти СССР, после захвата части земель II Речи Посполитой в 1939 г., организовали четыре большие депортации населения, во время которых было вывезено около полумиллиона человек. «Больше всего среди них было поляков и евреев, но вывозились также белорусы и украинцы. Первые **вывозки с окраин** начались в феврале 1940 г. Людей будили посреди ночи, давали небольшое время на сборы. Привозили их к поездам и запихивали **в вагоны для скота**, в которых они ехали в течение нескольких недель. Множество

---

⁶³ Там же. S. 155–157.

⁶⁴ Там же. S. 158.

⁶⁵ Объяснение: «**ГУЛАГ** (сокр. от рус. «Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения» [также дан перевод названия на польский язык – К. Б.]) – термин, относящийся к официально существующей под разными названиями системе лагерей принудительных работ в СССР. Заключенными ГУЛАГа были как криминальные преступники, так и лица, признанные властями нежелательными обществу или политически подозрительными. Формально система **лагерей** существовала с 1918 по 1960 г., однако на практике она сохранялась вплоть до 1987 г. Заключенных отправляли на работу в том числе в шахты, на строительство портов и каналов или вырубку лесов. Считается, что в момент наивысшего развития ГУЛАГа (в конце 1940-х гг.) заключенными лагерей было 10–12 млн человек. Причиной огромной смертности среди заключенных лагерей был голод, истощение тяжелой работой, трудными климатическими условиями (особенно в северных районах России). Дополнительные страдания причиняла бесчеловечная дисциплина». *Choińska-Mika J., Szlanta P., Zielińska K. Historia. Cz. 2 : podręcz. dla liceum i technikum. Warszawa : WSiP, 2008. S. 49.*

людей умерло в дороге, еще больше по прибытии **в Сибирь и степи Казахстана**. Поначалу они часто жили в землянках [...], часть пользовалась гостеприимством местных жителей, приютивших их в своих домах. [...] Граждан Речи Посполитой, считавшихся особенно небезопасными, отправляли в лагерь»⁶⁶. В учебнике размещена также карта «Советские лагеря после 1939 г.»⁶⁷, на которой обозначены «группы лагерей, имеющих большое значение для экономики СССР; места казни польских офицеров; границы Советского Союза в 1939 г.; территории, присоединенные к СССР в 1939–1945 гг.; граница вечной мерзлоты»⁶⁸.

Дополнением к информации и картам, размещенным в учебниках, является карта в историческом атласе – «Места поселения и исправительно-трудовые лагеря для поляков, депортированных в СССР (1939–1943 гг.)»⁶⁹. Кроме информации, которая находится также на картах в учебниках, на этой карте обозначены стрелками «Направления перемещения депортированного польского населения после так называемой амнистии в августе 1941 г.»⁷⁰, то есть после подписания трактата Сикорского-Майского (30 июля 1941 г.), согласно которому были возобновлены дипломатические отношения II Речи Посполитой и СССР⁷¹. На данной карте также показаны пути поляков из разных частей Сибири.

Последний раз Сибирь представлена в историческом атласе на двух картах, посвященных 1991 г. Одна из них – политическая карта под названием «Распад СССР»⁷². На ней обозначены границы СССР до 1991 г., новообразованные государства, территории России и республик Российской Федерации, а также членов Содружества Независимых Государств. Вторая карта

---

⁶⁶ *Przybyliński M.* Historia. Kl. 3... S. 186.

⁶⁷ Там же. S. 182.

⁶⁸ Легенда карты. *Przybyliński M.* Historia. Kl. 3... S. 186.

⁶⁹ *Wielki Atlas Historyczny...* S. 146–147.

⁷⁰ Легенда карты. Там же. S. 147.

⁷¹ Договор был подписан в Лондоне премьер-министром польского правительства Владиславом Сикорским и послом СССР в Великобритании Иваном Майским. Рассмотрение этого вопроса в учебниках см.: *Historia. Cz. 3...* S. 168–169 ; *Przybyliński M.* Historia... S. 164–165.

⁷² *Wielki Atlas Historyczny...* S. 185 ; та же самая карта есть в *Tazbir J.* Atlas historyczny szkoły średnia od 1939... S. 61.

носит название «Государства бывшего СССР. Национальности»⁷³. На ней представлены районы расселения разных народов и племен с учетом территорий Сибири до 110° восточной долготы. В легенде карты приводятся названия народов и племен, систематизированные в соответствии с принадлежностью к той или иной языковой группе. Обе карты дополняют материал учебников, посвященный распаду СССР.

Резюме

В польских учебниках по истории Сибирь представлена в трех контекстах: в контексте всеобщей истории, истории России и истории Польши. Первый мы видим в материале, посвященном эпохе нового времени, где завоевание Сибири представлено в широком контексте географических открытий и подчинения себе европейскими государствами территорий за пределами Европы. В материале, посвященном XIX и XX вв. проблемы, касающиеся Сибири, представлены в контексте истории как России, так и Польши. В учебниках материал этот не является между тем достаточно подробным. Больше информации на тему Сибири находится в исторических атласах, которые представляют собой дополнение к материалу из учебников.

---

⁷³ Wielki Atlas Historyczny. S. 184 ; та же самая карта есть в *Tazbir J. Atlas historyczny szkoła średnia od 1939...* S. 60.

Татьяна Николаевна ИЛЮШЕЧКИНА
отдел редких книг и рукописей ГПНТБ
СО РАН (Новосибирск)

Польские книги в собрании европейских старопечатных изданий сибирской академической библиотеки

Представлен краткий обзор польских старопечатных раритетов (изданных в Польше, изданных на польском языке, относящихся к разделу «полоника», отмеченных польскими владельческими знаками), которые рассматриваются в контексте собрания европейских книг XV – начала XIX в. отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН.

Ключевые слова: европейские книги XV – начала XIX в., ГПНТБ СО РАН, польские старопечатные издания, старопечатные книги на польском языке, «полоника», польские владельческие знаки.

Европейские издания периода ручного пресса (1455–1830) наряду с рукописными и старопечатными изданиями кирилловского шрифта XVI–XVII вв. и отечественными изданиями гражданского шрифта XVIII – первой трети XIX в. составляют основу фонда отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН со дня его основания в июле 1967 г. Вхождение отдела в состав сибирской академической библиотеки определило основную идею иностранной части фонда – развитие научной мысли Европы XV – начала XIX в.

Источники поступления европейских старопечатных изданий в фонд отдела редких книг и рукописей в основном традиционны для крупных библиотек: дарение, покупка личных библиотек, покупка у частных лиц единичных экземпляров, передача из других библиотек иностранных изданий как дублетных или непрофильных, обмен между библиотеками.

Собрание европейских книжных памятников ГПНТБ СО РАН насчитывает около 2 000 единиц хранения и состоит из нескольких коллекций: инкунабул, европейских научных изданий XV – начала XIX в., иностранных книг о России и Сибири XVII –

XIX вв. («россика», «сибирика»), документов периода Великой французской революции конца XVIII в., книг, принадлежащих библиотекам Тобольской духовной семинарии и Кольвановоскресенских горных заводов. Единичные экземпляры интересующих нас иностранных изданий имеются в собрании рукописей и старопечатных книг М. Н. Тихомирова. Совокупность данных книжных памятников позволяет исследовать вопросы истории европейской книги, проследить судьбу отдельных экземпляров коллекций и в определенной мере реконструировать состав некоторых личных и государственных книжных собраний, в которые эти книги входили до включения в фонд ГПНТБ СО РАН.

Применительно к собранию европейских старопечатных книг сибирской академической библиотеки понятие «польские книги», использованное в заглавии статьи, включает книги, изданные на польском языке, и книги, изданные в Польше, труды о Польше и поляках («полоника») и книжные редкости старинных польских библиотек, в силу различных обстоятельств оказавшиеся в Сибири. Польские книги не образуют собой особого раздела в иностранном фонде отдела редких книг и рукописей, они рассеяны по ряду коллекций фонда. Исследование польских книг в составе данных коллекций как раз и позволяет составить представление о том, насколько велика в них доля книг польского происхождения и насколько польские старопечатные издания соответствуют тематике коллекций.

В этом контексте остановим наше внимание лишь на двух коллекциях из собрания европейских старопечатных книг ГПНТБ СО РАН: коллекции книг XVII–XIX вв. Тобольской духовной семинарии и коллекции европейских научных изданий XV – начала XIX в.

Одна из первых сибирских библиотек – Фундаментальная библиотека Тобольской духовной семинарии – начиналась с книжного собрания тобольских митрополитов: Филофея (Лещинского) (1702–1711, 1715–1721)¹, Иоанна (Максимовича) (1711–1715), Антония (Стаховского) (1721–1740), Антония (Нарожницкого) (1742–1748). Выпускники Киево-Могилянской академии, они ехали в Тобольск с обширными личными библиотеками и опытом служения в Киево-Печерской и Свято-Троицкой Сергиевской

---

¹ В скобках указаны даты пребывания сибирских архиереев на Тобольской кафедре в XVIII в.

лаврах и монастырях Черниговской епархии. Тобольская коллекция ГПНТБ СО РАН сохранила имена и других священников, подаривших, пожертвовавших или завещавших свои книги в библиотеку семинарии в XIX в.: архиепископа Тобольского и Сибирского Афанасия (Протопопова), епископа Тобольского преосвященного Владимира, архимандрита Евфимия и некоторых др. Эти же люди, стоявшие у истоков библиотеки, решали вопросы дальнейшего обеспечения ее необходимой учебной литературой (финансирование, покупка, доставка), организовывали регулярное приобретение книг для семинарии.

Реорганизованная в 1743 г. из тобольской архиерейской славяно-русской школы для детей священнослужителей (основана в 1702–1703 гг.), Тобольская духовная семинария известна как первое духовное учебное заведение Сибири, которое до 1801 г. являлось единственным за Уралом. Обучение в семинарии велось на латинском языке, а с 1840 г. – на русском. Начиная с 1760-х гг. семинария имела полный восьмиклассный курс и экстраординарные классы: исторический, географический, греческий, класс высшего красноречия, математический, немецкий, французский, медицинский, татарский и рисовальный. В 1840-е гг. в дополнение к имеющимся были введены естественная история, основы медицины, педагогика и сельское хозяйство.

Библиотека первого в Сибири духовного учебного заведения изначально была ориентирована на решение учебных и просветительских задач. Тематика книг, некогда принадлежавших библиотеке семинарии, а ныне хранящихся в ГПНТБ СО РАН, позволяет говорить о том, что иностранная часть фонда тобольской библиотеки практически полностью поддерживала учебный курс семинарии. Речь в данном случае идет о том, что содержание коллекции в целом соответствует перечню курсов и определяется кругом таких тем, как богословие, теология, философия, нравственное воспитание, история, математика, медицина, география, учебные пособия по иностранным языкам.

Подобно тому, как русская часть библиотеки была укомплектована учебными изданиями XVIII в. со специальными указаниями «для школы», «для школьного изучения», «для юношества», иностранная часть этой библиотеки содержала аналогичные издания. В качестве примера можно назвать *«Труды Корнелия Тацита, тщательно выбранные из бипонтийского издания, для использования школярами, книга первая»* (C. Corneliï Taciti Opera in usum scholarum diligenter expressa cum va-

rietate editionis bipontinae, tomus primus. Halae Saxonum, Impensis orphanotrophi, MDCCXCIII [1793]); курс философии ректора Парижского университета Гийома Дагуме (1660–1745) «*Философия, адаптированная для изучения в школе, кн. 2*» (Philosophia ad usum scholae accommodata a M. Juillelmo Dagoumer, t. 2. Lugduni, 1746); один из многочисленных математических, философских и научных трактатов немецкого математика, поэта, астронома, журналиста и писателя Иоганна Якоба Эберга (1737–1805) «*Натуральная философия для юношества, том I*» (Naturlehre für die Jugend herausgegeben von J. J. Ebert, bd. I. Leipzig, bei Weidmanns Erben und Reich, 1785), которым автор, как следует из предисловия, стремился убедить детей старшего и юношеского возраста в превосходстве естествознания и пробудить в них жажду самого основательного знания этой науки.

С точки зрения языкового разнообразия библиотеку семинарии составляли книги на латинском, греческом, немецком, польском, французском языках. Среди издательских центров, указанных на титульных листах книг тобольской коллекции, преобладают названия городов Германии²: Halle (Halle), Hamburg (Hamburg), Francofvrti ad Moenvm (Frankfurt am Main), Göttingen (Göttingen), *Halae Magdeburgicae*, Jena (Jena), Königsberg (Калининград), Wien (Wien), Erfurt (Erfurt), Reuttlingen (Reutlingen), Wirceburgum (Würzburg), Berlin (Berlin), Leipzig (Leipzig), Bonn (Bonn), *Halae Saxonum* и др.

Что касается книг на польском языке и книг, вышедших из польских типографий XVII–XIX вв., то их количество в тобольской коллекции не слишком велико. Это несколько книг на польском языке, изданных в Кракове и Варшаве, по одной – в Бердичеве и Вроцлаве. Тематика польских учебных изданий полностью соответствует образовательным программам Тобольской духовной семинарии. Помимо учебника греческого языка, вышедшего во Вроцлаве на латинском языке, в коллекции есть пособие по арифметике, труды на богословские и медицинские темы, «Метаморфозы» Овидия, методическая разработка для учителей по правильной организации лекций по разным предметам и для разных уровней (классов) учащихся. Две книги

---

² Названия городов приводим в оригинальной орфографии, в скобках – их современные названия; два выделенных курсивом названия не идентифицированы.

датируются первой половиной XVII в., есть издания середины – второй половины XVIII в. и первой четверти XIX в. Примечателен тот факт, что титульные листы некоторых польских учебных пособий, как и прочих европейских, также содержат указание на предназначение издания для школьного обучения, например: «dla młodego szkolnego wydrukowana»³.

Таким образом, коллекция иностранных книг, представляющая в ГПНТБ СО РАН некогда богатое книжное собрание фундаментальной библиотеки Тобольской духовной семинарии, позволяет говорить о том, что с момента возникновения в Сибири в первой половине XVIII в. и во все годы своего существования семинарская библиотека обеспечивала весь учебный процесс, для чего активно пополнялась не только отечественной литературой, но и продукцией различных европейских издательских центров, в том числе – польских.

Масштаб коллекции, представляющей лишь малую часть семинарской библиотеки, не позволяет говорить о том, в каком соотношении находились в ней польские издания с иными европейскими. Можем лишь утверждать, что польские книги там были и полностью соответствовали профилю библиотеки и вместе с другими обеспечивали учебный процесс.

Коллекцию европейских научных изданий XV – начала XIX в. в собрании ГПНТБ СО РАН составляют книги по естествознанию, математике, физике, медицине, философии, химии, теологии, алхимии, астрономии, истории, географии. Это издания трудов *философов* Френсиса Бэкона, Рене Декарта, Иоанна Клауберга, Анри Леруа (Регия), Антония Ле Грана и Иоанна Якова Вальдшмидта, *медицинские сочинения* Гариопонта, Месюэ, Аппония, Галена, Везалия, Парэ, Парацельса, кроме того, работы по медицине их сторонников и оппонентов: Валериолы, Брасаволи, Фукса, Фабрициуса, Бартолина, Сеннерта, Гоффмана, Сиденгайма и многих других, *трактаты по алхимии и химии* Раймонда Луллия, Лазаря Эркера, Джанбаттисты делла Порты, Иоанна Глаубера, Иоанна Кункеля, Антонио Нери, Отто фон Герике, *работы физиков* Роберта Бойля, Джованни Борелли, Христиана Гюйгенса, Кристофа Штурма, Балтазара Целлария, *астрономические труды* Джона Галифакса из Голливуда, Пьера д'Альи, Георгия Пурбаха, Томаса Фиенуса,

---

³ польск. – напечатана для школьной молодежи.

Николая Биона и других ученых, давших в свое время определенный импульс развитию науки.

Эта коллекция складывается преимущественно из книжных памятников, полученных из обменных фондов московских библиотек в 1960-е гг. вскоре после образования ГПНТБ СО РАН. Основу коллекции, если ориентироваться на место издания и владельческие знаки, составляют книги немецкого происхождения. В качестве главного показателя принадлежности этих книг прежним владельцам рассматриваются экслибрисы и штампы бывших государственных и частных немецких библиотек: Берлинской Королевской библиотеки, Бойценбургской библиотеки, Нижнесаксонской земельной библиотеки, библиотеки Королевской Йоахимстальской гимназии, Немецкой академии естествоиспытателей «Леопольдина», Лейпцигского университета и некоторых иных. Количественно старинные немецкие книжные собрания в фонде ГПНТБ СО РАН представлены по-разному: от одного экземпляра до нескольких десятков. Наиболее многочисленными оказались коллекции Герцогской библиотеки Саксен-Майнинген, частного собрания Штольберг-Вернигероде и Валленродской библиотеки.

Наряду с книгами немецкого происхождения в собрании европейских научных изданий XV – начала XIX в. ГПНТБ СО РАН находятся книжные раритеты, имеющие отношение к Польше и полякам. Общее их количество не превышает ста единиц хранения. Язык данных изданий не только польский, есть книги на латинском, немецком, французском. Некоторые из этих книг, являющиеся продукцией польских издательских центров, оказались в сибирской академической библиотеке в составе немецких коллекций. Есть экземпляры, не имеющие абсолютно никаких помет служебного или частного характера. А есть иные – со штампами, экслибрисами, наклейками, записями. Согласно обнаруженным владельческим знакам польские книжные памятники отдела редких книг и рукописей происходят преимущественно из бывшей Польской библиотеки в Париже (штамп «[флерон] BIBLIOTEKA POLSKA [флерон] || W PARYZU || OD || 1839 ||»), библиотеки Тизенгауза (экслибрис «BIBLIOTEKA TYZENHAUZOWSKA» и штамп «[флерон] BIBLIOTEKA [флерон] || TYZENHAUZOWSKA») и библиотеки Ксаверия и Станислава Косецких (штамп «z BIBLIOTEKI || XAWEREGO || KOSSECKIEGO», разные варианты записей «Ex Bibliotheca Xaverii

Kossecki» и «Ex Bibliotheca Stan. Kossecki»). На страницах нескольких книжных блоков установлены единичные штампы и экслибрисы («KSIĘGOZBIÓR CELIŃSKICH Z CEKOWA. || [герб]», «Z Księgo-zbioru || B. Jabłońskiego i Syna», «DUPLIKAT || BIBLIOTEKI || PUŁAWSK.», «STANISŁAWA KRZYŻANOWSKIEGO || [флерон] || BIBLIOTEKA», «EX LIBRIS || Stanisłai Kryżyanowski»).

Возвращаясь к названным выше именам авторов, трудами которых в собрании ГПНТБ СО РАН представлена научная мысль Европы XV – начала XIX в., заметим, что книги польского происхождения органично дополняют этот перечень. Среди авторов книг, связанных с Польшей и поляками: польский историк и церковный деятель, способствовавший возрождению католицизма в Польше *Мартин Кромер (1512–1589)* и т. д.; итальянский иезуит, писатель, один из самых тонких дипломатов второй половины XVI в., хорошо знакомый с восточноевропейскими делами и пытавшийся склонить Ивана IV к унии с католицизмом *Антонио Поссевино (1534–1611)*; участник римско-католического собора в Бресте в 1596 г., польский писатель и дипломат, архиепископ Львовский *Ян Димитр Соликовский (1539–1603)*; ксендз и польский поэт *Станислав Гроховский (1540–1612)*; великий коронный гетман, основатель учебного учреждения «*Akademia Zamojska*» («Замойская академия») – *Ян Замойский (1542–1605)*; историк, теолог, политик, один из первых авторов истории польской литературы *Шимон Старовольский (1588–1656)*; польский и немецкий теолог *Ян Крелль (1590–1633)*; польский богослов *Джонас Шлихтинг (1592–1661)*; видный польский политический и военный деятель, краковский каштелян, отец будущего короля Речи Посполитой Яна III Собеского, автор «Комментариев к Хотинской битве на Днестре между войсками Речи Посполитой и Турции» *Якуб Собеский (1590–1646)*; бургомистр Львова и мемуарист *Казимир Кушевич (1607–1666)*; германский математик и физик, автор первого описания воздушного насоса Отто фон Герике и эскиза гравюры «Магдебургские полушария», демонстрирующей знаменитый эксперимент ученого, *Гаспар Шотт (1608–1666)*; настоятель католического монастыря Ясна-Гура в польском городе Ченстохова, организатор героической обороны монастыря во время шведского нашествия 1655 г., сохранивший подлинный образ Богоматери Ченстоховской и описавший события осады в своей книге «*Новой гигантомахии*», опубликованной в 1658 г. *Клеменс Августин*

Кордецкий (ок. 1605–1673); писатель, историограф, королевский врач, педагог, поэт, главная работа которого «*Florus Polonus*» представляет собой первый доступно разработанный польский учебник истории, *Йоахим Пасторий* (1611–1681); польский астроном, конструктор телескопов, градоначальник Гданьска *Ян Гевелий* (1611–1687); итальянский физик и математик, инженер папской армии, профессор философии пизанского университета, один из девяти Флорентийских академиков *Карло Ренальдини* (1615–1698); историк, писатель-моралист, политический и военный деятель, идеолог «золотой свободы» *Анджей Максимилиан Фредро* (1620–1679); лютеранский пастор, автор богословских, естественно-научных, учебных и других сочинений *Йоанн Гербиний* (1627–1679); видный польский поэт и историк, официальный придворный историограф польского короля Яна Собеского Веспасиан Коховский (1633–1700) и некоторые другие.

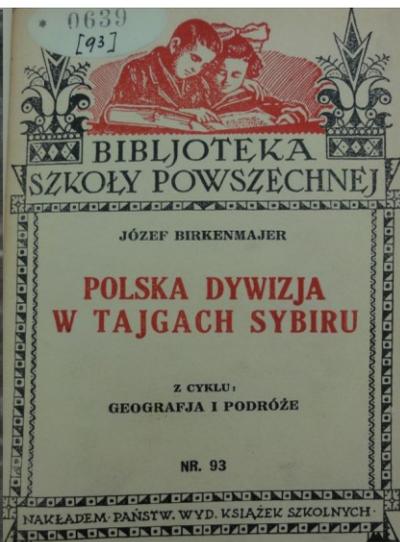
Таким образом, польские старопечатные книжные памятники в собрании европейских книг XV – начала XIX в. сибирской академической библиотеки представлены отдельными изданиями, не имеющими владельческих признаков, единичными экземплярами частных библиотек и фрагментами – небольшими коллекциями – старинных польских собраний. Вместе с иными европейскими книжными раритетами они с первых лет своего пребывания в Сибири включены в активный научный и культурный оборот, представляя картину развития мировой и европейской истории, культуры и науки.

Исследование отдельных
аспектов польско-сибирской
проблематики

Иван Ростиславович СОКОЛОВСКИЙ
кандидат исторических наук, Институт
истории СО РАН (Новосибирск)

Поляки в Сибири XVII в.: обзор источников

Перечислены источники, которые могут быть использованы при изучении истории поляков в Сибири XVII в. Рассмотрены некоторые вопросы классификации источников и дана характеристика их информационной ценности.

Ключевые слова: поляки, Сибирь, XVII в., источники, грамоты, отписки, челобитные, окладные книги.

Изучение поляков в Сибири XVII в. невозможно без разрешения вопроса о доступных нам источниках. Как ни странно, проблема эта фактически не поднималась в отечественной историографии. Это во многом объясняется тем, что источники о поляках в Сибири XVII в. совпадают с источниками о служилых людях. Поэтому главной проблемой была не проблема классификации источников, а проблема методики их анализа. Мы останавливались уже на вопросах методики в нашей работе 2004 г. и в тезисах для конференции «Поляки в Сибири»¹. Здесь же мы хотели бы обсудить именно источниковую сторону проблемы, как наиболее тесно связанную с основными задачами исследовательского проекта «SIBIRICA».

Типологизация документальных источников представляет собой определенную исследовательскую проблему еще и потому, что до XVIII в. степень внутренней стандартизации письменного делопроизводства была сравнительно невелика². Историки по-разному

© Соколовский И. Р., 2013.

¹ *Соколовский И. Р.* Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск : Сова, 2004. 209 с. ; *Соколовский И. Р.* База данных поляков в Сибири XVII в. : метод слабоструктурированных данных // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог : материалы Междунар. конф. (Новосибирск, 23–24 апр. 2013 г.) (в печ.).

² Источниковедение истории СССР / ред. И. Д. Ковальченко. М. : Высш. шк., 1973. С. 95.

подходили к вопросам классификации источников, например, известный исследователь Якутии В. Ф. Иванов в своей работе по ранней истории русской колонизации Северо-Восточной Азии выстраивал, исходя из «якутоцентричной перспективы», следующую «иерархию источников»: «наказы, наказные памяти, памяти; грамоты; отписки; росписные списки; счетные списки; следственные документы на воевод; книги ясачного сбора; таможенные книги; книги крестьянского хозяйства; челобитные и судебные дела»³.

Нам бы хотелось руководствоваться более «абстрактной» схемой. Документы правительственных учреждений по основному содержанию и целевому назначению мы условно разбили бы на материалы законодательного характера, предназначенные для сравнительно долгого делопроизводственного обращения, и материалы текущего делопроизводства. Среди документов текущего делопроизводства мы склонны выделить материалы управления, судебно-следственные, финансово-учетные, по организации службы (прежде всего военной), внешних сношений и др.⁴

К материалам законодательного характера относятся Соборное Уложение 1646 г., Новоторговый устав и предшествующий ему документ, а также законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в., включающие в себя указы, уставы, приговоры боярской думы и др.⁵ Уложение и другие законодательные акты содержат сведения об основных вопросах организации социальных отношений, принципы урегулирования основных конфликтных ситуаций, возникающих в данном обществе. Они дают основную информацию о собственно культурном контексте, в который попадала польская шляхта и простолюдины, оказавшись в плену или добровольно войдя в состав русского «служилого» населения «по отечеству» или «по прибору».

---

³ Иванов В. Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979. С. 33.

⁴ Источниковедение истории СССР ... С. 97.

⁵ Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. / под ред. Н. Е. Носова. Л. : Наука, 1986. 261 с.

Более сложным является вопрос о царских грамотах, которые посылались в Сибирь из Сибирского приказа от имени царя, боярской думы, а иногда непосредственно и этими институтами. С одной стороны, их можно отнести к документам текущего управления, с другой – они нередко содержат законодательные элементы. М. Н. Тихомиров в своем курсе по источниковедению XVII в. призывал делать отличие между «грамотами» как распорядительными документами и «жалованными царскими грамотами», которые устанавливали имущественные права. Эти документы исходили из одного источника, но различались как по форме, так и по содержанию⁶. «Царские грамоты» распорядительного характера с определенным формуляром М. Н. Тихомиров предлагал называть «указами»⁷. Царские грамоты («указы») относительно поляков в Сибири хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) не только в фонде Сибирского приказа (Ф. 214), но и в других фондах, например, в фонде Разрядного приказа (Ф. 210). Царские «указы» или «указные грамоты» имеют особое значение. Они содержат правительственные решения по всем основным вопросам, возникавшим во время пребывания иностранцев в России. Если грамота была составлена в ответ на челобитную, то кратко излагала содержание этого документа⁸. Соответственно, и грамоты за подписью государевых дьяков могли составляться «по государеву приказу» или «по боярскому приговору». «Приговорами» (или «приговорными записями») назывались решения правительственных учреждений (центральных и местных)⁹.

Материалы текущего делопроизводства делятся на материалы управления (касающиеся сношения центрального управления с местными, сношения органов центрального управления между собой, сношения местного управления с центральным и сношения частных лиц с органами управления), судебные и судебно-следственные материалы, финансово-учетные материалы и материалы по организации службы.

---

⁶ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке // Российское государство в XV–XVII вв. М., 1973. С. 361.

⁷ Там же. С. 363.

⁸ Источниковедение истории СССР ... С. 95.

⁹ Там же. С. 96.

Распространенной разновидностью делопроизводственной документации были «сказки», в которых находили отражение записи устных показаний несудебного характера в учреждениях (в отличие от «распросных речей»), отчеты должностных лиц о выполнении поручений, сообщения купцов о торгах и промыслах и другие записи показаний назывались «речами».

Сношения органов центрального управления между собой осуществлялись посредством «памятей», обобщающего характера документов деловой переписки правительственных учреждений. Такой документ начинался с даты и слов «память» такому-то¹⁰. Как правило, «память» сопровождала пересылку пленного из Разряда в Сибирский приказ для дальнейшей отсылки в сибирские города. Этот источник, важный для выяснения иноземного происхождения тех и или иных лиц и причин их попадания в Сибирь, входит в состав дел о ссыльных.

Сношения местного управления с центральным осуществлялись посредством «отписок». «Отпиской» называлось любое донесение представителя местной правительственной администрации в центральное учреждение на имя царя. М. Н. Тихомиров подробно анализирует формуляр и содержание «отписок»¹¹. В отписке кратко излагалось содержание ранее полученного распоряжения и сообщалось (с подробностями) об определенном событии¹². Особенно для нас важны отписки, связанные с процессом обмена пленными, как правило, такие отписки снабжались подробными списками военнопленных, отражающими все этапы их жизни в Сибири¹³.

Дела о ссылке в Сибирь представляют собой сложный источник, включающий в себя «царские грамоты», «воеводские отписки», «памяти», «челобитные». Они могут использоваться как для характеристики численности и динамики польских

---

¹⁰ Источниковедение истории СССР ... М., 1973. С. 97.

¹¹ Тихомиров М. Н. Приказное делопроизводство в XVII веке... С. 364–365.

¹² Источниковедение истории СССР... С. 96.

¹³ Енисейск 1626/28 Отписка воевод о гибели «литвина». РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 18–25.

военнопленных в сибирских городах, так и для освещения отдельных аспектов социального статуса этой группы лиц¹⁴.

Различные прошения, заявления, жалобы назывались «челобитными» или «челобитьем». Челобитные с подписями («за руками») назывались «заручные» или «подписные»; записанные со слов в учреждении – «словесные». Челобитные были самого разнообразного содержания, адресовались и государю, и в правительственные учреждения, и духовным властям, и отдельным

---

¹⁴ Томск. Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 447. Л. 33–74 ; Томск 1633/34 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 23. Л. 56–312 ; Томск 1636/37. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 49. Л. 44–51, 133–418 ; 1636/37. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 53. Л. 42–609 ; Томск 1633/34 Список иностранцев высылаемых из Сибири домой. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 55. Л. 11–30 ; Томск 1633/34 Список иностранцев высылаемых из Сибири домой. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 59. Л. 86–160, 263 ; 1634/35 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 61. Л. 254–263 ; Томск 1638/39 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 97. Л. 1–184 ; Список ссыльных крестьян в города томского разряда. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 97. Л. 167–169 ; Томск 1643/44 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 146. Л. 281–285 ; Томск 1633/34 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 162. Л. 4–135, 171–546 ; Томск 1660/61 Список иностранцев высылаемых из Сибири домой. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 577. Л. 5–21, 96–114, 114–137, 140–224 ; 1682/83. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 746. Л. 372–451 ; Томск 1648/49. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 227. Л. 39–163 об.

Красноярск 1685/86 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 847, Л. 162–169 ; 1627/28. РГАДА. Ф. 214, Оп. 3. Стб. 5. Л. 237–353 ; Красноярск 1642/43 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 126. Л. 35–37 ; Красноярск 1642/43 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 132. Л. 104–105.

Тобольск 1633/34 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 7. Л. 10–189.

Якутск Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 291. Л. 1–3а.

Енисейск 1656/57. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 470. Л. 100–103, 242–432 об. ; Енисейск 1663/64. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 759. Л. 1–47 об. ; Енисейск 1663/64. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1560. Л. 41–526. Енисейск 1638/39 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 97. Л. 281–460 ; Енисейск 1653/54 Дела о ссылке в Сибирь. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 220, Л. 210–216.

Даурия 1689/90. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 1008. Л. 62 об. – 310.

высокопоставленным лицам¹⁵. Они позволяют нам понять, как сами иностранцы оценивали свое положение в Сибири, не забывая при этом, что сам текст челобитной писался не ее «автором», а специальным подьячим, а также зачастую сообщают целый ряд бесценных биографических подробностей¹⁶.

Судебно-следственные дела в полном составе представляют собой комплекс документов (иногда и разновременных). Протоколы судебного разбирательства назывались «судными списками»¹⁷. Записи показаний свидетелей во время следствия называли «сыскные речи»; при допросе «распросные речи» («в допросе сказал», «в допросе говорил»); если допрос сопровождался пыткой – «пыточные речи» (или «распросные пыточные речи»). Распросные речи точно датировались¹⁸. Они могут быть использованы для характеристики представлений польских военнопленных о тех ситуациях, в которые они попадали в России. Часто «судные списки» судебно-следственных действий, проведенных местными властями находятся в РГАДА в виде «отписок». Отчет должностного лица, посланного местной администрацией для сбора сведений по какому-нибудь делу, назывался «обыск»¹⁹. Подобного рода «обыски» также встречаются в составе судебно-следственных дел²⁰.

---

¹⁵ Источниковедение истории СССР... М., 1973. С. 97.

¹⁶ Тара 1633/34 Челобитная П. Костелецкого. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 3. Л. 358–362.

Енисейск 1626/27 Челобитные с просьбами о жаловании за «сибирский приезд». РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 6. Л. 4–42 ; 1618/19 Челобитные. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3 Стб. 16. Л. 286 об. – 391 ; Енисейск 1647/48 Челобитная Саввы Француженина. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 296. Л. 117–119 ; 1654/55 Роспись имущества И. Превлоцкого РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 447. Л. 4–11.

¹⁷ Источниковедение истории СССР ... М., 1973. С. 99.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Москва 1614/15 Дело П. Хмелевского. РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 3. Л. 1–30, 32–34, 35–84, 55–100 ; Москва 1631/32. РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 57. Л. 478–479 ; Москва 1631/32. РГАДА Ф. 210. Оп. 13. Стб. 57. Л. 323–339 ; Москва 1637/38 Дело М. Сосновского. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 143. Л. 167–173 об. ; Москва 1637/38. РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 143. Л. 78–181 ; Томск 1633/34 Дело о «заговоре» томской «литвы». РГАДА. Ф. 214, Оп. 3 Стб. 40. Л. 265–287 ; Енисейск 1647/48 Дело С. Коловского. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 296. Л. 69–80 ; Красноярск 1647/48 Дело С. Француженина. РГАДА Ф. 214. Оп. 3.

Финансово-учетные материалы служат основным источником для характеристики численности поляков и «литвы», изменений этой численности, размеров жалования, сельскохозяйственных занятий. В эту группу входит целый ряд документов: «сметные и пометные списки»²¹, «книги сбора десятой деньги»²², «книга сборов с амбаров»²³, «переписные книги деревень»²⁴.

Окладные книги денежного и хлебного жалованья содержат погодные сведения о всех жителях того или иного города, получавших «хлебное» (в первые годы крупу и толокно, позднее овес и рожь), «денежное» или «соляное» жалованье от центральных властей. Часто в книгах фиксируются факты изменения размеров жалованья с указанием причин, факты смерти лиц, получавших жалованье, также с указанием причин²⁵.

Стб. 296. Л. 389–392 ; Тобольск 1637/38 Дело о ссоре иноземцев П. Хмелевского и С. Француженина с воеводой и архиепископом. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 571. Л. 118–374, 379–381, 404–427 ; Енисейск 1665/66 Дело К. Деялтовского. РГАДА Ф. 214. Оп. 3 Стб. 812. Л. 1–36.

²¹ Томск 1665/66. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479. Л. 28 об. – 30 ; Томск 1676/77 сметный и пометный список. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 622. Л. 2 об. – 41.

²² Енисейск 1684/85 Книга сбора 10-й деньги. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 817. Л. 243.

²³ Енисейск 1684/85 Книга сборов с амбаров. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 817. Л. 257–268.

²⁴ Енисейск 1684/85 Переписная книга деревень. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 942. Л. 1–3 об. ; Томск 1702/03 Переписная книга. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 2–34 об. ; Красноярск 1633/34 Обыск, проведенный С. Францужениным. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 91. Л. 3–7.

²⁵ Томск в 1629/30 г., Енисейск 1629/30 Окладные книги денежного и хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 27. Л. 303–317 ; Томск 1624/25 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 458. Л. 71–79 об. ; Томск 1630/31 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 28. Л. 551–556 ; Томск 1631/32 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 2–26 об., 26–52, 53–59 ; Енисейск 1631/32 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 121–132 об. ; Енисейск 1631/32 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 47. Л. 60–195 об. ; Томск 1636/37 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 49–57 об. ; Томск 1636/37 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 146–154 ; Енисейск 1636/37 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 70. Л. 100–118 ; Красноярск 1642/43 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 69–83 об. ; Томск 1642/43

Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 98 и след. ; Енисейск 1642/43 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 153. Л. 49 об. – 83 об. ; Томск 1642/43 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 189. Л. 1а –54 ; Томск 1656/57 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 368. Л. 2 об. – 5 об. ; Енисейск 1676/77 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 413. Л. 63–94 ; Томск 1661/62 Окладные книги денежного и хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 438. Л. 29 об. – 98 ; Красноярск 1661/62 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 438. Л. 322–354 об. ; Красноярск 1661/62 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 438. Л. 312–326 ; Енисейск 1661/62 Книга окладная денежного, хлебного и соляного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 443. Л. 1 об. – 35 об. ; Енисейск 1661/62 Книги окладные хлебного и соляного и денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 443. Л. 37–66 об. ; Енисейск 1661/62 Книги окладные хлебного и соляного и денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 443. Л. 68–110 об. ; Томск 1662/63 Окладные книги денежного и хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 466. Л. 42–114 об. ; Томск 1665/66 Окладные книги денежного и хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479. Л. 96–169 ; Красноярск 1665/66 Денежное жалованье. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479. Л. 751–756 ; Красноярск 1665/66 Окладная книга хлебного и соляного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 479. Л. 766–793 об. ; Томск 1671/72 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566. Л. 547–555 ; Томск 1671/72 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 566. Л. 596–603 ; Томск 1672/73 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 590. Л. 718–724 ; Томск 1664/65 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 594. Л. 150–155, 723 об. – 731 ; Томск 1676/77 Окладные книги денежного и хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 622. Л. 56–128 ; Томск 1679/80 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 716. Л. 60–66 ; Томск 1678/79 Окладные книги денежного и хлебного жалованья, подал Ю. Соболевский. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 717. Л. 53–123, 512 ; Томск 1679/80 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 728. Л. 12–35 об. ; Томск 1681/82 Окладные книги денежного и хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 755. Л. 25–145 ; Красноярск 1681/82 Окладная книга денежного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 755. Л. 415–439 об. ; Енисейск 1684/85 Окладная книга денежного хлебного и соляного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 815. Л. 124–162 ; Томск 1686/87 Окладная книга соляного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 868. Л. 585–605 ; Красноярск 1687/88 Окладная книга денежного хлебного и соляного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 902. Л. 211–242 ; Кн. 1279 1656/57 Денежный стол. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1279. Л. 1–2 ; Томск 1652/53 Окладная книга хлебного жалованья. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1518. Л. 2 об. – 112 об.

В Сибири XVII в. «вся торговая деятельность приезжих людей и местных жителей разрешалась только на гостином дворе и в торгу, а “кто учнет торговать опричь гостина двора и торгу и у тех людей те товары имать на великого государя”»²⁶. «Таможенные книги» вели запись таможенных пошлин с торговых сделок и «явок», по которым можно характеризовать коммерческую деятельность военнопленных поляков и поляков-переведенцев²⁷.

Материалы по организации службы включают в себя целый ряд документов, таких как разгонные книги ямщиков²⁸, разборные и переписные книги и др. Разборные и переписные книги служат основным источником для демографической характеристики «служилого» населения польско-литовского происхождения²⁹.

К особой группе документов по организации службы относятся дела о заведении «полков нового строя» в Сибири, которые можно использовать для характеристики степени участия ссыльных поляков в этом процессе³⁰. Для характеристики процессов ассимиляции нами в работе 2004 г. было использовано дело Сибирского приказа о назначении казачьего головы в Баргузинский острог³¹.

---

²⁶ *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. С. 128.

²⁷ Источниковедение истории СССР... С. 97 ; Томск 1661/62 Таможенная книга. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 438. Л. 162 об. – 204.

²⁸ Енисейск 1678/79 Разгонные книги. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 527. Л. 203–223.

²⁹ Томск 1679/80 Разборная книга томских служилых людей РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 698. Л. 29 об. – 43, 43 об. – 250 ; Енисейск 1692/93 Переписная книга служилых людей. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1035. Л. 43–59 ; Переписная книга служилых людей Красноярска за 1671/72 г. опубликована в посмертном издании работ С. В. Бахрушина // Бахрушин С. В. Научные труды. М. : Изд-во АН СССР. 1959. Т. IV. С. 217–224.

³⁰ 1658/59 Дело о заведении «полков нового строя» в Сибири. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 100. Л. 1–3 ; 1660/61 Дело о заведении «полков нового строя» в Сибири. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 630. Л. 1–331 об. ; *Дмитриев А. В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII в. Новосибирск, 2008. 240 с.

³¹ Стб. 481 1663/64 Дела Барнешлева и Лисовских. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 481. Л. 23–84.

Доступные нам частные материалы по истории поляков в России включают в себя только один дневник и одну переписку. Переписка поляков внутри России и их сношения с заграницей, как правило, не сохранились. До нас дошло всего несколько писем П. Хмелевского, хранящиеся в деле о его «измене»³². Для характеристики географических представлений очень интересны дневник А. Каменьского-Длужика и путевые заметки неизвестного немецкого офицера, который путешествовал в Сибири примерно в то же время, что и А. Каменьски-Длужик³³.

Представленный обзор источников, по нашему мнению, указывает на два важных обстоятельства. С одной стороны, источники по истории поляков в Сибири XVII в. разнообразны, а с другой – они достаточно бедны и содержат преимущественно «внешние» сведения об их пребывании в Сибири (социальный статус, жалование, владение имуществом, демографические характеристики и др.), поэтому требуют применения специальных методик для своей обработки и извлечения информации.

---

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 3. Ч. 2. Л. 32–33.

³³ *Kamieński D. A. Diariusz więzienia moskiewskiego, miast i miejsc spisany przez... Z pierwodruku wydali oraz przypisami i komentarzami opatrzyli Antoni Kuczyński, Borys Polewoj, Zbigniew J. Wójcik. // Dwa polskie pamiętniki z Syberii XVII i XVIII wiek. Wrocław. 1997. S. 13–39 ; Алексеев М. П. Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке // Исторический архив. М., 1936. Т. 1. С. 97–194.*

доктор **Томаш ШВАЧИНЬСКИЙ**
Национальная библиотека в Варшаве
(Варшава)

Польско-российские отношения в саксонскую эпоху и судьбы поляков в Сибири (на примере дневников Людвика Сеницкого)

Рассмотрено каким образом исследования польско-российских отношений могут способствовать более глубокой интерпретации немногочисленных источников, касающихся судеб поляков в Сибири в период правления королей Саксонской династии. В качестве примера такого источника взяты воспоминания Людвика Сеницкого.

Ключевые слова: Россия, Польша, Сибирь, первая половина XVIII в., дипломатия, воспоминания, Людвик Сеницкий.

Судьбы поляков в российской Сибири в эпоху правления королей саксонской династии до сих пор остаются вопросом, рассмотренным наукой лишь фрагментарно.

Определенно следует согласиться с мнением А. Кучиньского, который считает, что «Независимо от многогранной специфики польско-сибирских связей, очевидным является то, что они представляют собой одну из частей весьма запутанных отношений, существующих в течение четырех веков между Польшей и Россией»¹. Кроме того, следует вспомнить утверждение М. Яника: «Если Россия позволяла себе злоупотреблять нашим народом в XVII в., когда Речь Посполитая была еще достаточно сильной, насколько более дерзко она повела себя в XVIII в., когда Польша попала под ее протекторат, закончившийся в свою очередь катастрофами разделов. Уже в начале этого [XVIII] столетия Петр Великий сослал в Сибирь сторонников [Станислава] Лещинского. Сколько их было, в каких были взяты сражениях, этого мы никогда, кажется, не узнаем»². Эти ценные замечания склоняют нас к короткому описанию последних достижений

© Швачиньский Т., 2013.

¹ *Kuczyński A.* Syberia: czterysta lat polskiej diaspory. Warszawa ; Wrocław, 1995. S. 15.

² *Janik M.* Dzieje Polaków na Syberji. Kraków, 1928. S. 44.

польской и российской науки в области исследований польско-российских отношений в 1697–1763 гг.

Я. Бурдович-Новицкий в фундаментальном труде «Петр I, Август II и Речь Посполитая 1697–1706»³, исчерпывающе представил процесс формирования российского протектората в Речи Посполитой, опираясь в своем исследовании на обширный круг российских источников. Его выводы имеют огромную ценность, поскольку исследователь опроверг донныне существующие в науке (не подкрепленные тщательным анализом и часто неверные) мнения предшественников (В. Д. Королюка, Я. Сташевского, А. Сулимы-Каминьского). Следует подчеркнуть, что представленный Бурдовичем-Новицким процесс формирования политики Петра I в отношении Польши показывает происхождение тех принципов, которыми руководствовалась Россия вплоть до третьего раздела Речи Посполитой. Среди них самым важным было противодействие восстановлению государственного устройства Речи Посполитой и увеличению польского оборонного потенциала. В свете этих установок трудно согласиться с мнением А. Кучиньского, утверждающего, что «Хронологический порядок требует изучения наибольшей в XVIII в. волны ссылок из Польши, которая началась после поражения Барской конфедерации (1768). Именно с этого времени начинается, все более усиливающаяся в последующие годы, вмешательство России во внутренние дела Польши, следствием которого стали разделы»⁴. Как нам кажется, начало этого вмешательства следует передвинуть на 70 лет назад.

Ю. Геровский в статье «О медиации в Варшавском трактате»⁵ доказал, что трактат⁶, который был подписан между тарногородскими конфедератами и Августом II при российском посредничестве, не давал (несмотря на старания Петра I) формальной гарантии Петербурга на восстановление устройства Речи Посполитой. Тем не менее он представлял собой необычайно небезопасный прецедент российского вмешательства во внутренние польские дела.

---

³ *Burdowicz-Nowicki J. Piotr I, August II i Rzeczpospolita, Kraków 2010. 767 s.*

⁴ *Kuczyński A. Syberia... S. 57–58.*

⁵ *Gierowski J. Wokół mediacji w traktacie warszawskim // Zeszyty Nauk. UJ. Pr. Hist. 1969. Z. 26. S. 57–68.*

⁶ Имеется в виду трактат 1716 г.

У. Косиньская в своей книге «Сеим 1719–1720 и вопрос ратификации Венского трактата»⁷, а также ряде статей⁸ представила период, в котором Август II предпринял неудачную попытку освобождения Речи Посполитой от российского доминирования. Средством, служащим этой цели, должно было стать присоединение Польши к так называемому Венскому трактату, то есть подписанному 5 января 1719 г. договору Великобритании, Австрии и Саксонии, целью которого было сдерживание возрастающего российского влияния в Европе. Благодаря работе с материалами российской дипломатической корреспонденции автору удалось пролить свет на попытки российского дипломата Григория Долгорукого помешать планам Августа II, которые однако потерпели фиаско.

З. Зелиньская в обширной публикации «Отношение России к польским реформам 1738–1744 гг.»⁹ представила российскую позицию в первую очередь по отношению к увеличению польской армии, доказывая, что Петербург в последние годы правления Анны Иоанновны и первые годы царствования Елизаветы Петровны последовательно сопротивлялся попыткам увеличения военного потенциала своего западного соседа.

Б. В. Носов в книге «Установление Российского Господства в Речи Посполитой. 1756–1768 гг.»¹⁰ представил очерк целей российской политики в отношении Польши в преддверии и первом периоде Семилетней войны, используя неисследованные до сих пор архивные документы. В недавно вышедшей из печати книге «Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века»

---

⁷ *Kosińska U.* Sejm 1719–1720 a sprawa ratyfikacji traktatu wiedeńskiego, Warszawa 2003. 288 s.

⁸ *Она же.* Rosyjskie plany wywołania antykrólewskiej konfederacji i detronizacji Augusta II w 1719 r. // *Kwartalnik Historyczny* : roczn. 106. 1999. № 3. S. 53–75 ; *Она же.* Rosja wobec sejmów jesiennego 1720 r. // *Kwartalnik Hist.* : roczn. 111. 2004. №1. S. 39–67.

⁹ *Zielińska Z.* Rosja wobec polskich prób reform w latach 1738–1744 // *Z. Zielińska.* Studia z dziejów stosunków polsko-rosyjskich w XVIII wieku. S. 9–59. См. также: *Она же.* Rosja wobec polskich planów aukcji wojska w 1738 roku // *Kwartalnik Hist.* : roczn. 107. 2000. № 3. S. 3–25 ; *Она же.* Rosja wobec polskich planów aukcji wojska w 1740 roku // *Ikonotheka.* 1998. № 13. S. 241–258.

¹⁰ *Носов Б. В.* Установление Российского господства в Речи Посполитой, 1756–1768 гг. М. : Индик, 2004. 727 с.

М. Ю. Анисимов¹¹ представил несколько неизвестных до сих пор фактов, касающихся польско-российских отношений в 1749–1756 гг.

Диссертация автора данной статьи¹² представляет собой попытку представить старания России в интересах сохранения равновесия сил на польской политической сцене после сейма 1754 г. В то же время в опубликованных статьях¹³ была описана практика российской протекции, оказываемая представителям польского общества в середине XVIII в.

Каким образом исследования польско-российских отношений в рассматриваемый период могут обогатить наше представление о судьбах поляков в Сибири, можно проиллюстрировать на следующем примере.

Я. Бурдович-Новицкий в первых главах своей работы констатировал: «Характер, заданный Августом [II] отношениям с Россией, уже с самого начала его пребывания в Польше не имел, как нам кажется, прецедента. Наверное, никогда раньше польский король (элект) не вел себя с московскими царями с подобной покорностью, устанавливая отношения с восточным соседом по принципу неравенства сторон и признавая явное преимущество московского правителя¹⁴. <...> Август сам принимал в отношениях с Петром роль “не только приятеля, но и слуги”, обязанного за восшествие на трон только царю. Таким образом, он заранее определял характер их взаимоотношений в будущем. Разумеется, такое положение дел полностью устраивало Россию. Тем более что вскоре после избрания Августа сам Петр I начал бросаться лозунгами о своем основном влиянии на выборы»¹⁵. Рассматриваемые историком первые дипло-

---

¹¹ *Анисимов М. Ю.* Российская дипломатия в Европе в середине XVIII века: от Ахенского мира до Семилетней войны. М.: КМК, 2012. 340 с.

¹² *Szwaciński T.* Polityka rosyjska wobec Rzeczypospolitej w dobie «przewrotu przymierzy» (1754–1756) : nieopubl. praca dokt. Inst. Hist. Uniw. Warszawskiego. Warszawa, 2011. 194 s.

¹³ *Он же.* Protekcja rosyjska udzielana przedstawicielom szlachty litewskiej u progu wojny siedmioletniej. Postawienie problemu // *Kwartalnik Hist.* : roczn. 118. 2011. № 1. S. 47–83 ; *Он же.* Rosja a Piotr i Jan Sapiehowie w dobie kryzysu ostrogi (1754–1758) // *Kwartalnik Hist.* : roczn. 119. 2012. № 1. S. 31–65.

¹⁴ *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I... S. 88–89.

¹⁵ Там же. S. 104–105.

матические переговоры между Петром I и Августом II, которые проводились саксонским дипломатом Кристофом Дитрихом фон Бозе с направленным Петром I инкогнито великим посольством в Амстердаме и Гааге (сентябрь–октябрь 1697 г.), показывали Августа II не только в роли просителя. Они представляли саксонца также и в качестве монарха, который без колебаний готов был просить о российском вооруженном вмешательстве для умирения своих подданных, которые ему сопротивлялись. Заботой Августа II было лишь укрывание своих намерений перед польским общественным мнением и перекладывание всей вины на Петра I, причем царь быстро разгадал эту игру. Стоит также добавить, что Я. Бурдович-Новицкий опроверг до сих пор функционирующее в науке совершенно ошибочное и опирающееся на отрывочную источниковую базу мнение Я. Сташевского, который доказывал, что Август II в начале царствования не просил о российской вооруженной помощи.

При изучении дневников Людвика Сеницкого следует помнить о вышеупомянутой политике Августа II. Как сторонник Станислава Лещинского он попал в российский плен в 1707 г. и двумя годами позднее был выслан в Тобольск¹⁶. В своем дневнике он описал это следующим образом: «А когда нас в Тобольск, столицу Сибири привезли, там нам на пропитание по несколько бочек зерна и по полрубля или по пять золотых на каждого было выдано. Жили мы там всего лишь полторы недели, после чего узнали, что воевода Самаровского яму Григорий Алексеевич Калямин, который в это время был фаворитом сибирского губернатора, и, поскольку бывал раньше в Польше, знал нас, когда услышал о нас, попросил, чтобы нас под его честное слово ему выдали. Так и вышло, и сибирский губернатор отправил нас к нему в Самаровский ям. Калямин дал нам удобное жилье, одел нас в соответствии с необходимостью и снабдил достаточным пропитанием. Дал мне сына своего, чтобы я научил его латыни. При воеводе Самаровского яма имея все удобства, успокоив немного мысли и обиду сердца, ждали мы дальнейшей божьей милости.

Там мы жили в покое лишь полгода. Однако людская злость (хотя и она не может вредить без божьей воли) привела к тому,

---

¹⁶ *Kijas A. Polacy w Rosji od XVII wieku do 1917 roku : słow. biogr., Warszawa ; Poznań, 2000. S. 318.*

что пришел царский указ такого содержания: “**На просьбу полномочного польского посла**¹⁷ приказываю, чтобы генерал Сеницкий со своим братом были отправлены в ссылку аж до Якутска”. Якутск находится от Тобольска, сибирской столицы, верст русских пять тысяч, что дает тысячу польских миль»¹⁸.

Несмотря на то, что Войцех Кригзайзен отмечал, что «Через полгода ссыльные были направлены в Якутск, это решение, по мнению С[еницк]ого, мог спровоцировать посол Августа II в Москве, однако известно, что польские дипломаты добивались освобождения заключенных, а ста[роста] копаницкий Франчишек Пониньский даже просил за сосланных на китайскую границу, быть может, именно за Сеницких»¹⁹. Однако мы можем предполагать, что требование отправки Сеницких в Якутск выразил представитель Августа II в России Фридрих Витцтум фон Экштедт. Исследования Я. Бурдовича-Новицкого доказали, что король был способен на такие действия. Разгадать конкретно эту загадку можно только изучив архивные материалы, находящиеся в Дрездене.

---

¹⁷ Выделено автором статьи.

¹⁸ *Sienicki L. Dokument osobliwego miłosierdzia Boskiego ze wspomnien. o mniej znanych Moskiewskiego Państwa krainach [...] / wyd. A. Kuczyński. Wrocław 1997. 194 s. ; Sienicki L. Dokument osobliwego miłosierdzia Boskiego : Pierw. Wilno, 1754. 97 s. [Перевод по адаптированному Т. Швачиньским тексту цитаты].*

¹⁹ *Kriegseisen W. Sienicki Ludwik // Polski Słownik Biograficzny. Warszawa ; Kraków, 1996–1997. T. 37. S. 154.*

Екатерина Николаевна ТУМАНИК
кандидат исторических наук, Институт
истории СО РАН (Новосибирск)

Персонологические исследования в изучении ключевых проблем сибирско-польской истории XIX в.

Рассматривается персонологический метод, его характеристика и актуальность в современных исследованиях, в частности в контексте изучения истории поляков в Сибири. Важным моментом является выяснение соотношения и взаимосвязанности двух методик – персонологии и исторической биографики, а также роли персонологических изысканий в процессе введения в научный оборот новых источников.

Ключевые слова: персонология, историко-биографический метод, поляки в Сибири, XIX в.

Историко-биографический метод, как практически единственный популярный среди исследователей подход к разработке проблемы о роли личности в истории, нуждается сегодня в существенной модернизации. Он еще вполне применим при работе над составлением биограмм и биографических справочников, но даже в этом случае требует значительного усложнения и интеграции с другими методиками. Можно сказать, что на смену простой исторической биографике сегодня приходит новый метод исследования – историческая персонология, основы которой были заложены, конечно, еще несколько десятилетий назад. Наилучшим примером «рывка в персонологию» в нашей историографии можно считать труды Н. Я. Эйдельмана, умевшего прекрасно представить не только биографическую канву, но и эпоху в целом – показать своего героя не в отрыве от нее и даже не параллельно с ней, а органично живущего в своем времени¹. В собственных методологических разработ-

---

© Туманик Е. Н., 2013

¹ *Эйдельман Н. Я.* Лунин. М., 1970. 352 с. ; *Он же.* Апостол Сергей : повесть о С. Муравьеве-Апостоле. М., 1980. 364 с. ; *Он же.* Большой Жанно : повесть об И. Пушине. М., 1982. 367 с. ; *Он же.* Последний летописец. М., 1983. 176 с. ; *Он же.* Пушкин : из биографии и творчества, 1826–1837. М., 1987. 463 с. ; *Он же.* Первый декабрист : повесть о необыкновенной жизни и посмертной судьбе В. Раевского. М., 1990. 398 с.

ках Н. Я. Эйдельман придерживался также и концепции необходимости творческого подхода к биографическим методикам². Но тогда единственным выходом для исследователей, пионеров персонологии, была работа на стыке научного и научно-популярного, истории и литературы – метод еще не появился, еще не существовало его научных основ. Сегодня историческая персонология стала вполне научной и заявляет о себе как новый и современный инструмент познания.

Надо сразу сказать, что этот метод достаточно сложен, кропотлив и требует от исследователя значительных творческих усилий и энциклопедических знаний об эпохе. Именно поэтому сегодня наблюдается некоторый отход к простой исторической биографике – стандартные биографии писать гораздо проще и... быстрее. И все-таки хочется надеяться, что многие ученые будут продолжать пользоваться персонологическим методом, отличающимся от историко-биографического подхода. Пик популярности исторической персонологии приходится на конец 1990-х – самое начало 2000-х гг. Тогда же была дана точная формулировка принципов метода. Итак, историческая персонология – область обобщений, выявляющая типы исторических личностей в каждую эпоху, когда частные аспекты мировоззрения и деятельности связываются с глобальными проблемами исторического процесса³. Говоря о соотношении историко-биографического метода и исторической персонологии, можно сказать, что они ни в коем случае не взаимоисключают друг друга. Первое лежит в основе второго и является первоначальным этапом в подготовке к написанию персонологического исследования, точкой опоры при первичном сборе и накоплении материалов для исследования. В этом плане можно приветствовать составление и публикацию различных биографических справочников и словарей.

Уникальность персонологического подхода заключается в том, что он через призму исследования жизнедеятельности рассматриваемой исторической личности дает выход на множество проблем общеисторического характера. Благодаря персоноло-

---

² *Эйдельман Н. Я.* Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX в.) // История СССР. 1970. № 4. С. 18–31.

³ *Чернобаев А. А.* Обзор тематики докторских диссертаций заместителя председателя экспертного совета ВАК России по отечественной истории // Бюл. Гос. высш. аттестац. ком. Рос. Федерации. 1999. № 2. С. 38.

гическому исследованию мы можем получить энциклопедические сведения об эпохе – само исследование, его ход и специфика направляют исследователя на этот путь, так как он должен не только как можно шире представить исторический фон своей темы, но и значительно углубиться в него, избегая поверхностных выводов и заключений, что предполагает владение материалом: источниками и историографией. Отсюда вытекает другой интереснейший нюанс персонологии – неизбежный выход на новые уровни темы, когда насущно необходимым становится написание и воссоздание малоизвестных страниц истории, без которых невозможно понять логику и смысл биографического материала. Так, например, работая с архивом паровой компании Юзефа Адамовского, воссоздавая забытую биографию этого сибирского предпринимателя, нам пришлось составить во многом новаторский и актуальный с историографической точки зрения очерк истории начального этапа становления пароходства в Западной Сибири⁴.

Наконец, и это тоже, пожалуй, закономерность исторической персонологии – выход на новую персонологию, что порождает не только преемственность и перспективность, но даже определенную «бесконечность» исторического поиска и перспектив исследований. В процессе работы создаются «персоналогические цепочки», и одна личность неизбежно «притягивает» к себе другую и многих. В качестве примера можно привести наше персоналогическое исследование о Юзефе Адамовском, когда в ходе трудов над монографией появилась необходимость в составлении особых приложений в целях сохранения, обобщения и структурирования биографического и генеалогического материала – так появился биографический словарь сибирского купечества и алфавитный перечень лиц (Приложение V, Приложение VI)⁵. Как уже подчеркивалось, полученная биографика на базе конкретной работы, ее информативная составляющая, вполне может стать «отправной точкой» для исследований не только

---

⁴ Рец.: *Orłowski B. E. N. Tumanik, Jozef Adamowski i stanowlenie parochodstwa w Zapadnoj Sibiri w sereдинie XIX wieka*, Wyd. Rossijskaja Akademia Nauk Sibirskoje Otdelenije Institut Istorii, Nowosibirsk 2011, s. 181, ilustracje // *Zesłaniec*. 2012. № 50. S. 92–94.

⁵ *Туманик Е. Н. Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX века*. Новосибирск, 2011. С. 180–214.

историко-биографического характера, но и персонологических (персонологические цепочки).

Следующий важный момент – субъективный подход персолога-исследователя – в ходе научных изысканий постепенно складывается такая практика, когда уже невозможно обращение к простой биографике в чистом виде; в исследовательской работе всегда ощущается тяготение к сложносоставным и многоуровневым подходам, к которым приучает и которых требует персонологический метод. Персонолог уже не может писать «простые» биографии и всегда стремится к сложному исследованию. Другой стороной персонологического метода, что уже отчасти отмечено, является необходимость дополнять и нагружать свои работы приложениями: биографическими перечнями, публикацией источников и т. д. При выявлении и подборе источников персолог руководствуется повышенным вниманием к действующим лицам истории (конкретным историческим фигурам), и в данном ракурсе не столь важно, является ли субъект исследования видным и известным деятелем, или же это совершенно забытая «маленькая» личность. Следовательно, первоначальный акцент делается, конечно же, на источники личного происхождения – их выявление, публикацию, тщательное изучение для введения в оборот «большой истории». В качестве примера можно привести работу с архивами Г. С. Бильдюкевича (рядового чиновника), результатом которой стала публикация его «Живописного альбома» – важного публицистического и изобразительного источника по истории освоения Забайкалья и Приамурья эпохи генерал-губернаторства Н. Н. Муравьева⁶. Возможно, правомерно высказать следующее: сегодня настало время повышенного внимания к источникам подобного рода и анализа и вовлечения их в научный оборот именно с позиций персологии. Она становится ключом к познанию прошлого и заполнению его «белых пятен». Это становится понятным и на другом примере. В 2002 г. на русском языке была опубликована важная в историографическом отношении статья-лекция Б. Пилсудского «Поляки в Сибири», в которой есть достаточно

---

⁶ *Бильдюкевич Г. С. Живописный альбом с приложением краткого описания замечательнейших видов и местностей на берегах р. Шилки, Амура и Восточного Океана. 1859. Новосибирск, 2005. 128 с.*

сенсационно звучащее для тех лет упоминание об Ю. Адамовском: «...Адамовский в 1860 г. кладет начало паровой флотилии в Сибири»⁷. Этот тезис тогда мог вызвать лишь недоумение у российских специалистов по истории речного транспорта, но, с другой стороны, Б. Пилсудский при своем научном авторитете не мог заявлять о том, чего не знал наверняка. В комментариях к статье Б. С. Шостакович отметил, что сведения об Адамовском «не установлены»⁸. Тем не менее согласно архивному листу использования документов, известно, что материалы Ю. Адамовского когда-то попадали в руки Б. С. Шостаковича, просто, вероятно, ученый не обратил на них должного внимания. В 1970–1980-е гг. источники личного происхождения, авторами которых являлись лица малоизвестные или вовсе неизвестные, часто отсеивались исследователями, как не составляющие научной ценности. Сегодня можно сказать, что тогда время этих источников еще не пришло. Хотя такое отношение вполне можно и покритиковать – если бы все такие материалы систематизировались и включались в базы данных, то это послужило бы важнейшей отправной точкой в современных исследованиях. Но такого обобщения не было сделано, и ныне процесс выявления источников часто приходится начинать с нуля.

Обращаясь к важнейшей и конкретной теме – без преувеличения ключевой на сегодняшний день в изучении сибирско-польской истории – истории польской политической ссылки в Сибирь в XIX в. и роли персоналогического подхода в ее научной разработке, стоит сказать о некоторых желательных, на наш взгляд, тенденциях, которые должны превалировать. Мы остановимся на менее изученной в этом отношении первой половине позапрошлого столетия, являющейся сферой наших научных интересов. Особый подход в освещении данного периода польской ссылки должен заключаться в обязательном теснейшем ее изучении вместе со ссылкой декабристов. В пользу данного подхода говорят сами источники – не только мемуары и эпистолярное наследие, но и материалы делопроизводства

---

⁷ *Пилсудский Б.* Поляки в Сибири // *Сибирь в истории и культуре польского народа.* М., 2002. С. 28. (Впервые работа была опубликована в 1918 г. во Франции: *Piłsudski B.* Polacy w Syberji. Le Puy, 1918. 36 s.).

⁸ Там же.

центральных и местных органов власти. Насколько тесна эта «декабристско-польская связка», показали документальные публикации последних лет: прежде всего стоит отметить «Дневник моей неволи» Ю. Сабиньского, выпущенный из печати Б. С. Шостаковичем в серии «Польско-сибирская библиотека»⁹. Изучение польской политической ссылки не должно стоять изолированно от самых общих аспектов исследования ссылки в Сибирь того времени, оно должно быть вписано в рамки общего явления и рассматриваться как его неотъемлемый элемент. В связи с этим категорически недопустимо противопоставление польской ссылки – культурное, бытовое и, самое главное, идейное – ссылке декабристов. Последнее искусственно создаваемое противостояние (идейное) особенно опасно, так как изолирует, вплоть до исключения, польское освободительное движение (в том числе и национально-освободительное) из общего процесса и контекста освободительного движения в Российской империи того периода. Следствием такого подхода может стать игнорирование и даже «перечеркивание» целого ряда источников, которые просто «не впишутся» в данную концепцию.

Персонологические исследования польской политической ссылки в Сибирь первой половины XIX в. уверенно могут опираться на материалы детально изученной в советский период ссылки декабристов. Опубликованные и продолжающие публиковаться в серии «Полярная звезда» мемуарные и эпистолярные источники содержат массу сведений о поляках – товарищах декабристов по Сибири. Так же декабристская персонология дает мощный выход на персонологию польскую. Так, польский историк П. Билиньский, написавший ряд работ об участнике Патриотического общества гр. П. Мошинском, сосланном в Западную Сибирь в начале 1830-х гг. и поселенном в Тобольске, активно вовлекает в свои научные изыскания сибирскую историографию о декабристах, особенно об А. Н. Муравьеве, исполнявшем в то время должность тобольского губернатора. В свою очередь, созданные на сибирском материале польские источники личного происхождения призваны дополнять знания российских декабристоведов. Тот же П. Билиньский приводит воистину

---

⁹ *Сабиньский Ю.* Дневник моей неволи // Воспоминания из Сибири : мемуары, очерки, дневниковые записи польских ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. Иркутск, 2009. С. 533–580.

бесценные сведения о декабристах, в частности о том же А. Н. Муравьеве¹⁰. Казалось бы, биография А. Н. Муравьева, досконально изученная по российским источникам, уже не требовала дополнений, но материалы из польских архивов пролили на нее дополнительный свет и дали интереснейшие, совершенно неизвестные в нашей литературе сведения как о личности декабриста, его частной жизни, сибирском окружении, так и о российско-польских связях того времени, а в конечном итоге помогли охарактеризовать ситуацию внутри освободительного движения в целом. Совершенно точно можно сказать, что польские источники, абсолютно новые в России, можно привлечь к изучению жизнедеятельности таких декабристов, как П. А. Муханов, И. Д. Якушкин, М. С. Лунин и мн. др.

Основу и базу для будущих персоналогических исследований о поляках в Сибири во многом определила работа над Исторической энциклопедией Сибири (ИЭС), подготовленной Институтом истории СО РАН и вышедшей в свет в Новосибирске в 2009 г.¹¹ Коллективом авторов, ведущими из которых были Б. С. Шостакович, Р. В. Оплаканская и Е. Н. Туманик, для энциклопедии было подготовлено более 100 биограмм поляков. В основу отбора персоналий первоначально был положен критерий участия в освободительном движении и факт ссылки в Сибирь. Позже перечень был дополнен биографиями деятелей науки, образования, культуры, бизнеса и т. д. Статьи-биограммы ИЭС вполне отвечают современному уровню сибирской полонистики. Итак, персоналогия на польско-сибирском материале призвана показать созидательную роль в освоении азиатской России представителей польского народа в содружестве с представителями как титульной нации, так и других этносов, населявших Российскую империю. Этот исторический опыт как замечательный пример польско-российской дружбы и диалога может быть очень востребованным именно сегодня. Сибирь ста-

---

¹⁰ *Biliński P. Moszyńscy. Studium z dziejów łoniewskiej linii rodu w XIX wieku.* Kraków, 2006. S. 100–110 ; *Она же. Образ miasta i mieszkańców Tobolska w pamiętnikach Piotra Moszyńskiego // Polacy w nauce i kulturze Tomskia oraz Syberii Zachodniej.* Wrocław, 2008. S. 297–314.

¹¹ Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1. 315 с. ; Т. 2. 807 с. ; Т. 3. 783 с.

нови́лась новым отечеством для огромного количества поляков, прибывавших туда не только добровольно (для административной службы, научной и культурной деятельности, предпринимательства), но и для определенного процента ссыльных. Обширные территории за Уралом являлись не только краем изгнания, но и краем свободы – они были необычайно привлекательны для поляков как место вложения капиталов, поле для активной жизнедеятельности и социального роста, государственной службы и научных изысканий. Описание и документальное раскрытие этих моментов, положительный исторический опыт, который необходимо донести сегодня до наших народов, поможет цели сближения России и Польши в современном геополитическом пространстве. У наших стран есть общая история, и одна из ее страниц – Сибирь, которая должна предстать в современном историческом сознании как край новых возможностей и жизненной перспективы для представителей польского народа.

Ирина Сергеевна ТРОЯК

кандидат исторических наук, лаборатория
книговедения ГПНТБ СО РАН (Ново-
сибирск)

Польская сибирика XIX в. как феномен книжной культуры: методология и источники

Представлены основные методологические подходы, которые могут применяться при изучении польской сибирики XIX в. в книговедческом аспекте. Дается характеристика ключевых источников по данной теме.

Ключевые слова: польская сибирика, XIX в., книговедческий анализ, методология, методы историко-книговедческого исследования, источники.

Выявление и описание зарубежных публикаций, содержащих сведения о Сибири, совокупность которых принято называть «сибирикой», а также их книговедческий анализ являются весьма актуальной исследовательской задачей. Без преувеличения можно сказать, что в силу исторических обстоятельств, именно польская сибирика XIX в. представляет собой самый многочисленный национальный сегмент данного вида изданий. Причинами, по которым в польском обществе возник интерес к сибирике, были в первую очередь ссылки за Урал участников национально-освободительного движения, которые по возвращении публиковали свои воспоминания и таким образом давали возможность полякам, оказавшимся в разных государствах, узнать о судьбах своих соотечественников. Кроме того, поляки — не только ссыльные, но и добровольно выехавшие в Сибирь, внесли значительный вклад в хозяйственное освоение и научное описание сибирского края, что также нашло отражение в публикациях результатов их деятельности. Изучение польской сибирики XIX в. как феномена книжной культуры не только позволит восполнить пробелы в книговедческих исследованиях,

но и поспособствует введению в научный оборот новых материалов, имеющих отношение к истории региона.

Особенностью историко-книговедческого исследования является то, что содержание произведения как таковое не является предметом изучения. Предметом может являться отдельный экземпляр, издание, серия, издательский репертуар, ассортимент на книжном рынке, книжное собрание. В зависимости от цели и задач конкретного исследования формируется его методология и подбираются методы.

Представляя собой комплексную науку о книге и книжном деле, книговедение использует комплексный методологический аппарат. Когда речь идет об истории книги, тогда применяются те же основные принципы, что и при собственно исторических исследованиях. основополагающим среди них, безусловно, является принцип историзма, который предполагает изучение прошлого с учетом конкретно-исторической обстановки соответствующей эпохи. Следование этому принципу позволяет установить причины зарождения такого феномена, как сибирика, определить его качественные изменения на различных этапах, представить, какие оценки давались ему на том или ином этапе развития.

Другим наиболее часто употребляющимся в социогуманитарном знании является функциональный подход, задающий принципы исследования социокультурных явлений и процессов как системно-организованной структурной целостности, в которой каждый элемент имеет определенное функциональное значение. Данный подход предполагает изучение книги и книжного дела, их общественных функций с точки зрения читателя и удовлетворения его потребностей в книге и чтении. В настоящее время к основным функциям книги относят: коммуникативную, идеологическую, познавательную, информационную, эстетическую, этическую. Применение функционального подхода помогает проследить в какой степени эти функции нашли свое отражение в изданиях польской сибирики XIX в., какое влияние оказали политические и экономические факторы той эпохи на выпуск тех или иных произведений, какие из функций книги в силу исторических обстоятельств выходили на первый план, а какие оставались второстепенными.

Выбор методов, которые применяются при историко-книговедческих исследованиях, определяется предметом исследова-

ния. Среди общеисторических методов, традиционно применяющихся в книговедческих исследованиях, следует упомянуть эвристический метод как систему по разысканию и оценке исторических фактов. Совокупность фактов достигается путем сплошного поиска в источниках и последующей их классификации, группировки, отделения главного от второстепенного, доказательного от вероятного.

Не менее важным является сравнительно-исторический метод. Производя группировку фактов, событий или явлений по наиболее общим признакам, историк выявляет закономерности того или иного процесса. Таким образом, сравнительно-исторический и эвристический методы представляют собой основу для воссоздания истории создания, распространения и функционирования в обществе произведений польской сибиряки, связанных с общим развитием культуры, экономики, техники, промышленности.

Эффективным для истории книги можно считать метод статистических группировок, чаще всего используемый в экономической науке. В данном случае статистическо-математическая обработка количественных показателей позволяет сделать выводы о качестве процесса.

Задачей историко-книговедческого анализа как метода является исследование конкретных изданий. В данном случае изучаются исторические условия возникновения книги как произведения, как издания, как товара, производится датировка и атрибуция издания, изучаются биографические сведения об авторах, редакторах, печатниках, оцениваются не только содержание книги, но и элементы ее формы: шрифт, переплет, владельческие знаки и др.

В российской книговедческой литературе также используется понятие «специальные книговедческие методы» – аналитико-тематический, структурно-типологический, библиографический. Их применение является обоснованным при проведении книговедческих исследований, посвященных польской сибиряке XIX в.

В качестве основного источника по выявлению публикаций, относящихся к польской сибиряке, следует назвать труды польских библиографов. Основоположником польской библиографии принято считать Ежи Самуэля Бандтке, который много сделал для упорядочения фонда библиотеки Краковского Ягеллонского

университета и его каталогизации. Важным сочинением, представляющим собою библиографический перечень всех известных тогда польских печатных изданий и послужившим основой для дальнейшего развития польской библиографии стала «История польской литературы» (Варшава, 1814 г.) Феликса Бентковского. Автором одной из первых польских библиографий XIX в. был Адам Йохер – библиограф, библиотекарь и преподаватель Вильнюсского университета. В конце XIX в. появились первые регулярные национальные библиографические указатели. В 1878 г. Владислав Вислоцкий начал издание ежемесячника «Библиографический путеводитель» («Przewodnik Bibliograficzny»), который с некоторыми перерывами выходил вплоть до 1933 г.

Однако наивысшим достижением польской национальной библиографии стал монументальный многотомный труд Кароля и Станислава Эстрайхеров «Польская библиография», который охватывал польскую литературу от начала книгопечатания до конца XIX в. В настоящее время Исследовательский центр польской библиографии Эстрайхеров продолжает издание «Польской библиографии», насчитывающей уже более 60 томов. Кроме того, Центр занимается подготовкой электронного варианта библиографии Эстрайхера в виде базы данных и предоставляет доступ к ней и к сканированным страницам указателя через Интернет, что дает возможность историкам использовать этот ресурс для выявления необходимых публикаций.

Помимо «универсальных» библиографий особого внимания заслуживают (хотя и не библиографические по своей сути) работы М. Яника, посвященные истории поляков в Сибири: «Польско-сибирская литература» или «История поляков в Сибири»¹. В качестве источника, позволяющего найти сведения об изданиях польской сибиряки в XIX в., можно использовать труды современных российских и польских исследователей – Б. С. Шостаковича, В. Сливовской, А. Кучиньского и др.

Для выявления конкретных фактов истории выпуска, распространения и функционирования в польском обществе XIX в. изданий, относящихся к сибиряке, ключевым источником являются архивные материалы. Прежде всего это фонды издательств,

---

¹ Janik M. Literatura polska syberyjska. Lwów ; Złoczów, 1907 ; Janik M. Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. 472 s.

книготорговых фирм и типографий. Для историка книги интерес представляют также донесения и отчеты типографий, книжных магазинов, публичных библиотек, сохранившиеся в фондах высших государственных учреждений.

Материалы, имеющие отношение к польской сибирике XIX в., можно найти как в российских, так и в польских архивах. Учитывая разделение польских земель между тремя империями, документы, касающиеся книгоиздания и книгораспространения на территории Царства Польского находятся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Варшавы. Материалы, содержащие сведения о выпуске и распространении изданий польской сибирики в прусской и австрийской частях польских земель следует искать в архивах городов – центров польского книгоиздания, где был отмечен выпуск таких произведений, то есть прежде всего в Познани, Кракове и Львове.

Интерес для исследователей польской сибирики XIX в. могут представлять документы о прохождении изданий через цензуру, ввозе и распространении нелегальных изданий из-за границы, так как некоторые из произведений сибирики были запрещены на территории Российской империи, например, «История Забайкальского края» А. Гиллера. Эти материалы находятся в фондах цензурных ведомств. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде 109 – «Третье отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии» имеются документы о борьбе с хранением и распространением нелегальной литературы в Царстве Польском и западных губерниях Российской империи после восстания 1863 г., а также о распространении в России нелегальной и запрещенной литературы, ее ввозе из-за границы; материалы о распространении запрещенных изданий, наблюдении за книжными магазинами и типографиями (1825–1878 гг.): агентурные донесения, материалы наблюдения за ходом книжной торговли, владельцами типографий, сведения о лицах, намеревавшихся открыть читальни, книжные магазины и типографии².

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) при изучении польской сибирики может быть полезен фонд Главного управления цензуры Министерства народного

---

² Государственный архив Российской Федерации. Электронные описи. URL: <http://www.statearchive.ru/383> (дата обращения: 20.04.2013 г.).

просвещения (Ф. 772), в котором имеются дела о разрешении и запрещении изданий; рассмотрении книг, рукописей, периодических изданий и отдельных статей для них; рассмотрении заграничных изданий; цензурных репрессиях; цензорах, редакторах и издателях³. Фонд 776 «Главного управления по делам печати МВД», которое наряду с другими функциями вело дела по иностранной цензуре, содержит отчеты по главному управлению; дела о рассмотрении книг и рукописей, разрешении и запрещении рукописей к печати и распространении книг, аресте изданий, запрещении их переиздания; о рассмотрении заграничных изданий; редакторах и издателях; дела о книгах и газетах по округам Варшавской и Виленской судебных палат⁴. В фонде 774 – «Совет Министра внутренних дел по делам книгопечатания» – имеются материалы о цензуре в Царстве Польском⁵.

Центральный Комитет цензуры иностранной при Главном управлении по делам печати МВД осуществлял цензуру иностранных книг, ведал запрещением и разрешением иностранных книг; рассматривал и пропускал книги, привозившиеся на имя дипломатических особ, а также издания, выписывавшиеся университетами, академиями и другими научными учреждениями. Фонд 779 этого ведомства содержит отчеты комитета; дела о рассмотрении иностранных изданий, в том числе изданных за границей, журналы заседаний комитета; рапорты цензоров Центрального комитета, цензуры при Министерстве полиции, Варшавского и Виленского цензурных комитетов о рассмотренных произведениях⁶.

В Варшаве документы, относящиеся к истории книжного дела Царства Польского находятся в Главном архиве древних актов в фондах Канцелярии варшавского генерал-губернатора, Варшавского цензурного комитета.

---

³ Российский государственный исторический архив. Фонды. URL: <http://fgurgia.ru/showObject.do?object=27611921> (дата обращения: 20.04.2013).

⁴ Там же. URL: <http://fgurgia.ru/showObject.do?object=27611957> (дата обращения: 20.04.2013 г.).

⁵ Там же URL: <http://fgurgia.ru/showObject.do?object=27611939> (дата обращения: 20.04.2013 г.).

⁶ Там же URL: <http://fgurgia.ru/showObject.do?object=27611984> (дата обращения: 20.04.2013 г.).

Важным источником, позволяющим составить представление об общественном мнении в отношении изданий польской сибиряки, являются периодические издания. В газетах и журналах можно найти не только характеристики выпускаемых книг, рецензии на них, но и отзывы о работе издательств, о книжном рынке в целом. Ценным материалом для исследователя истории книги служит книжная реклама, письма читателей. В XIX в. специализированными изданиями, в которых систематически публиковалась информация о книгах в Российской империи, были журналы «Книжный вестник» и «Книжник», в Царстве Польском – вышеупомянутый «Библиографический путеводитель».

Следующим источником, который необходимо привлечь для работы над рассматриваемой темой являются мемуары. В данном случае особый интерес представляют воспоминания, деловые записки, дневники знаменитых издателей, цензоров, библиотекарей, библиографов и других деятелей книги. Мемуары общего характера также могут содержать отдельные полезные сведения о польской сибиряки XIX в. К сожалению, мемуары по истории книги как в России, так и в Польше весьма немногочисленны. Кроме того, до сих пор не создано сводной библиографии данного вида источников.

Нельзя обойти вниманием и такой важный источник, как статистика печати, которая включает в себя количественные показатели книгопроизводства. Используя данные библиографических указателей, можно подсчитать примерное число изданий сибиряки, опубликованных в XIX в., проследить динамику выпуска произведений, посвященных Сибири. Сопоставление этих данных с общим числом опубликованных книг и брошюр позволит представить долю изданий сибиряки в общем выпуске книжной продукции на польском языке.

Одной из особенностей книговедческих исследований является то обстоятельство, что изучаемые книги, то есть сами издания, которые представляют собой предмет исследования, считаются одновременно и историческими источниками. Известный польский историк книги К. Мигонь предлагает следующим образом группировать факты, отражающиеся в историко-книжных источниках: появление новых элементов в содержании книги, появление новых элементов в форме книги, из-

менение в технике книжного производства, изменение в организации книжного производства, изменение в организации распространения книги, общественные явления, процессы, определяющие рост или спад интереса к книге⁷.

При изучение польской сибирики XIX в. как феномена книжной культуры в первую очередь следует выбирать те методы исторического исследования, которые наиболее полно позволят раскрыть сущность предмета, а привлечение широкого круга источников даст возможность проанализировать произведения польской сибирики не только в книговедческом, но в историческом аспекте.

---

⁷ *Мигонь К.* Проблемы исторического книговедения // Проблемы общей теории книговедения. М., 1978. С. 81.

доктор **Анджей НЕУВАЖНЫЙ**
Академия гуманитарных наук им. А. Гейш-
тора (Пултуск), Университет им. Н. Ко-
перника (Торунь)

Польские военнопленные в Сибири 1812–1815 гг.

Статья посвящена судьбам польских офицеров и солдат армии Наполеона, воевавших в России, попавших в плен в 1812 г. и впоследствии включенных в российскую армию в Сибири. Проанализирована степень изученности данной темы российскими и польскими историками, дан обзор источников.

Ключевые слова: Наполеоновские войны, 1812 г., военнопленные, русская армия, поляки в Сибири, сибирское казачество.

«Все еще слишком мало мы знаем о судьбе пленных 1812 г. и репрессиях, которым их подвергли российские власти», – вздохнула почти 15 лет назад Виктория Сливовская – известнейшая исследовательница истории поляков в России¹. Действительно, насколько много существует литературы по истории политических ссыльных, настолько судьба польских военнопленных времен Александра I долгое время оставалась едва ли не «белым пятном». Даже в сборниках «Сибирь в истории и культуре польского народа» (Вроцлав, 1998)², «Поляки в Грузии» (Льблин, 2002)³ или в журнале «Независимость и память»⁴

© Неуважный А., 2013.

¹ *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku : słow. Biogr. Warszawa, 1998. 835 s.

² *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / pod red. A. Kuczyńskiego ; Uniw. Wrocławski, Ośrodek Badań Wsch. i Katedra Etnologii, Wyższe Seminarium Duchowne Księży Salwatorianów, Stow. «Wspólnota PRZ».* Wrocław : Wyd. Silesia Dolnośląsk. T-wa Społecz.-Kultural., 1998. 567 s.

³ *Polacy w Gruzji / pod red. E. Walewandra.* Lublin: T-wo Nauk. Katolick. Uniw. Lubelsk., 2002. 403 s.

⁴ *Polacy na Wschodzie // Niepodległość i Pamięć.* 1998. № 11. [Блок статей в каждом номере редакция посвящает одной теме. Данный номер носит название «Поляки на Востоке». – Прим. пер.].

мало что можно найти о тысячах людей, отправленных в 1813–1814 гг. на Кавказ и в Сибирь. Практически ничего нет о них и в работе по истории польских военнопленных в России М. Велички⁵, а написавший о поляках, сосланных на Кавказ, Г. Пивницкий посвятил наполеоновским пленным лишь несколько упоминаний⁶. В течение 80 лет единственным важнейшим текстом была статья Г. Мощицкого, подготовленная в 1923 г. на основе немногочисленных изданий источников и научных работ⁷. Поверхностно затронул вопрос польских пленных 1812–1813 гг. и М. Яник, автор известной работы «История поляков в Сибири»⁸. В дальнейшем, и почти до начала XXI в., судьба более десяти тысяч польских офицеров и солдат армии Наполеона характеризовалась общими фразами и приблизительными числами.

Подобное состояние исследований не удивляет, так как большинство документов находится в России и до начала 1990-х гг. они были мало доступны для польских ученых. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве имеются распоряжения центральных властей (гражданских и военных), рапорты командующих из Сибири и Кавказа, документация об эвакуации поляков из России в 1814–1816 гг. Официальную статистику, в том числе рапорты из губерний 1813 г., можно найти в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) имеется немного документов 1813–1820 гг. по делам военнопленных. Немногочисленные полицейские материалы находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Из провинциальных архивов удалось познакомиться с документами Исторического архива Омской области (ИсАОО), среди которых есть списки поляков, включенных в войска на Сибирской линии (главным образом в казачьи полки), и даже несколько сот послужных списков.

Печатные источники по истории польских пленных в России весьма немногочисленны: известны всего лишь четыре

---

⁵ *Wieliczko M.* Jenieństwo wojenne Polaków w Rosji w latach 1503–1918: określanie problemu. Lublin, 1998. 312 s.

⁶ *Piwnicki G.* Polacy wojskowi i zesłańcy w carskiej armii na Kaukazie w XIX i na początku XX wieku. Toruń, 2001. S. 183, 192.

⁷ *Mościcki H.* Polacy w niewoli rosyjskiej w r. 1812 // Pod znakiem orła i pogoni : szkice hist. Lwów ; Warszawa, 1923. S. 105–109, 223–225.

⁸ *Janik M.* Dzieje Polaków na Syberii. Kraków, 1928. S. 89–93.

дневника, а также несколько заметок. Из них только изданный в 1961 г. дневник Мельхиора Витковского, унтер-офицера 7-го пехотного полка (полк пошел в Россию после почти трех лет в Испании, но он сам попал в него только в 1812 г.), рассказывает о неволе в Сибири. Остальные, написанные офицерами, касаются центральной России или Кавказа. Витковский попал в плен под конец кампании, после битвы под Чашниками. На нескольких страницах он описал путь в Сибирь, судьбу солдат, сосланных в Омск и на Сибирскую линию, а также обратную дорогу домой⁹.

Только недавно судьба польских пленных 1812–1813 гг. перестала быть «белым пятном». Российские историки, в первую очередь В. А. Бессонов, Б. П. Миловидов и С. Н. Хомченко, провели исследования о пленных Великой армии Наполеона, в том числе и о поляках. Их новаторские статьи касаются всей совокупности этой проблематики, а также отдельных губерний или регионов. Эти работы, опубликованные в материалах конференций, частично представлены на сайте «Военнопленные в эпоху Наполеоновских войн»¹⁰.

Хотя в Сибирь попала только малая часть из 11,5 тыс. польских пленных, которые еще были живы весной 1814 г., о них известно больше всего благодаря основанной на московских источниках статье Б. П. Миловидова¹¹, а также работам В. С. Сулимова¹²,

---

⁹ *Witkowski M.* Pamiętnik prostego żołnierza z lat 1812–1816 // Pamiętniki z lat 1792–1849. Wrocław, 1961. S. 42–66.

¹⁰ Военнопленные в эпоху Наполеоновских войн. URL: <http://adjutant.ru/captive/index.htm> (дата обращения: 19.03.2013).

¹¹ *Бессонов В. А., Миловидов Б. П.* Военнопленные поляки в России. 1812–1814. // Эпоха 1812 г.: Исследования. Источники. Историография. М., 2008. Вып. 7. С. 134–189 ; *Миловидов Б. П.* Военнопленные поляки в Сибири в 1813–1814 гг. // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XV Междунар. науч. конф. (Бородино, 9–11 сент. 2008 г.). Можайск, 2009. С. 325–359.

¹² *Сулимов В. С.* Подготовительный этап отправки в Сибирь пленных поляков в 1813 г. // Путь в Сибирь : электрон. б-ка. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/materialy-iv-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi/Sulimov-V.-S.-Podgotovitelnyi-etap-otpravki-v-1> (дата обращения: 19.03.2013). Расширенный вариант этой же статьи см. в: Польская армия Наполеона в Тобольской губернии. Тобольск, 2007. 90 с.

С. А. Мулиной¹³ и А. А. Магерамова¹⁴, использовавших локальные архивы и «сибирскую» литературу. В двух последних статьях рассматриваются различные (в том числе культурные) аспекты включения поляков в сибирское казачье войско. Частично переведенная на польский язык статья А. А. Магерамова содержит список польских «казаков» из омского архива, к сожалению, с многочисленными ошибками. В какой-то мере их исправит готовящийся к печати в 2013 г. биографический словарь «Поляки в Западной Сибири. Последняя треть XVIII – первая треть XIX в.», который будет содержать 265 фамилий барских конфедератов, около 500 наполеоновских солдат и около 400 фамилий повстанцев 1831 г. Список пленных поместил также вышеупомянутый В. С. Сулимов в своей работе «Польская армия Наполеона в Тобольской губернии»¹⁵.

Определенным интересом исследователей пользовался один из эпизодов польско-сибирской эпопеи, так называемый «томский список»: подпольная организация из нескольких десятков солдат, планировавших, при участии сосланного в Томск за подделку ассигнаций Марчина (Мартына) Вонсовича, захват оружия и власти в гарнизонном городке весной 1814 г. Всего было обвинено 40 человек, а судебный процесс состоялся три года спустя. Первой работой, посвященной этим событиям, стала статья 1912 г., подписанная «К. К-шов»¹⁶, одной из последних (2009 г.) – вышеупомянутый текст Б. П. Миловидова¹⁷, который дополнил работу предшественника документами РГВИА.

---

¹³ Мулина С. А. Польские военнопленные на службе в сибирском казачьем войске // Омский государственный университет. Международная деятельность. Центр польской истории, языка и культуры. URL: <http://www.omgau.ru/tsentr-polskoy-istorii-yazyika-i-kulturyi/voenoplennyie-polyaki.html> (дата обращения: 19.03.2013).

¹⁴ Магерамов А. А. Военнопленные «Великой армии» на службе в Сибирском линейном казачьем войске // ArtOfWar. Творчество ветеранов последних войн : сайт им. В. Григорьева. URL: http://artofwar.ru/m/maa/text_0140.shtml (дата обращения: 19.03.2013).

¹⁵ Мулина С. А., Крих А. А. Поляки в Западной Сибири. Последняя треть XVIII – первая треть XIX веков : биограф. слов. Омск, 2013 (в печати).

¹⁶ К-шов К. Томский заговор // Ист. вестн. 1912. № 8. С. 643–644.

¹⁷ Миловидов Б. П. Военнопленные поляки в Сибири... С. 325–359.

Р. В. Оплаканская в своей публикации обобщила польские статьи по данной теме и содержание дела из фондов ИсАОО¹⁸.

К польским и литовским пленным 1812–1814 гг. относились иначе, чем к другим военным наполеоновской армии. Польских офицеров чаще всего ссылали на свободное поселение под надзор властей в европейские губернии, и только некоторым, как бунтовщикам или предателям (литовцам) ухудшали условия неволи, но унтер-офицеров и солдат трактовали особенно. Им не разрешалось, в отличие, например, от французов или немцев искать гражданских занятий в соответствии с профессией, а с лета 1813 г. они были принуждены к военной службе, предпринимались попытки также заставить их принять верноподданническую присягу.

В подписанном царем протоколе заседания Финансового кабинета от 21 декабря [9 декабря по старому стилю] 1812 г.¹⁹ уже находилось указание пополнения польскими пленными полков на Кавказской линии, в Грузии и на Сибирской линии. Обоснованием этому была, кроме символического характера решения, экономия: в качестве солдат они меньше стоили российской казне, а замененных ими рекрутов можно было отправить на борьбу с Наполеоном. Ссылались на прецедент, что Екатерине II служили взятые в плен барские конфедераты. Следует помнить, что практика включения военнопленных в собственные ряды (например, Польские легионы в Италии или Северные легионы в армии Наполеона) была в Европе достаточно распространенной.

Сколько поляков попало в плен в 1812 г., мы никогда не узнаем. Сохранившиеся в Санкт-Петербурге рапорты из 44 губерний (не хватает только Гродненской и Тернопольской областей) касаются начала 1813 г., когда многие раненые или больные пленные уже умерли. Умирили еще на Березине или в Вильно, а потом во время перехода на восток. И необязательно по причине плохого отношения, а больше из-за истощения, простуды и болезней. Вышеупомянутые губернские списки

---

¹⁸ *Opłakańska R.* Historia pewnego spisku (o próbie polskich zesańców wzniecenia powstania na Syberii w 1814 r.) // Wrocławskie Studia Wsch. 2000. № 4. S. 12–17.

¹⁹ Все даты в статье приводятся по новому стилю.

насчитывают 9575 польских пленнх и дезертиров²⁰. Они появились в европейской части России, когда их путь в Западную Сибирь или на Кавказ был приостановлен, в том числе из-за боязни распространения болезней (в 1813 г. вспыхнула эпидемия тифа). Однако вскоре поляки смогли двинуться дальше, направляясь в сибирский Ишим или (большинство) в Георгиевск. Направления диктовала география и распределение сил: на Сибирскую линию могли попасть пленные из Виленской, Витебской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской, Псковской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Тверской, Московской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Казанской, Вятской и Пермской губерний. Гражданские власти других губерний должны были выслать поляков на Кавказскую линию – в Георгиевск. Там их распределяли по войсковым подразделениям или отправляли в Грузию²¹.

Уже 25 марта 1813 г. инспектор Сибирского надзора, а кроме того, командир 29-й дивизии (вскоре переименованной в 30-ю), которому подчинялись войска от Тобольска до Камчатки, генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап уведомлял военного министра князя Горчакова о подготовке к принятию польских пленнх, задержанных в 18 губерниях. По крайней мере половину из них он планировал включить в десять полков сибирских казаков, которые, разбросанные на большой территории, были значительно ослаблены. Солдаты Наполеона таким образом должны были повторить судьбы барских конфедератов. Поскольку из-за страха перед болезнями движение военнопленнх на восток было приостановлено, 15 мая Г. И. Глазенап подтверждал только готовность их принять. Он также добавлял, что, если под его командование попадут польские офицеры, то они будут разделены по сибирским воинским подразделениям²².

Как свидетельствует корреспонденция генерала с гражданским губернатором Тобольской губернии Францем фон Брином, особенные приготовления были предприняты в городе Ишиме, который был последним пунктом конвоируемых, идущих на

---

²⁰ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 656. Ч. 1 ; Д. 656. Ч. 2 ; Д. 657.

²¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2660. Л. 24.

²² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 35, 87–88 об.

Сибирскую линию. Там, под надзором плац-майора Шевнина, поляки должны были быть распределены по полкам и батальонам. Судя по документам омского архива (к сожалению, содержащих не слишком много информации о полках сибирских казаков), первые конвой дошли до Ишима и Омска во второй половине июля 1813 г., а последние – весной следующего года. Несмотря на все более суровый климат, поход проходил в приемлемых условиях; питание, обмундирование и обувь для пленных за счет казны были обязаны поставлять гражданские власти губерний, через которые шли конвой. Они также отвечали за госпитализацию больных и их позднейшую отправку на место назначения, когда пленные переходили к военным властям. Распоряжением из Петербурга идущим через Россию иностранцам было выделено денежное довольствие (выдаваемое раз в неделю): от 3 рублей в сутки для генералов до 50 копеек для низших офицеров и 5 копеек для унтер-офицеров и рядовых²³.

До начала октября 1813 г. в Ишим прибыло в разных партиях 25 офицеров и 949 солдат. Офицеров, явно между собой сдружившихся, Г. И. Глазенап разослал поодиночке по всей Сибирской линии. 425 человек, служивших в польской кавалерии, он распределил по десяти казацким полкам, которые, по его мнению, по дисциплине и искусству маневра далеко опережали российские конные полки. 498 солдат, служивших в пехоте, были включены в подразделения 30-й дивизии. Остальные, после отбора 20 раненых, пожилые и непригодные к службе, были отправлены в роту инвалидов. Таким образом, в Ишиме осталось пятеро поляков, из которых один умер в местном госпитале²⁴.

Конвоями руководили чаще всего офицеры запаса или ополчения. М. Витковский утверждал, что после жалобы пленных на руководящего офицера, тот за злоупотребления был арестован комендантом участка в Ишиме. Согласно автору воспоминаний, польских офицеров отделяли от солдат и посылали в Тобольск, а партию рядовых с несколькими унтер-офицерами, направили в Омск. Только там, под надзором Г. И. Глазенапа, их делили по специальности: «наших поляков из кавалерии определяли в казаки, пехоту – в пехотные полки».

---

²³ Сулимов В. С. Подготовительный этап... ; даты прибытия и описания отдельных партий: ИсАОО. Ф. 67. Д. 44.

²⁴ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2985. Л. 1–2.

М. Витковский попал с пятнадцатью товарищами в омский фортификационный полк, остальные пехотинцы были отправлены в отдаленные, порой до 200 км, Петропавловск, Ишим или Железинку²⁵.

Рапорт Г. И. Глазенапа министру Горчакову от 27 декабря 1813 г. позволяет сориентироваться в распределении польских военных по подразделениям. До дня отправки рапорта в Сибирь прибыло 2005 поляков, которые были распределены следующим образом:

Тобольский полк, 1-й батальон – 151
Тобольский полк, 2-й батальон – 72
Омский полк – 182
Петровский батальон – 174
Железинский батальон – 177
Семипалатинский батальон – 158
Томский батальон – 158
Бийский батальон – 148
В роты инвалидов – 46
Санитар – 1
В конную артиллерию – 61
В 10 полков Сибирского казачьего войска – 645
В резерв – 27
Больных в Ишиме – 3
Умер – 1
В Омске под следствием – 1
*Итого: 2005*²⁶

Это распределение не было окончательным, очередные партии военнопленных – более 450 человек – стягивались еще от января до марта 1814 г. Последнее свидетельство, находящееся в омском архиве, датировано 24 июня и гласит, что 81 человек отправлен в Бийский батальон. Пока еще нам не удалось найти позднейших известий²⁷.

Прибытие 2,5 тыс. уставших после похода, но знакомых с войной польских солдат, вынуждало Г. И. Глазенапа обдумать правила безопасности. Одним из первых было разделение офицеров, которых подозревали «по долгу службы» в солидар-

---

²⁵ *Witkowski M. Pamiętnik...* S. 54–55.

²⁶ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 258.

²⁷ ИсаОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 125.

ности и бунтовском духе. Отдельные офицеры попадали на передовые укрепления Сибирской линии и под особый надзор комендантов. В отправленном 24 октября 1813 г. в канцелярию Сибирского казачьего войска списке 426 ожидаемых в Ишиме поляков (только бывших кавалеристов) генерал перечислил принципы обращения с унтер-офицерами и рядовыми. На службу в редуты, создававшиеся на Сибирской линии, надлежало определить небольшие, легко контролируемые партии поляков. Им запрещалась частная корреспонденция, позволено было только официально подавать открытые письма, которые канцелярия Глазенапа могла отправить в Петербург. Польский контингент необходимо было интенсивно готовить к конной и пешей службе, приучать к дисциплине и учить уважению к вышестоящим. Однако в бытовом отношении (обмундирование, жалованье, фураж для лошадей) к ним следовало относиться как к казакам²⁸.

С приходом нескольких сот поляков маленький Ишим трещал по швам. В начале сентября 1813 г. гражданскую администрацию пугало численное преимущество военнопленных над местными, а также конвоем, что могло побуждать к бунту. Некоторые поляки уже грозили якобы фатальной для города разрухой. Из Петербурга стали приходить приказы рассредоточения пленных по близлежащим деревням, ускорения процедур определения и усиления надзора. Неправдой оказались донесения о «польских беспорядках». В самом Ишиме поляки поддерживали дисциплину, а в деревнях их холили и лелеяли в ответ на помощь в полевых работах. «Беспорядки», как выяснилось после расследования Г. И. Глазенапа, были затеей гражданских властей, которые, рассчитывая, вероятно, на удаление пленных из города, разжигали пьяные драки.

Проблемы все-таки начались в сентябре, когда часть поляков отказалась от принудительной службы и выезда из Ишима. По оценке генерала снова подвела гражданская администрация – городничий и земский исправник. Получив от тобольского губернатора общие указания по принятию пленными российского подданства и начала работы на государственных или частных фабриках, они игнорировали тот факт, что подобные указания не касаются иностранцев, включенных в войско.

---

²⁸ ИсАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Т. 1. Л. 13–14.

Принимая присягу от гусара Яна Съвидерского, они спровоцировали его заявление, что он останется в Ишиме. По его пути хотели пойти и другие. Прибывший в город 9 октября отряд из 350 казаков встретился, однако, с сопротивлением только 6 поляков, в которых «волновался еще дух свободы от военной службы». Конфликт был легко предотвращен, гусар Съвидерский стал казаком 1-го полка. Однако 23 октября 1813 г. Г. И. Глазенап постановил, что с тех пор в Ишиме будет проходить (без постоя) только прием пленных от гражданских властей. Лишь после достижения Омска наступит распределение по подразделениям. Таким образом, подтверждается воспоминание М. Витковского, который прибыл в Омскую крепость уже зимой, вероятно, в начале декабря²⁹.

Принудительно включенных в войско польских солдат должна была усмирить дополнительно требуемая от них присяга «на вечное подчинение России». Г. И. Глазенап рекомендовал офицерам оказывать давление на подвластных, а одним из аргументов должна была быть зависимость разрешения на брак от принятия присяги. Нажим на уставших от войны, подавленных неволей и включением во вражескую армию солдат постепенно приносил результаты. 6 ноября генерал докладывал военному министру о присяге 115 поляков из Тобольского гарнизонного полка, командир которого, полковник Наревский «успел их благоразумными мерами склонить до вступления на вечное России подданство». 24 ноября 1813 г. желание принять присягу подтвердили 34 поляка, а в конце декабря генерал рапортовал министру о 128 случаях в течение месяца. Неоднократно на акте «за просителей, что не знают грамоты, руку приложил» кто-нибудь из умеющих писать коллег, часто унтер-офицер. Встречаются также подписи «знаком Святого Креста»³⁰.

Офицеры присягали нерегулярно. Кроме упоминаемого Г. И. Глазенапом «поручика адъютанта, барона Бема» (по мнению Гембажевского, поручик Эмануэль Бем погиб под Бородино) наверняка реальной фигурой был подпоручик 13-го гусарского полка Михал Бронк. Позиция немногочисленных офицеров не

---

²⁹ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2295. Л. 1–6 ; Д. 2985. Л. 4–4 об., 8 ; *Witkowski M. Pamiętnik...* S. 55.

³⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2658. Л. 247 ; Д. 2660. Л. 260 ; ИсаОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 48. Т. 4. Л. 572.

должна была быть примером для простого солдата. Г. И. Глазенап поэтому рассчитывал на привлечение унтер-офицеров. В плену их были десятки, многие, как заметили россияне, происходили из дворянства. Без присяги они служили как рядовые, поэтому по службе демонстративно продвигали тех, кто ее принял. В омских актах есть несколько таких случаев, в том числе унтер-офицеров назначенных, например, казачьими сотниками. М. Витковский вспоминает сержанта, которого в награду повысили до российского унтер-офицера, что означало лучшее жалование и квартиру. Сам автор якобы сопротивлялся давлению. При этом забыл о тщательности регистрационных записей (что подтверждают омские архивные материалы), которые указывают на намерение долгого, если не окончательного, удерживания поляков в российской армии. По словам мемуариста, пленных с самого начала приучали к мысли о невозвращении из России «если так далеко зашли»³¹.

Министерский рапорт от 2 июня 1814 г., составленный незадолго перед окончательным приказом об освобождении поляков, отмечает 698 (а может быть 710, судя по приписке чиновника) случаев присяги в 30-й дивизии. И еще июньские рапорты добавляли очередные десятки людей. На вечное подданство России, таким образом, согласился каждый четвертый из польских подопечных Г. И. Глазенапа. Можно дискутировать, много ли это в тех условиях или нет. Однако следует помнить, что смена подданства (обычно после взятия в плен) тогда не шокировала, а послужные списки не одного польского казака свидетельствуют о его австрийском или прусском прошлом. Большинство включенных силой не дали тем не менее себя сломить, а некоторые протестовали против принуждения. В Петербург шли донесения, что поляки готовят побеги к киргизам, отказываются от упражнений и принятия амуниции, говорят, что в цивилизованных странах не вынуждают военнопленных к службе. Мы уже вспоминали о заговоре в Томске, зато в Тобольске в мае 1814 г. открыто отказались поступать на российскую службу 99 пленных, которыми руководил капрал Надвислинского региона Войчеховский. Большинство, по правде говоря, поддавалось давлению и угрозам Г. И. Глазенапа, который с удовлетворением докладывал в Петербург об их покаянии и «просьбе простить вину»;

---

³¹ *Gembarzewski B.* Wojsko Polskie. Księstwo Warszawskie 1807 – 1814, Warszawa 1905, С. II ; РГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2958. Л. 1 об. ; *Witkowski M.* Pamiętnik... S. 56–57, 61.

но все-таки 14 рядовых отказались. Их приговорили, после попыток «сломить» и битья, к наказанию розгами. М. Витковский в подробностях описал экзекуцию, произведенную в Омске над тобольскими «бунтовщиками», утверждая, что умерло 8 поляков, пропущенных через шеренгу. На счастье, в далекой Европе царь принял уже решение об освобождении польских пленных и уцелевших бунтовщиков позже присоединили к солдатам, управляемым на Родину³².

Полякам досаждали бытовые условия, особенно зима. Появилась цинга: «... эта болезнь много наших братьев вогнала в землю. У некоторых изуродовало ноги, каждую ночь умирали», – писал М. Витковский, признавая при этом, что россияне «имеют лазареты поддерживаемые в порядке, а именно рубахи каждую субботу меняют и одеяла имеют из серого сукна, подшитые белыми простынями. Кроме того каждую субботу мы ходили в баню мыться». Автор мемуаров вспоминал также о регулярных визитах в омский лазарет генерала Г. И. Глазенапа. В его воспоминаниях просматриваются укоренившиеся в российской армии обычаи: битье и обворовывание рекрутов, а также дедовщина – применение насилия старших по званию по отношению к младшим. Эти явления касались в основном самих россиян, хотя в меньших отрядах, за спиной высшего командования, доставалось и полякам. Г. И. Глазенап старался, однако, ограничивать самоуправство по отношению к военнопленным, приказывая, в частности, сообщать о наложенных на них наказаниях. Преследования если и случались, касались только рядовых и, скорее, пехотинцев. Хороших кавалеристов, конных артиллеристов и музыкантов россияне ценили. Последних не хватало больше всего. М. Витковский вспоминает, что были отобраны, а затем обучены игре на духовых инструментах самые способные поляки. Впрочем, из уже умеющих играть солдат (главным образом конных горнистов) в Омске был организован оркестр, скрашивающий жизнь местным жителям. Польские музыканты также учили казачьих трубачей. В тогдашней войске трубач или барабанщик был аналогом появившегося в будущем связиста³³.

---

³² РГВИА. Ф. 1. оп. 1. В. 2660. Л. 260 ; Ф. ВУА (Военно-ученый архив). Д. 542. Л. 8, 43–43 об. ; *Witkowski M. Pamiętnik...* S. 59–60.

³³ *Witkowski M. Pamiętnik...* S. 58–61 ; *Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Kraków 2007. S. 75.*

Отношения с россиянами не всегда складывались по схеме – преследователь-преследуемый. У поляков, служивших вне малых гарнизонов, например, в казачьем войске, появлялся интерес к службе, а те, к которым было хорошее отношение (может, даже лучшее, чем в родной армии), привыкали к новой жизни. Это примиряло их с мыслью о том, что они останутся в России, и склоняло к принятию присяги; до середины марта 1814 г. в 4-м полку сибирских казаков от нее отказались только двое из девяноста поляков. Появились также связи с местными женщинами. Имели значение и другие факторы, например: россияне искушали горнистов хорошими условиями, которых им не хватало. Индивидуальный опыт влиял на решение многих солдат остаться в Сибири³⁴.

После неофициального решения царя об освобождении польских пленных, споры петербургских ведомств об организации и стоимости репатриации продолжались до конца июня 1814 г. Не ясным был, например, статус солдат, принявших присягу. И именно в период, когда уже доходили слухи об освобождении (циркуляром от 18 апреля офицеры были освобождены раньше рядовых), а решения не было, начались два процесса: томский и тобольский. Комментируя первый из них, Г. И. Глазенап напомнил в Петербурге о случаях в Ишиме и о том, как гражданские власти сеяли ложную надежду среди поляков. По его мнению, отдаленным следствием бездумного поведения гражданских властей было ожесточение части пленных. Эти замечания вписываются в постоянный конфликт между генералом и гражданскими властями губернии. В тобольском деле дополнительной искрой должно было стать появление в городе уже освобожденных из плена польских офицеров. Г. И. Глазенап запретил пускать в Омск спешащих в Тюмень офицеров, чтобы воспрепятствовать их контакту со все еще находящимися на службе рядовыми³⁵.

В мае 1814 г. в России находилось польских офицеров и солдат 11 421, из них в Грузии было 8963, а из них – 851 в регулярных подразделениях; 5938 на Кавказской линии и в казачьих войсках, 2174 в ведении войсковой инженерии и работавших на строительстве укреплений по берегам р. Терек. В Сибири

---

³⁴ ИсАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 44. Т. 2. Л. 216.

³⁵ *Миловидов Б. П.* Военнопленные поляки в Сибири... С. 348–352.

насчитывалось 2458 польских военных, но 4 августа Г. И. Глазенап в письме Горчакову уточнил собственные подсчеты. Подавая количество 2459 прибывших под его командование поляков, он констатировал убыток «по разным причинам» 71 человека; таким образом, зарегистрировано оказалось 2388. Потеря польских солдат создавала ему проблему пополнения батальонов и полков 30-й дивизии: после вычета разных особых приключений, ей не хватало 1635 солдат. Заменить их должны были рекруты, собранные в Казани³⁶.

Первые партии (примерно по 250 человек) должны были выйти из Сибири в августе. Помня о проблемах в Ишиме, тобольский гражданский губернатор, без консультации с Г. И. Глазенапом, установил в качестве сборного пункта находящуюся в два раза дальше от Омска Тюмень. Далее маршрут вел в Екатеринбург и Пермь. В середине августа еще продолжался спор и переписка в треугольнике Тобольск – Омск – Петербург в отношении расходов на питание для поляков по дороге до сборного пункта. Военные хотели переложить расходы на гражданские власти, которые отвечали за движение пленных на территории империи. Те же указывали, что до момента принятия военных конвоями в Тюмени, за питание отвечает военный департамент провианта³⁷.

В соответствии с рекомендациями из Петербурга, перед выстушением пленным за счет казны была заменена форма (казацкие полки одевали войско самостоятельно). Им были оставлены сапоги, брюки, рубашки и фуражки, зато шинели – для экономии – старались заменить на рекрутские, порванные, «а если таких не будет, то на солдатские, но утратившие прочность». На практике интенданты по-разному собирали поляков в дорогу. «Дали нам мундиры рекрутские из сукна кофейного цвета, и такие же брюки. Это сукно, похоже, для Бернардинских монахов и такое же толстое», – жалел зеленого мундира пехотинца М. Витковский. Рядовым выплачивалось по 5 копеек на день пути, а высшим по званию, соответственно, большие суммы³⁸.

Не много известно о процедурах освобождения из полков, а также о том, как поступали с поляками, которые хотели в них остаться. Наверняка можно сказать, что освобождали также

---

³⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 5–5 об., 81.

³⁷ Там же. Л. 77–80.

³⁸ Там же. Л. 63–64 ; *Witkowski M. Pamiętnik...* S. 58–61.

и тех, кто принял присягу. Если верить М. Витковскому, она поделила солдат, поскольку возвращающиеся домой «присягнувшие» «были всегда ненавидимыми в отличие от тех, которые не присягнули». Перед освобождением солдатам предлагали условия, которые полагались давно, например, французам: возможность остаться в России на выбранной специальности или в качестве крестьянина-колониста. Несколько поляков осталось в статусе мещан в Ишиме, в январе 1816 г. они обратились с прошением принять их в казачье войско³⁹.

Индивидуальных решений о невозвращении должно было быть много; по данным С. А. Мулиной, еще в 1823 г. в Сибири служили 127 польских казаков, то есть в действительности, только 5 % всех пригнанных пленных, но по крайней мере 20 % включенных в Сибирское казачье войско. Как считает С. А. Мулина, в Сибири почти не было других поляков, поскольку всех бывших наполеоновских солдат насчитывалось 142. Видно, что опыт пребывания в других, неказацких отрядах (например, пехоте) не склонил пленных к постоянной смене службы. После 1815 г., вероятно, после вмешательства семей, прусские и австрийские власти разыскивали некоторых из них. Так, в январе 1817 г. Г. И. Глазенап должен был составить рапорт о бывших прусских, мекленбургских и гессенских подданных в своей дивизии и объявить им, что, несмотря на предыдущие заявления, у них есть право вернуться на родину, а оставаться на российской службе будет означать нарушение этого права. Сохранились документы по делу двух «пруссских подданных» – родившегося в Тшемешно Анджея Вита и происходящего из Грудзэндза Анджея Квятковского. Канцелярия линейного Сибирского казачьего войска признавала, что, хотя после 1815 г. Квятковский – трубач атаманского полка – формально остался прусским подданным, в действительности он является поляком. Кроме того, он женился (как и подавляющее большинство польских казаков), а кроме того необходим для службы. Таким образом, делался вывод о том, чтобы оставить его в полку⁴⁰.

---

³⁹ *Witkowski M.* Pamiętnik... S. 60, 62 ; о поляках в Ишиме: ИсаОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.

⁴⁰ *Мулина С. А.* Польские военнопленные... ; ИсаОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 24. Л. 18–18 об., 123 ; Квятковский был одним из оставшихся в Ишиме в 1814 г. и впоследствии принятых в казачье войско.

По исследованиям С. А. Мулиной, с середины 1820-х гг. Сибирь по различным причинам покинуло еще более десяти польских казаков, некоторые вместе с сибирскими женами. Случалось также, что отсутствие позволения на вывоз детей вынуждало остаться тех, кто хотел вернуться на польские земли.

Отправившихся в дорогу еще в 1814 г. ждали долгие месяцы пути, принимая во внимание расстояние и трудности с координацией. В соответствии с указаниями центральных властей, польских пленным направляли на Белосток. Движение колонн регулировали правила, касающиеся провианта, транспорта для людей и вещей (на каждых 12 пленным полагалось по одной подводе, в случае болезней везли по два человека на подводе). Из Сибири до Белостока пленные шли через Екатеринбург, Пермь, Казань, Новгород, Владимир, Можайск, Витебск, Вильно, Гродно, Тыкочин⁴¹.

На белостокские штатские и военные власти легла большая административная и логистическая нагрузка. В конце 1814 г. генерал Ян Генрих Домбровский сетовал стоящему во главе восставляющегося польского войска Великому князю Константину на проблемы освобожденных офицеров, которые напрасно ждали в Белостоке документов, проедаая последние средства. Белостокский комиссар полиции Шитц отвечал 24 декабря, что поляков уже в городе нет, и что следующих он отправит в Варшаву после получения документов губернатором Щербининым. Из присоединенной к ответу таблицы следует, что с мая до 26 декабря через Белосток прошло 2967 польских военных всех званий, а значит, только четвертая часть пленным, записанных весной. Большинство бывших военнопленным, идущих с Кавказа, а также Тобольской губернии, перешли границу Царства Польского только в 1815 г. Последние записи, относящиеся к возвращению пленным, датированы февралем 1817 г.⁴²

В Белостоке отделяли офицеров и солдат, происходящих из западных губерний Российской империи. Покидающие Россию партии принимал генерал Михал Чихоцкий. М. Витковский утвер-

---

⁴¹ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 542. Л. 3–4 ; *Witkowski M. Pamiętnik...* S. 63–67.

⁴² РГВИА. Ф. 25. Оп. 2. Д. 1011. Л. 40, 43–45 ; самый поздний документ, касающийся пленным, датирован 02.03 [18.02].1817 г.: Ф. 25. Оп. 1. Д. 1031.

ждает, что кавалеристов (а значит и бывших казаков) отправляли сразу же в Августовский уезд (повят). Он сам, вместе с коллегами из пехоты, дошел до Варшавы 16 апреля 1815 г. Так окончилась для него трехлетняя наполеоновская эпопея⁴³.

Мельхиор Витковский – это единственный известный нам свидетель сибирской участи польских солдат армии Наполеона. Однако благодаря усилиям российских и польских историков понемногу исчезает белое пятно, которым была судьба его и его сотоварищей на Сибирской линии, а также солдат, отправленных на Кавказскую линию и в Грузию. Приведенный во вступлении меланхолический вздох Виктории Сливовской, к счастью, перестает быть актуальным. Это касается, прежде всего, тех 2,5 тыс. человек, которых вихри наполеоновских войн загнали аж до Тобольской губернии.

---

⁴³ *Witkowski M.* Pamiętnik... S. 66.

доктор **Марчин ВОЛЬНЕВИЧ**
Институт истории Польской академии
наук (Варшава)

Имперский дискурс в «Описании Забайкальского края» Агатона Гиллера

Сделана попытка применить постколониальный подход в исследованиях польских описаний Сибири. Анализ «Описания Забайкальского края» А. Гиллера свидетельствует о наличии структур имперского дискурса в данном повествовании, но оставляет в то же время вопрос, в какой степени эти структуры сохранили в случае Польши свой имперский смысл.

Ключевые слова: польско-российские отношения, Сибирь, XIX в., постколониальный подход, имперский дискурс, Агатон Гиллер.

Основоположником постколониального подхода стал Э. Саид¹, который изменил парадигму исследований колониализма, используя для его анализа почерпнутую у М. Фуко теорию дискурса, рассматривающую знание как аспект власти. Центральной проблемой новой модели изысканий стала, таким образом, уже не система власти западных метрополий над колониями в XVIII – XX вв., а нарратив, который делал колониальную власть очевидной. Именно такие повествования, названные Э. Саидом «ориентализмом», принято в постколониальных исследованиях определять термином имперского (или колониального) дискурса. В том же значении данная дефиниция употребляется и в настоящей статье.

Постколониальная теория, естественно, не является свободной от противоречий². Прежде всего принято обращать внимание

---

*© Вольневич М., 2013.

¹ *Said E.* Orientalizm / przeł. W. Kalinowski. Warszawa, 1991. 471 s.

² Больше об этом см.: *Gandhi L.* Teoria postkolonialna / przeł. J. Serwański. Poznań, 2008. 193 s. ; *Domańska E.* Badania postkolonialne // *Gandhi L.* Teoria... S. 157–167 ; *Skórczewski D.* Wobec eurocentryzmu, dekolonizacji i postmodernizmu. O niektórych problemach teorii postkolonialnej i jej polskich perspektywach // «Teksty Drugie». 2008. № 1/2. S. 33–56 ; *Wawrzyczek W.* Badanie kultury polskiej w perspektywie światowych studiów postkolonialnych // *Studia postkolonialne nad kulturą i cywilizacją polską* / red. K. Stepnik, D. Trześniewski. Lublin, 2010. S. 11–21.

на опасность, содержащуюся в самом определении постколониальных исследований. Если принятое в них дискурсивное понимание колониализма позволяет распространять на любые ситуации доминанции, то наряду с несомненными выгодами от создания методов для анализа разных дискриминационных практик должны появляться сомнения, справедливо ли применение этого метода в данном конкретном случае. Так, автоматическое перенесение британского колониального дискурса на другие страны может привести к малоубедительным заключениям. Как справедливо заметила Э. Доманьская, постколониальная теория не дает нам готовых стандартов для объяснения, однако позволяет сформулировать вопросы и выстроить интерпретационный контекст³. Другими словами, не везде, где говорится о культурных различиях, мы имеем дело с имперским дискурсом.

Эти противоречия усиливают политическое ангажирование некоторых теоретиков постколониализма, которые в концепции дискурса власти / знания видят не только исследовательский инструмент, но также и удобное орудие политической эмансипации неевропейских культур от гегемонии Европы, и склонны усматривать в каждом тексте инструмент политического господства. Подобное увлечение достигает своей кульминации в стремлении к «провинциализации Европы», то есть к отрицанию значения ее культуры. История центрально-европейской историографии имеет слишком свежий опыт трактовки идеологии как научной теории, чтобы не сделать оговорку против подобного вмешательства гуманистической мысли. Независимо от политической цели такая позиция выявляет некоторую иллюзию, содержащуюся в постколониальных исследованиях, которая, не будучи раскрыта, могла бы привести к недоразумениям. Речь идет об «иллюзии культурного универсализма», которую Л. Колаковский охарактеризовал как веру (исповедуемую также Э. Саидом в своей основополагающей книге об ориентализме) в возможность посмотреть на другую культуру исключительно глазами Иного, отбросив собственный культурный багаж, будь то литературная традиция или принципы логики⁴. Эссе польского философа представляет собой попытку защи-

---

³ *Domańska E.* Badania postkolonialne... S. 165–166.

⁴ *Kołakowski L.* Szukanie barbarzyńcy – złudzenia uniwersalizmu kulturalnego // *Czy diabeł może być zbawiony i 27 innych kazań.* Londyn, 1984. S. 11–25.

тительное своеобразие европейской культуры, которая единственная обладает способностью подвергать сомнению саму себя. Доказательством этого является возникновение функциональной школы антропологии Б. Малиновского. В связи с этим нам представляется, что постколониальные исследования многим обязаны европейскому характеру и именно с этой позиции они будут рассматриваться в данной работе: как способность культуры подвергать сомнению собственные принципы и расплачиваться за собственные преступления.

Для анализа повествования о Сибири в рамках имперского дискурса было выбрано «Описание Забайкальского края» Агатона Гиллера⁵. Личность Гиллера – польского ссыльного и одного из предводителей январского восстания 1863 г. – представляется слишком хорошо известной, чтобы в подробностях описывать ее в данной статье⁶. Следует, однако, напомнить, что он попал в Сибирь в 1854 г. как приговоренный за революционную деятельность к пребыванию в дисциплинарных батальонах. Несмотря на приговор, ему удалось избежать военной службы. Предоставленный сам себе, Гиллер путешествовал по Забайкальскому и Предбайкальскому краям, собирая богатый писательский материал. Он использовал его еще во время пребывания в Сибири, но окончательную редакцию «Описания Забайкальского края» осуществил только по возвращении в Варшаву в 1860 г., дописывая противоречащие цензуре исторические и политические комментарии. Гиллер закончил книгу еще до начала январского восстания, но издана она была лишь в 1867 г. в Лейпциге.

Исходя из названия, сочинение Гиллера принадлежит к описаниям путешествий, что сближает его с «квазинаучным географически-историческим путеводителем». Существенно, что и сам автор старался реализовать в своем произведении такую

---

⁵ *Giller A. Opisanie zabajkalskiej krainy w Syberyi. T. 1–3, Lipsk, 1867. T. 1. 1294 s. ; T. 2. 317 s. ; T. 3. 339 s.*

⁶ См. в первую очередь: *Fiećko J. Rosja, Polska i misja zesłańców. Syberyjska twórczość Agatona Gillera. Poznań, 1997. 272 s. ; Florkowska-Frančić H. Emigracyjna działalność Agatona Gillera po powstaniu styczniowym. Wrocław, 1985. 227 s. ; Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972. 797 s. ; Trynkowski J. Agaton Giller i jego «Opisanie Zabajkalskiej Krainy» // *Studia Łomżyńskie. 1996. T. 5. S. 47–62.**

программу, но пропорции содержания свидетельствуют, что он ориентировался на разрекламированную Ю. И. Крашевским модель «синкретического путешествия». Этот вид характеризуется конструкцией, опирающейся на географическое пространство, а также содержит многочисленные отступления от темы. В «Описании» Гиллера «современное путешествие» постоянно служит предлогом для «путешествия исторического» (вглубь забайкальской истории), «путешествия этнографического» (вглубь экзотической культуры) или «путешествия по польской Сибири» (истории и современности польских ссыльных). Таким образом, появляется обширная панорама Забайкалья, которой сопутствует намерение определить смысл польского и российского присутствия в Сибири.

Российская и польская «цивилизаторская миссия»

Одним из основных инструментов интерпретации, которым пользуется А. Гиллер в своих поисках, является «цивилизаторская миссия». Анализируя это понятие, можно выделить в нем три компонента: религиозный, собственно цивилизаторский и национальный. Первоначальной была, конечно, религиозная составляющая, означающая распространение христианской веры. Однако в связи с идеологическими преобразованиями, которые происходили в Европе в XVIII и XIX в., она была насыщена новым содержанием. Превращению Европы из религиозного сообщества (*Christianitas*⁷) в сообщество цивилизационное сопутствовала секуляризация осуществляемой ею «миссии»: функцию «благой вести» взяла на себя цивилизация, то есть состояние культуры, которое достигло на Западе универсального, как были уверены, значения. Понятие «миссии» позаимствовал также романтический национализм, обозначая этим словом призвание, которым Бог наделил народы в начале их исторического пути. Романтическая «национальная миссия» не потеряла при этом своей универсальности и поэтому могла быть классифицирована как часть «цивилизаторской миссии», реализованной народом в той части света, на которую ему указали Бог и История. Прежде всего, обладание и выполнение «миссии» отличало национальную индивидуальность как неотъемлемый элемент общечеловеческой гармонии. В мире XIX в., который не знал

---

⁷ Название христианской цивилизация Средневековья. – Прим. пер.

безусловного права народов на самоопределение, «национальная миссия» выполняла важную роль доказательства независимости. Именно поэтому одной из тенденций «Описания» является полемика с тезисом о российской «цивилизаторской миссии» в Азии, а также утверждение, что «настоящую миссию» такого рода осуществляют там поляки⁸.

Чтобы понять критику российской «миссии», необходимо установить, что Гиллер считал цивилизацией. Нигде в своей работе он не дает определения этому понятию, которое так часто использует. Лишь по разбросанным в тексте замечаниям можно составить представление о том, что он понимал под цивилизацией. Она была для него таким же достигнутым состоянием, как и деятельность, которая к нему вела. Нельзя было провозглашать цивилизацию, она вырабатывалась посредством многовекового культивирования и развития его все более совершенных форм. Какие из этих форм лучше других и на каком основании это оценить? Критерии предоставляли разные примеры, и, несмотря на то, что А. Гиллер с явным одобрением относился как к западной модели промышленной цивилизации, так и к западным идеалам мыслительной дисциплины, а также к культурному воспитанию, вежливости и хорошим манерам, кажется, что основное значение для него имело гностически окрашенное видение христианства. Хотя фундаментальное противостояние «цивилизация – варварство» заполняли у Гиллера (как и у многих других) дихотомии рациональности-иррациональности, прогресса-застоя, свободы-рабства, осуществляли они и второстепенную роль отличия духа от материи. Варварство всегда представляет собой жизнь, погруженную в материализм; его эволюция основывается на одухотворении материи, а «подлинная цивилизация» – духовная. Из этого следует, что возможна и «ненастоящая цивилизация», в которой существуют формы, лишённые духовного содержания. Если подобная цивилизация вероятна, то может также существовать и

---

⁸ *Giller A. Opisanie...* Т. 1. S. IX. Взгляды Гиллера на смысл и течение польской «миссии» представил Ю. Фечко (см. указ. соч.), который заметил, что «цивилизаторская миссия» является у Гиллера основой по-иному интерпретированного мартирологического мифа Сибири.

ложная «цивилизаторская миссия». Именно такой, несмотря на исключения⁹, Гиллер считал российскую «миссию» в Азии.

В самых общих чертах можно сказать, что подобная оценка была производным от критики деспотического государства, православия, а также российского «национального характера». Решающее значение первого фактора основывалось на том, что деспотизм противоречил сущности цивилизации, в понимании Гиллера опирающейся на свободу. Таким образом, то, что Россия распространяет в Сибири, является не цивилизацией, а рабством. Поэтому символами ее ложной цивилизации в «Описании» являются тюрьмы¹⁰. Деспотизм исключает также создание традиции, поэтому продолжительную цивилизаторскую деятельность старается заменить «импровизацией» или «деланьем всего в одну минуту» по приказу деспота¹¹. Негативное влияние деспотизма усиливает российский «национальный характер», который отличают «гибкость и способность приспособиться к ситуации»¹². Эти черты превращают россиян скорее в конформистов, чем в миссионеров: они принимают и наследуют черты захваченных культур вместо того, чтобы распространять «подлинную цивилизацию». Не является, по мнению Гиллера, также истинной цивилизаторской миссией деятельность по христианизации, проводимая посредством «грустного православного ритуальчика». В данном утверждении можно найти очевидную для XIX в. трактовку Церкви как «неистинного Костела», как такового не обладающего способностью преображения материи. В «Описании» Гиллер не поднимает вопроса эkkлeзиологических различий, подчеркивая в то же время, что кампания по христианизации является лишь видимостью: добивается послушания, не обращая в веру по-настоящему¹³.

Несмотря на эту критику, Гиллер не подвергает сомнению, что Россия приносит сибирским народам «высшую цивилизацию»,

---

⁹ К ним относятся декабристы, а также генерал-губернатор Николай Муравьев-Амурский, который, по мнению Гиллера, «хорошо послужил Москве, но что редко случается, хорошо послужил и человечеству» // Giller A. Opisanie... Т. 1. S. 54.

¹⁰ Там же. Т. 2. S. 254.

¹¹ Там же. Т. 1. S. 205.

¹² Там же. Т. 1. S. 115.

¹³ См., например, описание христианизации орочей. Там же. S. 228.

и даже считает неминуемым их исчезновение¹⁴. Его концепция цивилизации наводит на высказанную Гегелем мысль о прогрессе разума, в котором *per fas et nefas*¹⁵ достигается необходимое развитие всякого просвещения и благосостояния. Дело, однако, в том, что Россия в «Описании» не является воплощением «духа времени». Гиллер подвергает сомнению не только качество, но и цель ее «цивилизаторской миссии»: исчезновение сибирских культур является не только следствием их контакта с высшей российской культурой, но также результатом задуманных этим государством действий. Поэтому если «в Европе москали истребляют захваченные народы оружием, экономическим разорением и системой политического преследования, [то] в Сибири уничтожают их водкой и принесенным с собой ядом сифилиса»¹⁶. Российская «цивилизаторская миссия» оказывается инструментом экспансии¹⁷, а тем самым гиллеровская критика раскрывает ее другую предпосылку: романтический национализм.

Автор «Описания» был склонен верить в будущее цивилизационное объединение «племен», которые могли бы составить основу универсальной империи. Эту веру тем не менее он соединял с убеждением, что путь к единству проходит через развитие национальных индивидуальностей. Предыдущие попытки навязывания универсальной цивилизации – будь то в рамках империи или через использование «космополитических социальных теорий» – «невозможны и убийственны для совершенствования человечества», поскольку нарушают естественный ход вещей. «Завоевание и порабощение именем цивилизации считаются сегодня правым большинством добром, хотя, будучи закабалением, приносят народам только смерть, а не цивилизацию, и так отвратительны, как каждое иное насилие и несправедливость, как захват и покорение, совершенные в интересах короля и его государства»¹⁸.

---

¹⁴ Giller A. *Opisanie...* Т. 2. S. 317.

¹⁵ *лат.* – здесь в значении «дозволенными и запретными средствами» [М. В.].

¹⁶ Giller A. *Opisanie...* Т. 2. S. 296.

¹⁷ Взаимодействие общих цивилизационных процессов и российской политики хорошо иллюстрирует описание положения бурятов // Там же. Т. 3. S. 119.

¹⁸ Giller A. *Opisanie...* Т. 3. S. 157–158.

Таким образом, представление Гиллера о «миссии» колеблется между цивилизаторским и национальным полюсами: на первом она допустима и даже приобретает черты разумной необходимости, в то время как на втором подвергается осуждению как инструмент империалистской экспансии. Эти колебания не сказываются на оценке российской «цивилизаторской миссии», которая оказывается либо «ложной миссией», либо настоящим орудием захватов. Появляется двусмысленность в понимании польской «миссии». Если считать, что Гиллер признает ее подлинной миссией, которая распространяет «истинные цивилизационные ценности», то должен встать вопрос: как по отношению к распространению этих ценностей возможно развитие национальных индивидуальностей «варваров»? Ответ на этот вопрос раскрывает один из элементов имперского дискурса в мысли А. Гиллера, которым является тенденция к универсализации собственной культуры¹⁹. «Миссия» Польши не угрожает «варварам», потому что ее культура имеет универсальное значение и гарантирует «низшим» культурам участие в цивилизации. Это явление наилучшим образом иллюстрируют рассуждения Гиллера об исторической судьбе Молдавии: «Польша хотела обосноваться в этой стране как на своей крепостной стене, уверенная в таком случае в безопасности своих границ и опасная для Турции, угрожавшей в то время всей Европе. Только под польской опекой румыны могли развить свою национальность, оградить свободу, только в союзе с ней сегодня и при ее независимости они могут быть независимыми. На эту страну, как на ворота в Турцию, положила после падения Польши свою руку Москва, и она не уберет ее, пока не откажется от захватнических планов на Востоке. Пока Мультиания²⁰ будет граничить с Москвой, до тех пор их свобода будет под угрозой, а существование под сомнением!»²¹.

Тем самым «польская опека» охраняет свободу и развитие, в то время как «московское завоевание» приносит рабство

---

¹⁹ *Gandhi L. Teoria... S. 106–107.*

²⁰ Мунтения (*рум. Muntenia*), устар. Мультиания – историческая область Румынии, восточная часть исторической области Валахия, между реками Дунай (на востоке и юге), Олт (на западе) и Карпатами. – Прим. пер.

²¹ *Giller A. Opisanie... T. 1. S. 213–214.*

и угрозу существованию. Критика Гиллером цивилизаторской миссии была антиимперской применительно к Российской империи, но не отказывалась от имперского аргумента по отношению к так называемым «неисторическим народам».

Отношение к «дикарям»

Несмотря на критику российской «миссии», Гиллер не сомневался, что поляки, так же как и россияне, в Сибири имеют дело с «дикими» народами, которые нужно цивилизовать. Естественно, что в их описании появляется имперский дискурс с фундаментальным противоречием цивилизации и варварства²². В соответствии со своим пониманием этих проблем Гиллер думает о «дикости» как о нехватке «духа»: без него явления становятся варварскими, даже если материальная форма делает их похожими на цивилизованные. Использование такого интерпретационного подхода хорошо иллюстрирует выполненная Гиллером оценка гостеприимства орочей: «Гостеприимство орочей является еще тем диким, кочевым гостеприимством, которое не от хорошего к гостю расположения сердца выражается, но от обязанности накормить и угостить, потому что в пустынях нет постоянных дворов. Гостеприимство настоящее рождается только у народа, занимающегося сельским хозяйством. Это моральный продукт человека, это порыв любви, а значит там, где душа еще спит, истинного гостеприимства быть не может»²³.

Таким образом, оказывается, что орочи, заботясь только о материальной стороне гостеприимства, не являются гостеприимными по-настоящему. Идентичное понимание заключено в основе мнения, что «дикари» не знают любви к женщине: «Дикарь любит для тела, сердце его не тянет, женщина прелестями не манит, а даже если и страсть в нем отзовется, берет в жены первую попавшуюся женщину»²⁴. Тем более ему чужда «еще более благородная любовь соотечественников», а также

---

²² Используя его, Гиллер выступал против вернувшейся из эпохи Руссо тенденции к идеализации естественного состояния, потому что человек в нем «является грубым, злым, уродливым и мало чем отличающимся от животного созданием», а за натуральное состояние человека следует принимать цивилизацию // *Giller A. Opisanie... T. 1. S. 222–223.*

²³ Там же. Т. 1. S. 223.

²⁴ Там же. S. 227.

«великая любовь Бога»²⁵. «Дикари» не знают патриотизма, потому что свою родину любят как источник пропитания, а не как «моральную единицу», и потому «не являются народом в высшем понимании этого слова»²⁶. Они также не являются людьми действительно религиозными, потому что вместо любви чувствуют перед Богом страх, который заменяет истинную веру в предрассудок. По этой причине «они являются формалистами в религиозных практиках, но равнодушными в вере»²⁷.

Симптомом нехватки духовной жизни у «дикарей» есть также их внешность. Категория красоты, которой в данном случае оперирует Гиллер, выдает явное влияние физиогномики, популярной в XIX в. псевдонауки, обосновывающей связь между строением тела и характером человека. К этому заявлению Гиллер добавлял, что форма тела зависит также от климата. Это приводило его к выводу, что самые красивые в мире люди живут в умеренном поясе, а чем дальше на север или юг, тем больше «формы человеческие дурнеют». В свете этой теории очевидным становится утверждение, что «орочи, как и все первобытные народы Сибири, безобразны»²⁸. В свою очередь уродство (а скорее то, что Гиллер «научно» определил как уродливое) является признаком недостатка духовности, проявлением жизни, погрязшей в материи. «Черты бурят – монгольские, – пишет Гиллер. – Глаза имеют черные и продолговатые, но кроме звериной страсти [...] ничего нет во взгляде монгола»²⁹.

С этой точки зрения значение имеет также и одежда. Она представляет собой не только показатель индивидуального характера, но и развития национальной культуры: «неизменный наряд в народе или на человеке является доказательством существования высшей культуры у нации и разума у индивидуума. Там, где нет платья, общепринятого у жителей, где каждый носит, что ему продиктует каприз, там народ еще не выработал в себе всех направлений мысли и жизни, то есть национальности»³⁰. Следствием отсутствия национальности и «разума

---

²⁵ *Giller A. Opisanie... Т. 3. S. 69.*

²⁶ Там же. S. 99.

²⁷ Там же. S. 99.

²⁸ Там же. Т. 1. S. 219–220.

²⁹ Там же. Т. 3. S. 69.

³⁰ См. описание одежды орочей: Там же. Т. 1. S. 220–221, а также бурятов: Там же. Т. 3. S. 37.

у индивидуума» является пристрастие к смешанной одежде, «пестроте» и «украшениям».

Противостояние духовного и материального относится не только к наличию или отсутствию красоты и христианской любви, но также к картезианскому *cogito*³¹: «разум дикаря», по мнению Гиллера, это только «хитрость»; «дикарь» не имеет самосознания, не мыслит абстрактно, не способен ни к понятийной трактовке мира, ни к приданию своим переживаниям рациональной или хотя бы упорядоченной художественной формы. Продукция его ума – это чисто бихевиористские реакции, как, например, песни «сибирских народов»: «На вид какого-нибудь предмета они повторяют его название, добавляя прилагательное, например, увидев реку, зовут в песне: “о, река, река рыбная [...]”, [...] и так постоянно повторяют тоскливым голосом одно и то же, пока увиденный предмет не исчезнет из виду. Увидит птицу, и тут же в его устах появляется импровизация без мысли и ладу [...]. В этой песне нет непрерывной мысли, нет формы, и, наконец, чувства тоже немного. [...] Их песнь как первый крик новорожденного ребенка – сбор импровизированных восклицаний, выражающих существо, предмет, а иногда и название вещи. Это звуки народа-ребенка, который вышел из рая неосознанности и, оглядываясь на свет Божий, удивляется его красоте, выбрасывает из себя тоны, которые чаще всего бессмысленны»³².

Итак, «дикарь» – это взрослый, который как ребенок. Не имея еще сформировавшейся моральной автономии, он обречен на исполнение распоряжений людей цивилизованных. Повидимому, он может быть строптивым или покорным, но Гиллер подчеркивал его «слепое послушание», которое приводит к тому, что «в руках деспотов он может быть использован на уничтожение свободы в мире»³³. «Москали, – продолжает Гил-

---

³¹ лат. – мыслю, думаю. Философское утверждение Р. Декарта «*Cogito, ergo sum*» (лат. «Мыслю, следовательно, существую») является основополагающим элементом западного рационализма Нового времени. Это утверждение он выдвинул как первичную истину, в которой невозможно усомниться. Понятие *cogito* таким образом обозначало всякий акт сознания субъекта (представление, мысль, желание и т. п.), в наличии которого субъект отдает себе отчет. – Прим. пер.

³² *Giller A. Opisanie... Т. 3. S. 69–70.*

³³ Там же. S. 97–98.

лер, – сформировались по их подобию, и послушание стало основной чертой их характера. Эта похожесть облегчила слияние монголов с москалями, которые еще сегодня способны к нападениям на мирные народы и к саранчовым походам на цивилизацию»³⁴. Получается, что россияне такие же «дикари»? Относятся ли и к ним в таком случае имперский дискурс?

***Россияне между цивилизацией и варварством:
«мимикрия»***

Нет сомнения, что фундаментальное противостояние цивилизации и варварства в имперском дискурсе оказало определяющее влияние на польские рассуждения о России. Таким образом, появился парадокс, который не укрылся от внимания исследователей: захваченный народ описывает империю в категориях, предназначенных для характеристики «дикарей»³⁵. Однако сохранили ли эти категории свой имперский смысл испльзуясь в дискурсе захваченного народа?

Нужно отметить, что имперская структура осталась в нем нетронутой. Чтобы в этом убедиться, стоит сравнить содержащиеся в «Описании» характеристики «дикарей» и сибирских россиян (так называемых сибиряков). Представляется необыкновенно важным, что они построены вокруг тех же самых категорий, основанных на противостоянии цивилизации и варварства. Следовательно, сибиряки, так же как «дикари», не знают «настоящей любви», но чувственны. И хотя Гиллер многократно утверждал, что сибиряки более умны, чем «москали», одновременно он считал, что ум сибиряков является умом раба, вынужденного лавировать, поэтому выражается только в лицемерии и обмане. Сибиряк не способен к абстрактному мышлению и «высшим чувствам», что является причиной «огромной жадности», а также религиозного равнодушия, соединенного с суеверностью: «равнодушие в вере не происходит [как в Европе] из философии и разумного умозаключения, но из притушенного сердца; она обнаруживается, словно наследственная болезнь,

---

³⁴ *Giller A. Opisanie... Т. 3. S. 97–98.*

³⁵ *Gosk H. Polskie opowieści w dyskurs postkolonialny ujęte // (Nie)obecność. Pominięcia i przemilczenia w narracjach XX wieku. Warszawa, 2008. S. 75–89 ; Ritz G. Kresy polskie w perspektywie postkolonialnej // Там же. S. 115–134.*

даже в детях»³⁶. В то же время сибиряки обладают такими чертами, которых, по мнению Гиллера, нет у «дикарей». К ним относятся «певучесть» (признак «благородства»), предприимчивость, мистические склонности.

Особенное внимание следует обратить на указанную Гиллером причину религиозного равнодушия. Это «притупленное сердце», а не еще «непроснувшееся», как у «дикарей». Итак, кажется, что варварство сибиряков имеет, по мнению Гиллера, вторичный характер, навязанный деспотизмом. Это допущение находит подтверждение в описаниях салонов: именно такое перенесение деспотичной иерархии на частную территорию заменяет свободное товарищеское общение в неуклюжую, формализованную и грубую манифестацию социального положения. То же самое влияние может отвечать за нехватку интереса к общественным делам, молчание вместо прелестной беседы, а также отсутствие свободной мысли. В то же время все эти образы можно применить и в колониальном контексте как отсутствие понятия о родине, нехватку «духа», а также неспособность к абстрактному мышлению, если не просто отсутствие личной автономии. В данном колониальном контексте четко умещаются внешние характеристики сибиряков: их повсеместное если не уродство, то «пустая красота», но прежде всего Гиллер отмечает увлеченность красивыми нарядами, которые, подобранные без вкуса и элегантности, приобретают характер претенциозной пестроты. Таким образом, европейские светские формы теряют свое содержание, но следует заметить, что все-таки это формы европейские. Россияне у Гиллера располагаются посередине между варварством и цивилизацией, хотя не до конца понятно, является ли их варварство состоянием, из которого они еще не вышли, или возвращение к нему было вынуждено деспотизмом.

Такой образ неудивителен. Ведь Гиллер не сомневался, что россияне представляют в Азии высшую культуру, хотя вместе с тем был убежден, что эта культура не является в полном смысле европейской. В ценящей национальную оригинальность культуре романтизма это же утверждение не означало бы критику. Однако российская цивилизация не является, по мнению Гиллера, оригинальной. Это означает, что она не вырастает из собственной традиции и не становится неповторимым синтезом

---

³⁶ *Giller A. Opisanie... T. 1. S. 155–162.*

однородных элементов³⁷. Она представляет собой неумелое подражание европейской цивилизации, ее имитацию, видимость, прячущую свою скрытую сущность. Введенные в России институты как будто такие же, как в Европе, но одновременно являются чем-то иным. Именно такая ситуация в имперском дискурсе называется «мимикрией»³⁸. При помощи «мимикрии» «варварская Москва» хочет считаться цивилизованной. Разоблачая это стремление, Гиллер желает вернуть ее варварству.

Области «мимикрии» Гиллер открывает на каждом шагу. К ним принадлежат: правовая система, торговля и промышленность, воспитание и образование, светская жизнь, внешний вид городов. «Это, – пишет Гиллер, – “дивные перья”, в которые полная претензии на цивилизованность Москва одевается не для себя, но для Европы, и которые скрывают совершенно иные основу и содержание»³⁹. Рассмотрим на нескольких примерах из «Описания», как функционирует явление «мимикрии».

В случае законодательства она основывается на том, что в России установлена «красота права [...], с моральной тенденцией, охраняющей индивидуализм, и даже проникнутой [...] духом свободы», которая «либо вовсе не исполняется [...], либо исполняется в противоречии с духом и буквой закона, либо, наконец, никем, в особенности властями, не уважается»⁴⁰. «Европейское подобие» имеет также воспитание детей в высших слоях общества. Оно опирается на преподавании модных в Европе предметов, а также институтах просвещения, которые, однако, не приносят образовательного результата⁴¹. Отсутствие подлинного образования создает новые области «мимикрии»: в светской жизни и экономике.

Рассказывая о работе рудника на Большом Нерчинском заводе⁴², Гиллер говорит о нехватке профессионалов и неумелом

---

³⁷ На тему этих отличий см.: *Wierzbicki A. Wschód – Zachód w koncepcjach dziejów Polski. Z dziejów polskiej myśli historycznej w dobie porzbirowej*. Warszawa, 1984. 346 s.

³⁸ *Bhabha H. Mimikra i ludzie: o dwuznaczności dyskursu kolonialnego* / tłum. T. Dobrogoszcz // *Literatura na Świecie*. 2008. № 1/2. S. 184–195.

³⁹ *Giller A. Opisanie...* Т. 1. S. 37.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. S. 160–161.

⁴² Так Гиллер в своей книге называет населенный пункт Нерчинский завод. [М. В.].

управлении. Это тем более удивительно, поскольку профессиональные кадры предприятия формировались из выпускников петербургского Горного института, который был создан и оснащен по европейскому образцу. Инженеры должны были быть компетентны, но им не хватало знания и умения организовать работу шахты, которая в связи с этим только выглядела как современная форма хозяйствования. Выясняя эту загадку, Гиллер пишет: «Народ темный и без цивилизационных заслуг не цивилизуется и не просветится по приказу и воле монарха; все предприятия, самые лучшие институты, которые должны без предыдущей вековой работы сравнивать находящийся в начале просвещения народ с народами давно находящимися в цивилизации, приносят результат, на который мы смотрим как на почти никакой [...]. Народ, который еще не созрел до самостоятельной работы духа, не улучшил основу мысли долгой и трудной работой, ничего от них не перенимает, а все остается видимостью, внешним лоском или плохим заимствованием»⁴³. «Мимикрия», стало быть, является продуктом отсталости и «деспотичной гордыни», которая по приказу должна заметить традицию.

Похожие результаты, как пишет Гиллер, дает введение европейских форм общения: костюмированных балов, салонов, публичных гуляний с музыкой. На вид им всего хватает. Так, на Большом Нерчинском заводе в первую неделю карнавала⁴⁴ было дано аж пять балов «прекрасных, с музыкой, канделябрами и хорошим ужином; но танцевали очень мало, мужчины играли в карты, а женщины, покинутые молодежью, разговаривали сами с собой. В местных собраниях, – заключает Гиллер, – нехватка души и веселости. Лоск и обычай, перенесенные из Европы, хотя и прижились, веселья и жизни дружеским собраниям не дали. Пемзой цивилизации ошлифованные по поверхности, в душе они азиаты, для которых забава является развратом, веселость – сумасшествием, приличие – чопорностью, удовольствие – неловкостью»⁴⁵. Таким образом, то, что скрывает «мимикрия», это «азиатство».

---

⁴³ *Giller A. Opisanie...* Т. 1. S. 182.

⁴⁴ Карнавалом в XIX в. назывался зимний период балов и увеселений. – Прим. пер.

⁴⁵ *Giller A. Opisanie...* Т. 2. S. 186–187.

Попытки заслонить это азиатство только еще больше его открывают. Обращаясь в очередной раз к теме России, которая «больна слабостью подражания Европе», Гиллер рассказывает об организованных в Сибири поисках английского мореплавателя Джона Франклина, пропавшего в 1847 г. во время исследования перехода между морями Баффина и Беринга. Судьба британского первопроходца взбудоражила современное Гиллеру общество, а известность этого дела не могла оставить равнодушным российское правительство, которое «всегда изображает интерес к благородным делам, которые слишком далеко происходят и не могут ему угрожать по своей природе». Так было и в этот раз. Поиски Франклина были организованы не только на северных берегах Сибири, но также на территориях, расположенных в глубине материка. «Так почти в центре Азии, в песках и ручьях начали искать следы кораблей Франклина», – иронизирует Гиллер и приводит рапорт, якобы присланный из одной из сибирских губерний, автор которого сообщает, что об «англичанине ФранкLINE старожилы волости не помнят», а если бы все-таки он появился, то был бы под охраной доставлен в губернский город. «Итак, если бы Франклин добрался до Сибири, был бы связан и совершил путешествие до губернского города по этапу длиной в несколько десятков километров, и как часто в таком путешествии случается, был бы по спине поколочен!⁴⁶». Так, «мимикрия», открывая то, что должна была скрыть, становится смешной.

Резюме

В свете проведенного анализа ясно видны влияния имперского дискурса на форму «Описания Забайкальского края». Об этом свидетельствует не только принятие «цивилизаторской миссии» за основной инструмент интерпретации, но также тенденция к универсализации собственной культуры и техника «мимикрии», примененная при характеристике российского населения. Открытым тем не менее остается вопрос, сохранили ли эти структуры в польском повествовании свой имперский смысл? Если считать, что имперский дискурс тесно связан с господством, можно выдвинуть гипотезу, что эти конструкции выполняли разные функции по отношению к так называемым

---

⁴⁶ *Giller A. Opisanie... Т. 1. S. 117–118.*

неисторическим народам и по отношению к России. Если в универсализации собственной культуры можно заметить объяснение польского доминирования над «недозрелыми» народами, то в описаниях российского «варварства» мы имеем дело, скорее, с оспариванием господства России над Польшей. Таким образом, нам кажется, что имперский дискурс по отношению к России имел в данном случае антиимперский смысл, который основывался на защите права польского народа на независимость.

Эти гипотезы, разумеется, требуют подтверждения на более широком источниковом материале. В связи с этим следует подчеркнуть некоторую фрагментарность представленных заключений. В какой степени они являются характерными для польских описаний Сибири вообще? Проблему не решил бы даже ответ на этот вопрос. В соответствии с парадигмой постколониальных исследований, случай польско-сибирского дискурса можно было бы считать описанным только тогда, когда он был бы сопоставлен с контрдискурсами, то есть повествованиями культур, в польском изложении являющихся объектами. Речь шла бы о сравнении польского нарратива о Сибири с российскими описаниями собственной и польской цивилизаторской миссий в Азии⁴⁷, а также, если это вообще возможно, с нарративом сибирских народов.

Немало критических слов в данной работе было сказано о концепции «цивилизаторской миссии». Эта критика не исключает изучения вклада поляков в развитие Сибири. Необходимо только, чтобы «цивилизаторская миссия» стала предметом исследований как важный элемент общественного сознания XIX в., вместо того, чтобы все еще использоваться в качестве ключа для понимания культурной, научной, общественной и экономической деятельности поляков в Сибири. В противном случае, мариологический миф Сибири будет дополнен мифом цивилизаторским.

---

⁴⁷ Данной проблематикой занимается, в частности, Н. Н. Родигина. См.: *Родигина Н. Н.* Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск : НГПУ, 2006. 343 с.

доктор **Анджей Ян ВУЙЧИК**
Институт истории науки Польской академии наук (Варшава)

Прикладная геология в исследованиях Кароля Богдановича и его учеников в Сибири на рубеже XIX и XX в.

Рассматривается история исследований в сфере прикладной геологии на рубеже XIX и XX в., которые проводились на территории Сибири выпускниками Горного института, сосредоточенными вокруг профессора К. Богдановича. Результаты их научных работ стали основой для организации промышленной добычи минерального сырья в этом регионе.

Ключевые слова: история горного дела, прикладная геология, Сибирь, инженеры Горного института.

Во второй половине XIX и начале XX в. вопросами прикладной геологии в Сибири занималось много геологов, среди которых были и поляки, работавшие тогда на территории России. К сожалению, от их научного наследия сохранилось относительно немного, и еще меньше авторских картографических материалов, в том числе специализированных геологических и горнопромышленных карт. Тем не менее их деятельность оставила глубокие следы, способствуя открытию сырьевой базы Сибири.

Становление и развитие таких специализированных отраслей прикладной геологии¹, как геология полезных ископаемых, инженерная геология и гидрогеология, в Сибири неразрывно связаны с К. Богдановичем и его учениками. Его личности

---

*© Вуйчик А. Я., 2013.

¹ В начале XX в. чаще использовался термин «практическая геология», что больше подчеркивало важность применения результатов геологических работ, то есть тот факт, что прикладная геология использует результаты общей геологии для различных практических целей.

было посвящено достаточного много статей и книг². Причиной такого внимания было не только неоспоримое значение его научных трудов, но и осуществление им функций директора российского Геологического комитета. К. Богданович занимал этот пост в очень трудный период (1914–1919 гг.), руководя работами по разведке и поиску минеральных видов сырья на территории России. Среди учеников К. Богдановича, которые обучались под его руководством в Горном институте, многие заслуживают отдельного внимания. В числе выпускников этого учебного заведения следует назвать прежде всего Стефана Чарноцкого и Станислава Докторовича-Гребницкого. Их деятельность на территории Сибири стала доказательством существования оригинальной «школы» Богдановича, а результаты их работ стали достоянием геологической науки.

Кароль Богданович как преподаватель

Кароль Богданович (29 ноября 1864 г., г. Люцин Витебской губ. – 5 июня 1947 г., Варшава) начал учебу в Горном институте в Санкт-Петербурге в 1881 г. В 1885 г., еще будучи студентом, он принимал участие в экспедиции Ф. Н. Чернышева на Урал³.

---

² Среди множества публикаций, посвященных К. Богдановичу, следует упомянуть прежде всего: *Wójcik Z. Karol Bohdanowicz. Szkic portretu badacza Azji / Pol. T-wo Lud., Państw. Inst. Geol. Warszawa ; Wrocław : Bibl. Zesłanca, 1997. 411 s., в ней собрана полная библиография работ К. Богдановича.*

Из более ранних публикаций о К. Богдановиче можно вспомнить ряд статей Р. Карчмарчика, А. С. Клечковского, З. Вилька и др., содержащихся в сборнике // *Monografie z Dziejów Nauki i Techniki. Warszawa, 1972. T. 82: Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii. S. 149–160.*

Среди опубликованных на русском языке материалов отметим работу: *О научно-организационной деятельности К. И. Богдановича / А. Н. Заварицкий С. И. Миронов, В. А. Обручев, Н. Н. Яковлев // Очерки по истории геологических знаний. 1955. Вып. 5. С. 188–210. В ней содержится список всех опубликованных работ К. Богдановича.*

В польских архивных фондах находятся материалы, имеющие отношение к Богдановичу. См.: *Archiwum Muzeum Ziemi PAN w Warszawie (sygn. S. 8) и Archiwum PAN w Warszawie (sygn. III-4).*

³ *Jaskólski S. Karol Bohdanowicz. 1864–1947 // Roczn. Pol. T-wo Geol. 1948 (za 1947). T. 17, z. 1. S. 301–314.*

После получения 15 июня 1886 г. диплома горного инженера, К. Богданович заинтересовался геологией полезных ископаемых и самостоятельно осуществил экспедицию в южную часть Закаспийской области для проведения геологических и гидрогеологических исследований, связанных со строительством Закаспийской железной дороги. Свои работы он расширил также и на северную Персию.

*К. Богданович – студент
Горного института⁴*

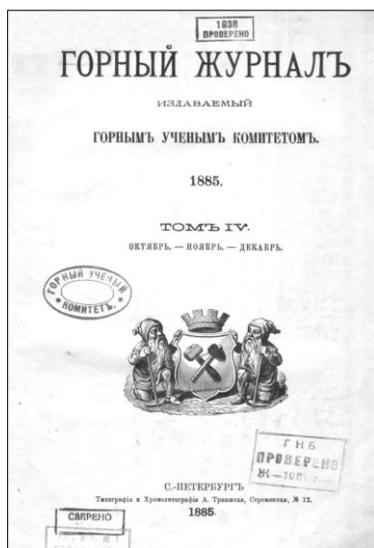
В течение этой экспедиции К. Богданович изучил пограничье гор Копетдаг, а затем горные цепи Эльбурс и Хорасан, работая над очерком мало в то время известной орографии этих регионов, а также их геологического строения.

Оглашенные в 1888 г. результаты экспедиции принесли ему серебряную медаль Русского географического общества. В 1889 г. он участвовал в качестве делегата этого Общества в военной экспедиции полковника М. В. Певцова вглубь так называемой Тибетской Азии. Целью экспедиции было изучение горной цепи Кунь-Лунь и северного края Тибетского нагорья до озера Лобнор. Итогом работ стало составление К. Богдановичем схематичной геологической карты, а также орографии Кунь-Луния и восточного Тянь-Шаня; выполнение карты обнажений нефрита, золота, меди, цинка, олова, железной руды и другого сырья; описание имеющихся в этом регионе залежей золота; сбор богатой геологической коллекции. На обратном пути экспедиция дошла до российско-китайской границы, а затем до Зайсана, где была закончена в январе 1891 г. Участие в этом походе принесло К. Богдановичу повышение по службе, а за свои работы он получил серебряную медаль им. Н. М. Пржевальского.

В 1892 г. К. Богданович отправился в очередную экспедицию, продолжавшуюся почти три года и связанную со строительством

---

⁴ Фото из: *Писарева Д.* «О твердом, естественно содержащемся в твердом». История исследования Горячего Ключа // Горячий Ключ. 2011. № 3. С. 1.

Первая работа К. Богдановича (студента Горного института), опубликованная на страницах «Горного журнала»⁵.

Сибирской железной дороги. Ему было доверено руководство одной из геологических партий, задачей которых было исследование гидрогеологических условий (поиск источников пресной воды), а также разведка сырьевых ресурсов вдоль строящейся железной дороги, прежде всего залежей каменного угля, использовавшегося в качестве топлива для паровозов. Изыскания он проводил между реками Иртыш и Ишим, а затем Кузнецким Алатау и р. Енисей⁶. В группе специалистов, которой

⁵ *Богданович К. И.* Таганайское и Ахтенское месторождения бурого железняка в Златоустовском округе // Горн. журн. 1885. № 2. С. 242–248.

⁶ В этот период им созданы научные работы: *Богданович К. И.* Определение округа охраны Старорусских источников минеральных вод в Новгородской губернии // Горн. журн. 1890. № 2. С. 211–236 ; *Богданович К. И.* Ишимская степь между Петропавловском и Омском в отношении ее водоносности // Горн. журн. 1893. № 2. С. 229–265 ; То же // Изв. О-ва горн. инженеров. 1893. № 1. С. 8–21 ; *Богданович К. И.* Геологические исследования вдоль Сибирской железной дороги в 1893 г. Средне-Сибирская горная партия // Горн. журн. 1894. Ч. 3, № 9. С. 337–382 ; Ч. 4, № 10. С. 72–108 ; *Богданович К. И.* О геологических исследованиях в 1893 г. вдоль Средне-Сибирской ж. д.: краткие извлечения из отчетов сибирских горных партий // Изв. Геол. ком. 1894. Т. 13. С. 229–256.

ТАГАНАЙСКОЕ И АХТЕНСКОЕ МЕСТОРОЖДЕНИЯ БУРОГО ЖЕЛЕЗНЯКА ВЪ ЗЛАТОУСТОВСКОМЪ ГОРНОМЪ ОКРУГѢ.

Студента Горнаго Института Богдановича.

Месторождения бурого железняка Златоустовскаго округа неоднократно были описываемы и при томъ такими выдающимися исследователями какъ Щуровскій, Густавъ Розе, А. И. Антиповъ, П. В. Еремѣевъ и П. В. Мушкетовъ, поэтому можетъ показаться страннымъ, что я беру на себя смѣлость снова заговорить объ этомъ предметѣ. Но со времени посвященія Златоустовскихъ рудниковъ П. В. Мушкетовымъ прошло девять лѣтъ; за это время заводоуправленіе нашло пужливымъ обратить вниманіе на правильность разработкі этихъ месторожденій; прежняя система работъ черезъ посредство подрядчиковъ, какъ было замѣнено уже Антиповымъ двадцать лѣтъ тому назадъ, неминуемо должна была привести и дѣйствительно привела рудники къ полному разстройству. Для выясненія условій залеганія руды, въ виду предполагаемыхъ правильныхъ работъ, и рѣшенія вопроса о благонадѣжности месторожденій были предприняты развідки трехъ наиболее важныхъ месторожденій Златоустовскаго округа: Нижне-Таганайскаго, Ахтенскаго и Бальскаго. Къ сожалѣнію до сихъ поръ въ литературѣ не имеется никакихъ свѣдѣній относительно данныхъ, добытыхъ этими развідками, а между тѣмъ эти данныя интересны не только въ практическомъ, но и въ научномъ отношеніи. Въ виду этого, дѣль настоящей замѣтки—побудить господъ инженеровъ Златоустовскаго округа подѣлиться съ читателями Горнаго Журнала тѣми свѣдѣніями, которыя имъ удалось собрать продолжительнымъ исследованиемъ залежныхъ месторожденій бурого железняка. Со своей стороны я попыло собѣ написать только то незначит., что мнѣ удалось собрать, благодаря любезности Горнаго Инженера Ч. П. Пандеряйскаго, во время моего кратковременнаго посвященія двухъ аштенновскихъ рудниковъ.

он руководил, были поляки, знатоки месторождений Сибири, такие как М. Ижицкий, Л. Ячевский, П. Яворовский⁷. Следует подчеркнуть, что сама разведка геологических условий проводилась на очень большой территории, охватывающей пояс до 800 км от железной дороги.

К. Богданович составил тогда геологическую карту⁸ части Енисейской губернии. В районе Кузнецкого Алатау он открыл ряд обнажений золота, по которым дошел до Западного Саяна.

Необыкновенно продуктивной была также его следующая экспедиция. На маршруте от Иркутска до Канска, насчитывающем 700 км, К. Богданович открыл много полезных ископаемых, в том числе залежи каменного угля недалеко от Черемхова⁹. Необходимо подчеркнуть тщательность его геолого-минералогических наблюдений. В отчете о проделанной работе он описал выходы каменного и бурого угля, железной руды, строительных песков и гравия, огнеупорной глины, облицовочного камня и извести для цементной промышленности. Каждое из этих месторождений он подверг тщательному геолого-экономическому анализу.

---

⁷ Среди их публикаций, например: *Яворовский П.* Полезные ископаемые в районе Средне-Сибирской железной дороги // Изв. О-ва горн. инженеров. 1900. № 6. С. 1–26; *Ячевский Л. А.* Области рек Чуны и Оны в Енисейском и Канском округах // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1895. Т. 31. Вып. 2. С. 221–222; *Ячевский Л. А.* Северный Енисейский горный округ // Горн. журн. 1894. № 1, отд. 2. С. 125–144.

⁸ Карта была опубликована как приложение к статье: *Богданович К. И.* Геологические исследования вдоль Сибирской железной дороги в 1893 г. Средне-Сибирская горная партия // Горн. журн. 1894. Ч. 3, № 9. С. 337–382; Ч. 4, № 10. С. 72–108.

⁹ Найденные в Черемхово залежи угля юрского периода были тотчас же описаны на страницах польской технической периодики. См.: *Srokowski K.* Pierwsza kopalnia węgla we Wschodniej Syberii // Prz. Techn. 1898. № 45. S. 772, а также подверглись интересному анализу: *Dobrzyński S.* Kopalnictwo węglowe w pobliżu osady Czeremchowo w Syberii Środkowej // Там же. 1903. № 29. S. 449–451. Обнаружение угля на маршруте Сибирской железной дороги гарантировало его доставку для нужд самой дороги, что было также многократно подчеркнуто в польских публикациях. См.: *Buchner W.* Droga żelazna syberyjska // Там же. 1902. № 26. S. 314–317; № 28. S. 337–339.

*Обложка книги
К. Богдановича, посвященной
полезным ископаемым
Иркутской губернии¹⁰*

В 1895–1898 гг. К. Богданович проводил геологические исследования в Хабаровском крае, на север от устья Амура, на большой территории протяженностью 600 км вдоль побережья Охотского моря, а также на Камчатке. Здесь он открыл золотоносные районы, а на Камчатке занялся изучением вулканических явлений и ледниками. Открыл также ряд горячих источников и составил геологические и топографические карты полуострова. В 1898 г. предметом его исследований стала южная Маньчжурия (окрестности Порт-Артура), где он также искал золото. Два года спустя, снова в поисках золота, он отправился на северо-восточный рубеж Азии, на Чукотский полуостров.

Эта экспедиция опять же принесла положительные результаты. В ходе нее К. Богданович проводил систематические метеорологические и климатологические наблюдения и дважды отправлялся на Аляску, изучая золотоносные районы.

Интенсивная исследовательская деятельность Богдановича в Сибири закончилась с моментом его назначения на должность геолога Геологического комитета и профессора Горного института в Санкт-Петербурге. В этот период он занимался главным образом научной и педагогической работой, а также деятельностью, связанной с организацией нефтяной промышленности в России.

В 1902 г. (после смерти профессора И. В. Мушкетова) К. Богданович стал преподавателем общей геологии и геологии по-

¹⁰ *Богданович К. И.* Материалы по геологии и полезным ископаемым Иркутской губернии // Изв. Геол. ком-та. 1896. Вып. 2. С. 1–259 ; см. также: *Богданович К. И.* Материалы по геологии и полезным ископаемым Иркутской губернии // Горн. журн. 1895. № 10. С. 15–106 ; № 11. С. 199–290 ; № 12. С. 357–454.

лезных ископаемых в Горном институте¹¹. Занятия по этим дисциплинам он проводил в 1902–1904, 1906–1913, 1917–1919 гг. и одновременно преподавал в Институте инженеров путей сообщения в Петербурге (1902–1914). В 1902 г. он получил степень доктора технических наук¹². В 1902–1904 и 1906–1919 гг. руководил кафедрой геологии в Горном институте, а в период с 1918 по 1919 г. был также деканом геологического факультета. В 1903 г. К. Богданович получил звание доктора¹³ и должность экстраординарного профессора, а в 1909 г. стал ординарным профессором¹⁴. В это же время он стал известен как великолепный

---

¹¹ Как вспоминал С. Чарноцкий, профессор И. Мушкетов обычно так говорил о Богдановиче: «Мой ученик Богданович – уже известный ученый». Первая лекция К. Богдановича, которая была проведена 11 октября 1902 г., по воспоминаниям Чарноцкого «... [была] прелестной, он давал синтез геологических исследований Мушкетова». См.: *Czarnocki S. Karol Bohdanowicz // Roczn. Pol. T-wa Geol. 1936. № 1. S. XV.*

¹² Защита диссертации прошла 8 декабря 1902 г. на основе работы «Два пересечения Главного Кавказского хребта», опубликованной в «Трудах Геологического комитета» (1902. Т. XIX. С. 1–209).

¹³ В европейской континентальной академической системе, многие особенности которой были позаимствованы российской системой послевузовского образования, существует процедура «хабилитации» (*habilis* – способный, пригодный), то есть присуждения звания доктора наук, которая следует уже после присуждения докторской степени.

¹⁴ *Jaskólski S. Karol Bohdanowicz. 1864–1947 // Roczn. Pol. T-wa Geol. 1948 (za 1947). T. 17, z. 1. S. 301–314 ; Bórska S. Wystawa w setną rocznicę urodzin Karola Bohdanowicza : Materiały z uroczystej ses. nauk. poświęconej uczczeniu setnej roczn. urodzin K. Bohdanowicza // Biul. Inst. Geol. 1969. № 232. S. 77–92.* Стоит также привести фрагмент воспоминаний самого К. Богдановича: «Я не стремился к должности профессора, но судьба распорядилась моей жизнью иначе. В 1902 г. неожиданно умер самый близкий мне в течение многих лет профессор и лучший друг Иван Васильевич Мушкетов. Совет профессоров также неожиданно выбрал меня профессором общей (геологические методы и факторы) и прикладной геологии, как бы предвидя, что наступает период, когда не время работать только и преимущественно в сфере теоретических проблем [...], а следует использовать уже полученные научные данные». Цит. по: *Bohdanowicz K. Przemówienie : Jubileusz 60-letniej pracy nauk. Prof. Dr. inż. K. Bohdanowicza // Prz. Górń. 1946. № 3/4. S. 160.*

педагог¹⁵, создал курс о залежах полезных ископаемых, а его лекции были собраны и изданы в отдельных трудах¹⁶.

В качестве признания исследовательских заслуг Богданович уже в 1901 г. был избран геологом Геологического комитета. 12 января 1913 г. был назначен и. о. заместителя директора Геологического комитета, а 24 февраля 1914 г., после смерти Ф. Н. Чернышева, стал директором этого учреждения. Назначение подписал сам Николай II 28 января 1915 г. На этой должности Богданович находился до 1919 г.¹⁷ В этот период деятельность Комитета была сконцентрирована на следующих исследовательских темах: поиск и разведка месторождений минерального сырья и определение способов его эксплуатации, а также выяснение геологических и гидрогеологических условий в регионах проектируемых и существующих систем коммуни-

---

¹⁵ Станислав Холевинский, студент Богдановича, так вспоминал спустя много лет о занятиях по геологии: «Как экзаменатор профессор Богданович не был грозой для нас – студентов. Зато <зловещей> репутацией пользовалось его собрание горных пород, располагающееся [...] на огромном столе в его скромной геологической лаборатории. Идентификация экземпляров и свойств горных пород всегда были <черной магией>». Цит. по: Holewiński S. Wspomnienia i notatki starego hutnika // Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich. Wrocław ; Warszawa ; Kraków. 1974. S. 51.

¹⁶ Среди многих учебников для студентов Горного института, впервые разработанных К. Богдановичем, следует назвать: *Богданович К. И.* Динамическая геология : в 4 т. Кн. 1–4. Курс геологии, читанный в Горном институте в 1907–1908 гг. проф. К. И. Богдановичем. СПб. : Изд-во Комис. студентов горн. ин-та, 1907–1908. Т. 1. 278 с. ; Т. 2. 219 с. ; Т. 3. 100 с. ; Т. 4. 104 с. ; *Он же.* Рудные месторождения : доп. к курсу, чит. проф. К. И. Богдановичем студентам Горн. ин-та в 1907–1908 гг. СПб. : Изд-во Комис. студентов Горн. ин-та, 1908. Вып. 1–5 ; *Он же.* Курс динамической геологии, читанный проф. К. И. Богдановичем в Горном институте. СПб. : Изд-во Комис. студентов Горн. ин-та, 1910–1913. Вып. 1–4 ; *Он же.* Железные руды России. Геологический характер их месторождений, распространение и запасы. СПб. : Изд-во Геол. Ком., 1911. [XVI], 328 с. ; *Он же.* Общая геология (Физиографическая геология (общая). СПб. : Изд. Кассы взаимопомощи студентов Горн. ин-та, 1912–1913. 128 с. ; *Он же.* Рудные месторождения : в 3 т. СПб. : Изд-во Горн. ин-та, 1912–1913. Т. 1. С. 1–294 ; Т. 2. С. 295–475 ; Т. 3. 462 с. ; *Он же.* Каменные строительные материалы. Краткое руководство для технической оценки горных пород как строительных материалов. СПб. : Изд-во Геол. ком., 1913. С. 1–100.

¹⁷ *Wójcik Z.* Karol Bohdanowicz... S. 221.

кации (дорог, железной дороги). Это подтверждали действия, предпринятые на II Общероссийском съезде геологов в сфере прикладной и поисковой геологии (1911/1912), который, помимо прочего, подтвердил необходимость сотрудничества с геологами во время выполнения работ по строительству железной дороги. Съездом было поддержано, что проект каждого туннеля должен опираться на геологическую экспертизу, относящуюся ко всему проекту железной дороги, а вдоль всей предполагаемой линии железной дороги следует выполнять топографические карты в подробном масштабе¹⁸. Следует, однако, заметить, что эти требования выдвигались уже много лет. Первый съезд специалистов, работавших в области прикладной геологии и геологических поисков, который прошел в 1903 г., также призывал к введению ряда изменений в области преподавания и применения современных исследовательских методов¹⁹.

Ученики Кароля Богдановича

Горный институт, в котором работал К. Богданович, был организован в 1773 г., в период, когда в Европе основывались первые высшие учебные заведения по горному делу. Первым польским выпускником института, который сыграл значительную роль в горном деле, был В. Хорошевский²⁰. Всего (до 1914 г.) Горный институт закончили около ста поляков, которые со временем нашли работу в российском горном деле. Обучение продолжалось пять лет и было исчерпывающим. Помимо занятий студенты проходили оплачиваемые практики на различных промышленных

---

¹⁸ *Kleczkowski A. S., Wilk Z.* Wstępne dane o działalności Polaków w zakresie hydrogeologii i geologii inżynierskiej na terenie Rosji w końcu XIX i na początku XX wieku // *Monografie z Dziejów Nauki i Techniki.* Warszawa. 1972. T. 82: Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii. S. 149–160.

¹⁹ См. заметку: *Srokowski K.* Zjazd pierwszy pracowników na polu geologii praktycznej poszukiwań górniczych // *Prz. Techn.* 1903. № 33. S. 496. Съезд принял ряд решений, представленных в Министерство земледелия и государственных имуществ Российской империи. В том числе: «1) как можно более широкий круг практических занятий в высших учебных заведениях; 2) открытие в Горном институте в Петербурге геологоразведочного отделения; [...] 8) открытие при Геологическом комитете информационного отдела; 9) подключение геологов к исследованиям и строительству железных дорог».

²⁰ *Jaros J.* Polacy w leningradzkim Instytucie Górniczym // *Kwart. Hist. Nauki i Techniki.* 1972. № 3. S. 505–510.

предприятиях, находящихся по всей России. Среди многих, кто имел возможность познакомиться с К. Богдановичем, были студенты С. Черноцкий и С. Докторович-Гребницкий²¹. Они посещали Горный институт в тот период, когда Богданович проводил свои занятия по общей геологии и геологии полезных ископаемых.

Стефан Черноцкий

Стефан Черноцкий (17 августа 1878, д. Гайлянцы Виленской губ. – 6 января 1947, г. Краков) после года учебы в Технологическом институте в Харькове поступил в 1898 г. в Горный институт в Петербурге²². В 1906 г. окончил учебу, получив звание

*Стефан Черноцкий*²³

горного инженера; был первым дипломником К. Богдановича²⁴.

В 1907–1922 гг. С. Черноцкий работал в Геологическом комитете в Петербурге, сначала как геолог-сотрудник, а с 1912 г. как геолог. В начале своей работы изучал залежи железа в западной части России и в Царстве Польском. В дальнейшем работал над геологическим строением угольных шахт, а также подсчитывал запасы каменного угля в Домбровском угольном бассейне²⁵. В последующие годы основной темой его исследований была геология нефтяного района

---

²¹ В польских архивах сохранились материалы С. Черноцкого и С. Докторовича-Гребницкого. См.: Archiwum Muzeum Ziemi PAN w Warszawie (sygn. S. 36), Archiwum Nauki PAN i PAU w Krakowie (sygn. K III-39).

²² *Doktorowicz-Hrebnicki S.* Stefan Czarnocki (1878–1947) : przewodn. Pol. T-wa Geol. w latach 1945–1947 // Roczn. Pol. T-wa Geol. 1956 (z. 1955). Z. 1. S. 44–47.

²³ Фото из: *Maślankiewicz K.* Badania geologiczne Stefana Czarnockiego na terytorium Rosji // Monografia. z Dziejów Nauki i Techniki. Warszawa, 1972. T. 82: Historia kontaktów polsko-rosyjskich w dziedzinie geologii i geografii. S. 198.

²⁴ *Черноцкий С. И.* Материалы к познанию каменноугольных отложений Домбровского бассейна // Тр. Геол. ком. Новая сер. 1907. Вып. 34. С. 1–68. За эту работу Черноцкий получил в Горном институте специальную награду им. А. Карпинского. См.: *Wójcik Z.* Karol Bohdanowicz... S. 198.

²⁵ Там же.

на Северном Кавказе, а для строящихся там железных дорог он выполнил ряд геологических экспертиз²⁶.

Для Горного департамента С. Чарноцкий подготовил работы, касающиеся залежей каменного угля, находящихся на территории Восточной Сибири и Казахстана²⁷. Сотрудничал с Богдановичем при подготовке его книг «Железные руды России» и «Рудные месторождения»²⁸, делая в том числе описания и сопоставления сибирских угольных и железных месторождений. С. Чарноцкий занимался также изучением свойств речных вод и их энергетических возможностей. Этими работами руководил К. Богданович, сосредоточив вокруг себя и других выпускников Горного института.

Станислав Докторович-Гребницкий

Станислав Докторович-Гребницкий (9 ноября 1888 г., Санкт-Петербург – 27 декабря 1974 г., Варшава) в 1906 г. начал учебу в Горном институте. Во время учебы изучал залежи руд железа, марганца, меди, хрома, золота и платины на Среднем Урале. Принимал участие в экспедиции К. Богдановича, исследующей нефтеносные территории Северо-Западного Кавказа. Закончил учебу в 1912 г., получив звание горного инженера на основе дипломных работ, выполненных под руководством Богдановича: в сфере горного дела – «Проект горно-геологических поисков на территории одной из шахт каменного угля в Донецком угольном бассейне»; в сфере геологии–

---

²⁶ Среди работ, подготовленных С. Чарноцким и посвященных этим проблемам, см., например: *Чарноцкий С. И.* Отчет об осмотре пунктов строящейся линии Армавир-Туапсинской жел. дор. // Изв. Геол. ком. 1912. № 31. С. 275–288 ; *Он же.* Отчет об осмотре намеченной к постройке линии железной дороги Армавир-Ставрополь-Петровское // Там же. С. 289–306 ; *Он же.* Отчет о командировке на строящуюся линию Подольской жел. дор. для исследования вопроса об оползнях // Там же. № 32. С. 397–412.

²⁷ Опубликовано в: Очерк месторождений ископаемых углей России. СПб. : Геол. ком., 1913. IX, 577 с. Среди авторов первым указан С. И. Чарноцкий.

²⁸ *Богданович К. И.* Железные руды России. Геологический характер их месторождений, распространение и запасы. СПб. : Геол. ком., 1911. XVI, 328 с. ; *Он же.* Рудные месторождения. Т. 1–2. СПб., 1912–1913. Т. 1. 486 с. ; Т. 2. 462 с.

*С. Докторович-Гребницкий
в период деятельности
в Сибири²⁹*

Дабан и на Моностойском хребте на южном побережье оз. Байкал³¹.

В 1915 г. он приступил к работе, связанной с поиском залежей флюорита в Долдурдже, в восточной части Забайкалья, а также недалеко от станицы Куража на р. Онон³². В том же самом году он проводил геологические изыскания в районе золотого рудника недалеко от станицы Новостроицкой,

«Описание скальных месторождений кобальта в Дашкесане Закавказского края»³⁰.

Почти сразу же по окончании института он был принят на государственную службу в Геологическом комитете, сначала был геологом-ассистентом, а в дальнейшем получил должность геолога-адъюнкта. Первое время собирал и обрабатывал фауну мелового периода с черноморского побережья Кавказа. В течение последующих 10 лет проводил геологоразведочное изучение на необъятных, почти диких просторах Сибири. В 1913–1914 гг. С. Докторович-Гребницкий проводил геологические исследования юго-западной части Забайкальской области, в горах Хамар-

---

²⁹ *Zdanowski A., Rejman A. Badania geologiczne Profesora Stanisława Doktorowicz-Hrebnickiego (1888–1974) w regionie zabajkalskim // Prz. Geol. 2010. № 1. S. 31.*

³⁰ Работа была опубликована в 1912 г.

³¹ Полевые работы проводились на основе проекта, разработанного первоначально К. Богдановичем в Геологическом комитете. В экспедициях кроме С. Докторовича-Гребницкого участвовал также А. К. Мейстер, геолог, специализировавшийся на поисках месторождений золота. См.: *Zdanowski A., Rejman A. Badania geologiczne... S. 31–41.*

³² *Ciuk E. Stanisław Doktorowicz-Hrebnicki 1888–1974 // Roczn. Pol. Tow. Geol. 1975. Z. 3/4. S. 469–476 ; Zdanowski A., Rejman A. Badania geologiczne... S. 33.*

на севере Нерчинска. Занимался также исследованиями месторождений руд вольфрама на склонах горы Букука и в Хараноре в Нерчинском горном округе³³.

Поиски вольфрамовых руд он продолжал в горах Кукульбей возле р. Борзя, а также под Харанором на границе Сибири, Монголии и Маньчжурии³⁴.

---

³³ В путешествиях С. Докторовича-Хребницкого сопровождала жена Малгожата, которая вела подробный дневник экспедиции, опубликованный лишь недавно. См.: *Hrebnička M. Stanisław Doktorowicz-Hrebnički. Życie i podróże geologiczne w świetle dzienników żony* // Państw. Inst. Geol. Warszawa, 2011. 187 s. (Seria «Wokół geologii»).

Фрагмент записи 15 июня 1913 г.: «Наконец мы в тайге. Шли по очень интересной, но трудной как для коней, так и для людей дороге в течение пяти часов, а проехали только 20 верст. Сначала мы свернули с Кяхтинского тракта на дорогу, которая сейчас уже совсем заброшена. С левой стороны ехали почти по самому краю склона горы. Внизу растиался густой лес, дальше высокие горы, вид очень красивый. С тракта свернули на узкую тропинку. [...] Постоянно то въезжали, то съезжали с горы, порою очень обрывистой, так, что нужно было сильно отклоняться назад в седле. Хорошо, что не было дождя, а значит, не скользко, иначе было бы очень плохо, потому что иногда дорожка шла по совершенно обрывистому склону и отлого. Чем дальше, тем делалось более дико. Иногда тропинка совсем пропадала, нашим указателем все время были насечки, сделанные на деревьях. Эти знаки делали инженеры путей сообщения при прошлогодних «изысканиях». Мы проходили через болота и быстрые реки, горячие дымящиеся пепелища, по местам, покрытым одними камнями и бревнами. По дороге лучше обозначенной было идти не намного удобнее: постоянно приходилось перелезать через пни, поваленные деревья, корни, камни. [...] Мы все время шли вдоль реки Зарьяты до места, где она впадает в Мантуриху, на берегу которой разложили свои палатки. Нас окружает лес – пихты, кедры, сосны и березы. (По дороге мы видели огромные, толстые кедры). Пихты очень красивые, у них более длинные иглы, выглядят пушистее, кора совершенно гладкая, очень симпатичные, потому что не колются, а имеют мягкие иглы. Мантуриха достаточно широкая река, быстрая, прозрачная. Здесь хорошо, потому что уже совсем дико – тракт далеко и люди еще не исказили культурой этих диких уголков...». Пер. цит. по: *Hrebnička M. Stanisław... S. 43–44.*

³⁴ Некоторые из публикаций, представляющие результаты полевых работ: *Докторович-Хребницкий С. А.* Отчет об исследовании месторождений плавикового шпата в Забайкальской области // *Материалы по общей и прикладной геологии.* Петроград, 1916. Вып. 3. С. 1–21; *Он же.* Вольфрамовые месторождения Кукульбей // Там же. 1921. Вып. 38. С. 1–132; *Он же.* Очерк железных месторождений Николаевского завода Иркутской губернии // *Тр. Гл. Геол.-развед. управления ВСНХ.* 1931. Вып. 33. С. 1–114.

С. Докторович-Гребницкий исследовал также залежи дымного кварца (тридимита), топаза и аквамарина, выступающие в горах Адун-Челон и месторождения оловянных руд возле станции Оловянная. В 1917 г. он изучал залежи молибденовых руд на р. Чикой в центральной части Забайкалья. В 1918–1920 гг. выполнял картографические работы в юго-западном Забайкалье, в долине р. Хилок, являющейся притоком р. Селенги, а также на южном побережье оз. Байкал, где занимался исследованием залежей слюды в окрестностях Слюдянки.

В течение последнего периода работы в Горном комитете, в 1921 г. С. Докторович-Хребницкий занимался исследованием месторождений железных руд возле Братского острога на р. Ангара, а также залежей угля в Черемхово. До июля 1922 г. Докторович-Хребницкий был также ученым секретарем Сибирской секции Геологического комитета.

Резюме

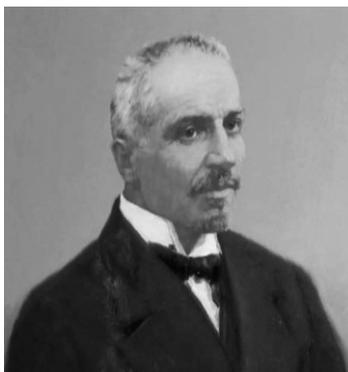
Научная деятельность К. Богдановича, а также его учеников охватывала обширные отрасли геологических наук и горного дела. Являясь одним из крупнейших геологов России, он воспитал инженеров, которые долгое время занимали ответственные должности, руководя изучением минеральных ресурсов страны. После возвращения в Польшу они продолжили свою научную деятельность³⁵.

Созданная К. Богдановичем специальность «геология полезных ископаемых», которая преподавалась в Горном институте, постепенно стала отличаться от геологических наук. Она включала в себя целый спектр проблем, начинавшийся с поиска и разведки минерального сырья, оценки их качества и количества, и заканчивая геологическим обслуживанием предприятий горного дела. Эти задачи хорошо понимал К. Богданович, когда принимал должность преподавателя в Горном институте и руководство в Геологическом комитете. Именно поэтому он считал, что только близкий контакт науки

---

³⁵ К. Богданович вернулся в Польшу в середине 1919 г., С. Докторович-Гребницкий – в июле 1922 г., С. Черноцкий – в августе 1922 г.

с промышленностью может гарантировать их общее развитие. Эту деятельность он проводил в течение многих лет вместе со своими учениками также и в Польше, организуя «с нуля» польскую геологическую службу. Однако он никогда не забывал о своих «корнях» и наилучшим образом это выражают его слова: «В России были мои учителя средней и высшей школы; там я оставил также многочисленных своих учеников, о которых сохранил много теплых воспоминаний»³⁶.

*Портрет К. Богдановича –
директора Геологического комитета,
находящийся во Всероссийском
научно-исследовательском
геологическом институте
(Санкт-Петербург)*

---

³⁶ Arch. Państw. Inst. Geol. Rękopis IG/140. Bohdanowicz K. Moje wspomnienia. Warszawa, 1947(?). S. 14.

Леонид Казимирович ОСТРОВСКИЙ

кандидат исторических наук, доцент,
Новосибирский государственный архи-
тектурно-строительный университет (Ново-
сибирск)

Источники по истории польской диаспоры в Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.

Анализируется комплекс источников по истории польской диаспоры в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Рассмотрены опубликованные и неопубликованные статистические, делопроизводственные и мемуарные источники, а также периодические издания.

Ключевые слова: польская диаспора, Западная Сибирь, конец XIX – начало XX в., история, источники.

Весь комплекс опубликованных и неопубликованных источников по истории польской диаспоры в Западной Сибири в 1890–1920-е гг. можно разделить на несколько основных видов: статистические материалы, делопроизводственная документация, периодическая печать и мемуарная литература.

Среди опубликованных статистических источников решающее значение для выявления численности польского населения в Сибири имеют материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.¹ Для выявления численности польского населения в Западной Сибири до революции 1917 г. можно использовать также местные статистические обзоры, которые выходили в Тобольской и Томской губерниях и Акмолинской области². После Первой мировой и Гражданской войн состав польского

© Островский Л. К., 2013.

¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 79. Томская губерния. СПб., 1904. 245 с. ; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 78. Тобольская губерния. СПб., 1905. 247 с. ; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 81. Акмолинская область. СПб., 1904. 135 с.

² Обзор Акмолинской области за...[1903 г., 1910–1915 гг.] Омск, 1905, 1911–1915, 1917 ; Обзор Тобольской губернии за...[1897 г., 1899 г., 1901 г., 1904 – 1906 гг., 1911–1914 гг.] Тобольск, 1898, 1900, 1902, 1905–1907, 1913–1916 ; Обзор Томской губернии за...[1896 г., 1897 г., 1900–1911 гг.]. Томск, 1897, 1898, 1901, 1902, 1904–1908, б. г., 1910, 1912.

населения подвергся серьезным изменениям. Это можно проследить по результатам переписей 1920 и 1923 гг.³ После репатриации 1921–1924 гг. численность польского населения в Сибири сократилась, что нашло отражение в материалах переписи населения 1926 г.⁴

Большую ценность для характеристики социально-экономического и культурного развития городов Сибири представляют справочные издания конца XIX – начала XX в.: памятные книжки, справочные книжки и адрес-календари, которые в дореволюционный период выпускались в губернских и областных центрах Российской империи⁵. Они являются важным источником для анализа предпринимательской деятельности поляков и выяснения их числа среди чиновников государственных учреждений и членов общественных организаций городов Запад-

---

³ Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. М., 1927. Ч. 4. 229 с.; Итоги демографической переписи 1920 года по Омской губернии. Вып. 2. Омск, 1923. 107 с.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 4. Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР. М., 1928. 423 с.; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 6. Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. М., 1928. 390 с.

⁵ Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на... [1890 г., 1892 г., 1895 г., 1897 г., 1900 г., 1909 г., 1916]. Томск, 1890, 1892, 1895, 1897, 1900, 1909, 1916; Памятная книжка Томской дирекции народных училищ 1900 года. Томск, 1900. 161 с.; Календарь Тобольской губернии на... [1890 г., 1891 г., 1893 г., 1894 г., 1895 г., 1897 г.]. Тобольск, 1889, 1890, 1892, 1893, 1894, 1897; Адрес-календарь Тобольской губернии на... [1900 г., 1901 г., 1904 г., 1906 г.]. Тобольск, 1899, 1900, 1904, 1906; Памятная книжка Акмолинской области на... [1909 г., 1916 г.]. Омск, 1909, 1916; Памятная книжка города Омска и Акмолинской области на 1913 год. Омск, 1913. Ч. 1. 532 с.; Ч. 2. 462 с.; Памятная книжка и адрес-календарь Акмолинской области на 1912 год. Омск, 1912. 444 с.; Памятная книжка Тобольской губернии на... [1907–1915 гг.]. Тобольск, 1907–1915; Памятная книжка Томской губернии на... [1908 г., 1910 г., 1911–1915 гг.]. Томск, 1908, 1910, 1911–1915.; Адрес-календарь на 1893 г. должностных лиц правительственных и общественных установлений Степного генерал-губернаторства. Омск, 1893. 52 с.; Справочная книжка на 1895 г. о должностных лицах правительственных и общественных установлений Омского военного округа и Степного генерал-губернаторства. Омск, 1894. 31 с.

ной Сибири⁶. Проследить развитие польского предпринимательства и роль поляков в государственном управлении на территории края позволяют также справочные материалы, опубликованные в 1894–1915 гг. на страницах «Сибирского торгово-промышленного и справочного календаря»⁷. Роль поляков в развитии горного дела, железнодорожного транспорта и водных путей сообщения, а также в работе по организации переселенческой политики в Сибири помогают выяснить опубликованные списки личного состава этих ведомств⁸.

---

⁶Адрес-календарь г. Барнаула на 1910 г. Барнаул, 1909. 101 с. ; Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда, Тобольской губ. 1909 г. Курган, [б. г.]. 176 с. ; Весь Новониколаевск. Адресно-справочная книга на 1924–1925 год. С краткой историей и планом города. Новониколаевск, 1925. 178 с. ; Весь Омск. Справочник-указатель на 1911 год. Омск, 1911. 178 с. ; Весь Омск. Справочник-указатель на 1913 год. Омск, б.г. 127 с.; Город Томск. Томск, 1912. 349 с. ; Список улиц г. Томска с поименованием домовладельцев и указанием деления на полицейские, мировые и следственные участки : сост. по распоряжению Том. полицмейстера. 1908 г. Томск, 1908. 97 с. ; Справочная книжка по г. Тюмени на 1899 год. Тюмень, 1899. 37 с. ; Справочная книжка по г. Тюмени на 1900 год. Тюмень, 1900. 68 с.

⁷ Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на... [1894–1896 гг., 1898–1901 гг., 1904–1907 гг.]. Томск, 1893, 1895, 1896, 1898–1901, 1904–1907 ; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1910 год. СПб., 1910. 236 с. ; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 год. СПб., [б. г.]. 352 с. ; Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. СПб., [б. г.]. 570 с. ; Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914–1915. Петроград, [б. г.]. 657 с.

⁸ М.П.С. Сибирская железная дорога. Список личного состава на 1 февраля 1911 года : изд. канцелярии начальника дороги. Вып. 6. Томск, 1911. 104 с. ; Список горным инженерам : сост. по 15 авг. 1897 г. СПб., 1897. 417 с. ; Список горным инженерам : сост. по 15 июля 1901 г. СПб., 1901. 470 с. ; Список горным инженерам : сост. по 1 июня 1910 г. СПб., 1910. 580 с. ; Список горным инженерам : сост. по 25 марта 1915 г. Петроград, 1915. 561 с. ; Справочная книжка Томского округа путей сообщения. Томск, 1908. 366 с. ; Список чинам министерства земледелия и государственных имуществ. СПб., 1896. 602 с. ; Список чинов ведомства Кабинета его императорского величества. 1909 год. [Б. м. и г.]. 324 с. ; Список чинов ведомства Кабинета его императорского величества. 1916 год. [Б.м. и г.]. 359 с.

Статистические данные, касающиеся польской диаспоры Западной Сибири в рассматриваемый период, можно найти как в центральных, так и в сибирских государственных архивах.

Одним из основных источников, дающих представление о количественном составе польской диаспоры Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., являются метрические книги местных католических приходов. Они хранятся, например, в Историческом архиве Омской области (ИсАОО), в фонде 348 «Омский римско-католический приходской костел»; Государственном учреждении Тюменской области «Государственном архиве в г. Тобольске» (ГУТО ГАТ), в фонде 156 «Тобольская духовная консистория»; Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО), в фонде Д-156 «Коллекция метрических книг», который включает метрические книги Спасского, Тимофеевского и Каинского католических храмов. Сведения о численности католического населения Томской губернии в начале XX в. содержатся также в Государственном архиве Томской области (ГАТО), в фонде 239 «Томский переселенческий район» в материалах переписки, которая касалась ходатайств католиков, проживавших в селениях данной губернии, об удовлетворении их церковных нужд. Фонд 3 «Томское губернское управление» содержит списки членов Римско-католического благотворительного общества.

В ГАРФ, в фонде ЦЕНТРОЭВАКА, находятся документы, характеризующие работу местных и центральных организаций помощи беженцам. Данный массив документов позволяет составить представление о количестве польских беженцев и военнопленных на территории Сибири, о ходе их эвакуации на родину. Среди региональных архивов источники, наиболее полно характеризующие процесс репатриации поляков после подписания мирного договора между Польшей и РСФСР, представлены в ГАНО. В фонде Р-1 «Сибирский революционный комитет» хранятся документы, которые позволяют определить численность и состав польских военнопленных, беженцев и оптантов. Материалы Государственного архива в г. Тобольске (Ф. 159 – «Тобольское губернское жандармское управление») дают представление о количестве военнопленных Первой мировой войны, прибывших на территорию Тобольской губернии.

В сибирских архивохранилищах также можно найти статьи и распределительные списки ссыльных, сведения о численности чиновников польской национальности в различных

ведомствах и отраслях хозяйства, местных партийных организациях, количестве польских школ.

Делопроизводственную документацию, имеющую отношение к жизни польской диаспоры в Западной Сибири на рубеже XIX–XX в., можно сгруппировать по нескольким темам: 1) предпринимательская деятельность поляков (представлена в фондах Государственного архива Алтайского края (ГААК) Д-4 «Главное управление Алтайского округа», Д-219 «Барнаульская городская управа», Д-69 «Томская губернская казенная палата»; Государственного архива в г. Тобольске: фонд 353 «Строительное отделение Тобольского губернского управления»); 2) вклад поляков в управление (документы фонда 152 «Тобольское общее губернское управление» Государственного архива в г. Тобольске); 3) деятельность местных римско-католических благотворительных обществ; 4) строительство католических храмов. Фонд Р-922 «Алтайский губернский отдел по делам национальностей» ГААК содержит данные о польской школе Барнаула.

Материалы о деятельности польских организаций помощи беженцам в годы Первой мировой войны и военных организаций в Сибири в 1917–1918 гг. имеются в фондах центральных и местных архивов. Например, в ГАРФ в фонде 5111 «Польские военные организации на территории России» и 5115 «Польские организации помощи беженцам в годы Первой мировой войны».

В ГАТО делопроизводственные документы, касающиеся польских военнопленных, содержатся в нескольких фондах. Это фонд 3 «Томское губернское управление», где находятся прошения и жалобы ссыльных, переписка о ссыльных, отправленных в Сибирь после начала Первой мировой войны, документы «Общества вспомоществования семьям поляков, участвующих в войне». В фонде 214 «Управление Томской железной дороги Сибирского округа путей сообщения» содержатся материалы об эвакуации на родину польских беженцев, в фонде 416 «Томский уездный воинский начальник» – о нахождении в Томской губернии военнопленных Первой мировой войны.

В ИсаОО ценные материалы о деятельности польских военных организаций в Омске содержатся в фонде Р-1502 «Гарнизонный комитет военного отдела Омского совета рабочих и солдатских депутатов». В ГАНУ документы фонда Д-97 «Новониколаевская городская управа» позволяют рассмотреть вопрос о пребывании на территории города в 1919 г. польских военных частей.

В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) хранятся документы, отражающие работу местных польских коммунистических секций. В фонде 63 «Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б)» содержится переписка Барнаульского губкома РКП (б) с особым отделом 5-й армии, протоколы заседаний Польбюро при Омском Сиббюро ЦК РКП (б), собраний польских секций РКП (б) городов Омска, Тобольска, Томска, польской секции Тюменского губкома. Данные материалы позволяют изучить состав польских секций РКП (б) в городах Сибири и основные формы их работы с населением. Подобные документы есть и в региональных архивах, например, в ИсАОО можно найти сведения о работе местных польских секций РКП (б) среди населения в городе Омске и других населенных пунктах региона.

Среди источников личного происхождения наибольший интерес для исследователей, занимающихся историей пребывания поляков в Сибири, представляют материалы, раскрывающие деятельность наиболее выдающихся представителей польской диаспоры. Так, в ГАТО имеется личный фонд известного врача и общественного деятеля В. С. Пирусского.

Материалы Сибирской комиссии по изучению истории коммунистической партии (Сибистпарт), хранящиеся в ГАНО в одноименном фонде (Ф. П-5 и коллекция П-а), содержат воспоминания участников подпольного революционного и партизанского движения. Эти источники позволяют изучить историю карательных экспедиций, проводившихся польскими войсками против партизан Западной Сибири.

В ГААК документы фонда Р-602 «Баевский районный военно-революционный штаб» содержат воспоминания участников партизанского движения на Алтае, которые являются важным источником для изучения походов подразделений 5-й польской дивизии против партизан.

Среди опубликованных источников личного происхождения при изучении истории польской диаспоры в Западной Сибири наибольшее значение имеет мемуарная литература. Следует, однако, заметить, что этому виду исторических источников присущи некоторые недостатки. В отличие от писем – документов, возникших непосредственно в ходе событий, мемуары создавались, как правило, через несколько лет, а то и десятилетий после

описываемых событий. В связи с этим воспоминания нередко грешат ошибками и неточностями и требуют критического подхода.

Мемуарную литературу по истории поляков в Западной Сибири в 1890–1920-е гг. можно разделить на три группы. Первую группу составляют воспоминания поляков, добровольно приехавших в Сибирь или уже проживавших в крае в конце XIX – начале XX в. В качестве примера можно привести мемуары сына известного предпринимателя М. Андроновского, которые дают возможность представить образ жизни польской предпринимательской семьи в Сибири на рубеже веков⁹. История польской общины Томска, ее культурная и религиозная жизнь получила освещение в воспоминаниях Александра Мацешчи¹⁰ и Виктора Маньковского¹¹, которые содержат сведения о составе польской колонии и образе жизни поляков города, деятельности Римско-католического благотворительного общества и польской библиотеки, участия поляков в музыкальной жизни Томска.

Ко второй группе относятся воспоминания поляков, которые попали в плен в годы Первой мировой войны. Многие из них затем служили в рядах 5-й польской дивизии и их воспоминания являются важным источником для изучения истории польских военных формирований в Сибири¹², вовлеченности польских частей в военные действия на территории края¹³.

Профессор Ягеллонского университета Роман Дыбоский оказался в русском плену как офицер австро-венгерской армии. Его воспоминания представляют собой богатый материал по

---

⁹ *Andronowski M.* Ze wspomnień ojca, powstańca 1863 r., sybiraka // Sybirak. 1938. № 1/2. S. 14–22.

¹⁰ *Macieszka A.* Dzieje kolonii polskiej w Tomsku. Poznań, 1934. 22 s.

¹¹ *Mańkowski W.* Polacy w Tomsku w latach 1910–1921 // Sybirak. 1938. № 3. S. 41–54.

¹² *Scholze-Srokowski W.* Geneza Wojska polskiego na Syberji // Там же. 1936. № 1(9). S. 3–13.

¹³ *Он же.* V Dywizja Strzelców polskich na Syberii // Antoni Kuczyński. Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory : antologia hist.-kultur. Wrocław, 1993. S. 351–365 ; *Chłusiewicz B.* W obronie honoru żołnierzy 5-j Dywizji Syberyjskiej // Sybirak. 1937. № 1. S. 8–18 ; *Skorobohaty-Jakubowski J.* Cieniom towarzyszy broni pod Tajgą // Там же. 1935. № 4. S. 53–54.

истории формирования польских войск в Сибири, деятельности польских политических организаций, таких как Польский военный комитет в России (ПВК) и Польский национальный комитет для Сибири и России (ПНК)¹⁴. Данный период нашел отражение в воспоминаниях еще одного бывшего в плену поляка – П. Смолика. В отличие от других мемуаристов, он пытался критически посмотреть на историю польской общины в Сибири, отмечая, что поляки для того чтобы адаптироваться к окружающему миру были готовы отказаться от своего языка и национальных традиций¹⁵.

Третью группу мемуарных источников составляют воспоминания русских и польских революционеров, оказавшихся в сибирской ссылке. В советское время огромную роль в выпуске воспоминаний ссыльных сыграло Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Множество публикаций мемуарного характера появилось на свет на страницах журналов «Каторга и ссылка» (издавался в Москве в 1921–1935 гг.), «Сибирские огни», «Пути революции» (выпускало Казанское бюро испарта в 1921–1935 гг.)¹⁶.

Важным источником по истории национальных меньшинств Сибири, в том числе поляков, является периодическая печать. Пресса конца XIX – начала XX в. важна прежде всего как информационный источник. Например, газета «Сибирская жизнь» в Томске помещала сообщения о жизни католической общины города, публиковала отчеты правления Римско-католического благотворительного общества в Томске. Объявления, публиковавшиеся на страницах «Сибирской жизни», «Народной летописи» (Новониколаевск), «Алтайского дела» и «Жизни Алтая» (Барнаул) сообщали о проведении польской общиной различных культурных мероприятий: танцевальных вечеров, спектаклей, литературно-

---

¹⁴ *Dyboski R.* Siedem lat w Rosji i na Syberji (1915–1921). Kraków, 1922. 253 s.

¹⁵ *Smolik P.* Przez lądy i oceany (sześć lat na Dalekim Wschodzie). Warszawa, [b.r.]. 160 s.

¹⁶ *Гитер-Гранатштейн Н.* Воспоминания о каторге // Каторга и ссылка. 1930. № 5. С. 160–169 ; *Дзикович Т.* Памяти старого коммункора Б. Веселовского // Пути революции. 1925. № 2. С. 216–218 ; *Здзярский М. Б.* По этапам в годы войны (1914–1921) // Каторга и ссылка. 1933. № 11. С. 36–59 ; *Косарев В.* Воспоминания о Нарымской ссылке // Сиб. огни. 1922. № 4. С. 68–83.

музыкальных вечеров, лекций. Так же помещались объявления о проведении польскими организациями съездов, собраний и мероприятий. В прессе нашли отражение события, связанные с работой польских школ в городах Сибири.

С началом Первой мировой войны развернули свою работу польские организации помощи беженцам. Информация об их работе также нашла отражение на страницах сибирских газет. К примеру, публиковались отчеты организаций, которые занимались оказанием помощи беженцам. В 1917 г. активизировалась деятельность польских политических партий в Сибири, появились организации польских военнослужащих, польские общественные организации, что нашло отражение в публикациях на страницах сибирских газет.

Накануне и в годы Гражданской войны в Сибири выходило в свет несколько изданий на польском языке. В июле 1916 г. Хенрик Булышко – владелец типографии в Новониколаевске – организовал выпуск еженедельника «Głos Syberii» («Голос Сибири»). Газета выходила в течение года и прекратила свое существование летом 1917 г. С начала 1919 г. и до осени этого же года в Новониколаевске под эгидой польского военного командования выходили три журнала «Głos Polski» («Голос Польши»), «Żołnierz Polski we Wschodniej Rosji» («Польский солдат в Восточной России») и «Harcerz Polski na Syberii» («Польский харцер в Сибири»).

На страницах региональной прессы получили отражение практически все стороны жизни поляков, проживавших в городах края. Недостаток прессы как источника состоит в том, что она отражала в основном жизнь городского общества и практически не содержала информации о жизни сельского населения.

Таким образом, существующий комплекс как опубликованных, так и неопубликованных источников представляется достаточным для всестороннего изучения истории поляков в Западной Сибири на рубеже XIX–XX в.

доктор *Збигнев ТУХОЛЬСКИЙ*
Институт истории науки Польской академии наук (Варшава)

Участие поляков в строительстве Транссиба и Китайско-Восточной железной дороги: к постановке вопроса

Рассматриваются актуальность и перспективы реализации исследовательского проекта, посвященного участию поляков в строительстве и эксплуатации Транссибирской и Китайско-Восточной железных дорог в период с 1891 по 1917 г.

Ключевые слова: Транссибирская железная дорога, Китайско-Восточная железная дорога, железнодорожное строительство, поляки.

Транссибирская железная дорога (Транссиб) была построена в 1891–1916 гг., ее создание было связано с реализацией концепции мирной экспансии России министра С. Ю. Витте. Строительство линии от Москвы до Владивостока длиной 9288,2 км стало для того времени гигантским инженерным и экономическим предприятием. В 1897–1903 гг. была сооружена Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД), которая считалась южной веткой Транссиба. Транссиб и КВЖД являлись капиталовложениями, характеризующими колониальную политику рубежа XIX и XX в., поскольку в этот период железные дороги нередко представляли собой ось экспансии.

Объект требовал огромного мастерства, самостоятельности и импровизации со стороны проектировщиков и строителей. Во время работ, связанных с прокладкой отдельных отрезков дороги, впервые в Российской империи были проведены тщательные геологические исследования при выборе соответствующей территории для строительства.

При сооружении Транссибирской магистрали работало много польских инженеров, техников и строителей, имевших значительные профессиональные достижения, а КВЖД можно даже

назвать своеобразным «анклавом» поляков, настолько большое польское землячество было среди ее строителей и обслуживающего персонала.

Выдающиеся польские инженеры внесли значительный вклад в развитие железнодорожной инфраструктуры на территории России. Позже, в межвоенное двадцатилетие, они осуществляли строительство крупнейших железнодорожных объектов в Польше. В их числе были профессор А. Васютинский (создатель проекта перестройки Варшавского железнодорожного узла и строительства железной дороги, пересекающей центр города), Ю. Эбергард (первый после 1918 г. министр транспорта) и Ю. Новкуньский (проектировщик и строитель линии Калеты – Подзамче, а также угольной магистрали Хербы – Гдыня). На российских железных дорогах в качестве признания заслуг проектировщиков-поляков – инженеров коммуникации, некоторые станции названы в их честь. Например: «Эбергард», «Красицкий» и «Массальский» на Транссибе и КВЖД.

Заметное участие поляков в российском железнодорожном строительстве было связано с политикой русификации, проводившейся в тот период в Царстве Польском. Российские власти давали возможность способным инженерам и техникам сделать карьеру в России, ограничивая ее в Царстве Польском и Литве. Таким образом под видом служебной необходимости вглубь страны переводили неблагонадежных работников железной дороги, чтобы изолировать их в отдаленных регионах. Другим, не менее важным фактором, который был причиной того, что многие поляки начали работать на строительстве и сфере эксплуатации железной дороги в Сибири, были экономические причины, – там они получали значительно большее вознаграждение за свою работу в сравнении с другими российскими железными дорогами. Наконец, работа в трудных, суровых климатических условиях, несомненно, привлекала людей, ищущих приключений и желающих проверить свои профессиональные навыки в экстремальных условиях.

Существенный вклад в строительство Транссиба внесли также производственные предприятия Царства Польского, являвшиеся поставщиками оборудования и материалов. Основным исполнителем стальных конструкций мостов был завод акционерного общества «Рудзкий и К^о»¹ в Новоминьске (в наст. вр.

---

¹ «Rudzki i S-ka». – Прим. пер.

Миньск-Мазовецкий). Это промышленное предприятие участвовало в строительстве самого длинного на то время моста в Евразии и второго по протяженности в мире (после моста на р. Миссисипи) Амурского моста на р. Амур. Элементы мостов доставлялись по железной дороге из Новоминьска в Одессу, потом грузились на корабли и по морю перевозились на Дальний Восток до Николаевска в устье Амура (в наст. вр. Николаевск-на-Амуре – прим. пер.) и, после очередной перегрузки, баржами по реке (часто на расстояние 2500 км) транспортировались непосредственно на место монтажа.

В целях скорейшей реализации стратегического строительства было решено сделать ряд временных развязок, в том числе построить однокольную линию и организовать паромную переправу через оз. Байкал, до окончания постройки трудного отрезка Кругобайкальской железной дороги. Российские инженеры в значительной степени основывались на технических решениях, использовавшихся в американском и канадском железнодорожном деле. Строительству магистрали предшествовала работа специально созданной при Императорском Русском техническом обществе «Комиссии по вопросу о железной дороге через всю Сибирь», которая анализировала североамериканский опыт. В дальнейшем он был адаптирован к сибирским климатическим и территориальным условиям.

В связи с необходимостью быстрого строительства Транссибирской железной дороги из США было доставлено оборудование, рельсы и железнодорожный подвижной состав, паровозы серии Х². Это необыкновенно интересное обстоятельство не принималось во внимание в советской историографии. Оно показывает значительное участие иностранной технической мысли в создании инженерных объектов и формировании передвигного состава на железной дороге, которое после творческой адаптации способствовало в конечном итоге модернизации российской техники и экономики.

Огромное стратегическое значение Транссибирской железной дороги явственно видно и в новейшей истории России. Так, одной из причин поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. была ограниченная пропускная способность

---

² Паровоз Х – русский грузовой паровоз (первый паровоз такого типа на российских железных дорогах) производства американского завода «Балдвин» («Baldwin»). – Прим. пер.

Транссиба и КВЖД, особенно кругобайкальского участка. В период революции 1917 г. контроль над линией был ключом к обладанию Сибирью, а его удержание дало возможность частичной эвакуации чешским и польским отрядам. Во время Второй мировой войны железная дорога также позволила оперативно эвакуировать промышленность за Урал, а также доставить на линию фронта необходимые резервы и снаряжение.

Несмотря на все более часто появляющиеся в России монографические работы, касающиеся истории российской железной дороги³, в том числе Транссиба и КВЖД⁴, в польской историографии до настоящего времени не создано обобщающего научного труда, посвященного данной проблематике и отражающего вклад поляков в строительство этих магистралей. Исследования вклада поляков в железнодорожное строительство в России также ограничиваются лишь отдельными статьями и редкими вкраплениями в монографиях по истории поляков в Сибири⁵. Однако появление такой работы, несомненно, явля-

---

³ См., например: *Аксененко Н. Е., Лapidус Б. М., Мишарин А. С.* Железные дороги России: от реформы к реформе. М. : Транспорт, 2001. 335 с. ; История железнодорожного транспорта России: в 2 т. М. : [б. и.], 1994 ; Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. : справ. изд. М. : [б. и.], 1996. 223 с. ; *Крейнис З. Л.* Очерки истории железных дорог. Два столетия. М. : Учеб.-метод. центр по образованию на ж.-д. трансп., 2007. 333 с.

⁴ См., например: *Залужная Д. В.* Транссибирская магистраль: ее прошлое и настоящее : ист. очерк. М. : Мысль, 1980. 287 с. ; *Сапилов Е. В.* Из истории сооружения Сибирской железнодорожной магистрали (к 100-летию завершения строительства). М. : [б. и.], 2001. 138 с. ; *Тестов В. Н.* Реализация грандиозного проекта сооружения Транссибирской магистрали в эпоху императора Александра III (1881–1894). Воронеж : Воронеж. центр новых технологий и инноваций, 2011. 175 с. ; *Аблова Н. Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск : БГУ, 1999. 316 с.

⁵ См., например: *Шуклина Н. Я.* Поляки – строители Транссиба (К. Я. Михайловский и В. И. Роецкий) // Исторические чтения : материалы науч. конф. «Неизвест. Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). Челябинск, 1996. С. 17–25 ; *Наумова Н. И.* Поляки-железнодорожники в освоении Транссибирской магистрали (первая четверть XX в.) // Человек – текст – эпоха. Томск, 2008. Вып. 3: Социокультурные аспекты освоения Сибири. С. 142–159 ; *Василенко Н. А.* Кто строил КВЖД: о численном и национальном составе населения КВЖД в 1897–1917 гг. // Россия и АТР. 1995. № 2. С. 65–71.

ется важным в связи с огромным значением железнодорожной отрасли для истории России и Сибири. Это исследование должно охватывать целый ряд проблем, находящихся на границе экономической и социальной истории, учитывать технико-эксплуатационные аспекты и исследования социальной структуры железнодорожных работников.

Исследовательской задачей автора данной статьи является изучение участия поляков в строительстве и эксплуатации Транссиба и КВЖД в период от времени начала строительства линии (1891 г.) и до революции 1917 г. Территориальные рамки исследования охватывают всю протяженность Транссиба вместе с КВЖД. Проект должен быть реализован в Институте истории науки Польской академии наук. В состав исполнителей планируется включить польских и российских историков – специалистов в сфере истории железнодорожного дела, а также ученых, занимающихся социальной, экономической и военной историей.

Для установления основных биографических данных лиц, связанных со строительством и эксплуатацией Транссиба, следует использовать опубликованные источники: «Памятные книжки губерний и областей Российской империи», областные и общероссийские адрес-календари, перечни и списки персонала, нормативные акты Министерства транспорта и связи Российской империи, списки выпускников российских технических учебных заведений, а также труды по данной проблематике, изданные в Польше и России (см., например: «Биографический словарь инженеров и техников»)⁶. Обработка этой информации позволила бы наметить группы лиц для дальнейшего поиска сведений о них в архивах. Эти поиски должны охватывать личные дела и обширную документацию отдельных железных дорог, хранящиеся в российских архивах. Параллельно следует предпринять поиски материалов в фондах польских архивов, что дало бы возможность изучить более ранний период жизни тех железнодорожников, которые выехали в Сибирь из Царства Польского, а также найти сведения о тех, кто после революции 1917 г. вернулся в Польшу. Ценную источниковую базу представляют собой сохранившиеся как в Польше, так и в России, семейные архивы лиц, связанных с железнодорожным строительством.

---

⁶ Słownik biograficzny techników polskich. Warszawa, 1989–2012. Т. 1–23.

Несомненно, интересным, с исследовательской точки зрения, было бы изучение дальнейшей судьбы строителей и их профессиональной карьеры.

Проект должен завершиться подготовкой обобщающего труда, посвященного истории участия поляков в строительстве Транссиба и КВЖД, а также биографического словаря «Поляки – строители и работники Транссиба. 1891–1917».

Наталья Алексеевна ДАВЫДЕНКО
кандидат исторических наук, кафедра
отечественной истории Новосибирского
государственного педагогического уни-
верситета (Новосибирск)

В. Ф. Сокульский – «пионер артельного маслоделия» в Сибири

В статье реконструируется биография первого сибирского инструктора маслоделия, раскрыты основные направления его деятельности. На основе анализа разноплановых исторических источников выявлены оценки его личности и профессиональной деятельности современниками, показан его вклад в развитие сибирской маслодельной промышленности.

Ключевые слова: инструктор маслоделия, сибирское маслоделие, Министерство земледелия и государственных имуществ, Курганский отдел Императорского Московского общества сельского хозяйства, Тобольская агрономическая служба.

В «Метрической записи об умерших Курганского римско-католического костела 1906–1919 гг.», хранящейся в фондах Курганского архива, читаем следующие строки: «Тысяча девятьсот девятнадцатого года четвертого дня, в г. Кургане от паралича скончался Владислав Сокульский 58 лет от роду...»¹. Так просто и по-будничному сообщалось о смерти человека, имя которого было хорошо известно не только в Западной Сибири, но и далеко за ее пределами. Во второй половине XIX – начале XX в. В. Сокульского знали руководители разных ведомств и рангов, крестьяне и предприниматели, общественные деятели и сотрудники редакций центральных и местных сельскохозяйственных изданий. Его фамилия часто встречалась на страницах печати, многие прислушивались к его авторитетному мнению, обращались к нему за помощью, рекомендацией, советом.

© Давыденко Н. А., 2013.

¹ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 305. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.

А потом – почти на сто лет – наступил период незаслуженного забвения. В настоящее время ситуация меняется, подтверждением чему служат информация о нем, размещенная в Интернете на сайте «Лица Зауралья», появление статьи А. В. Гутерц «В. Ф. Сокульский и история русского маслоделия» в солидном научном журнале «Вопросы истории»².

Опубликованные и неопубликованные письменные источники (отчеты, доклады, переписка В. Ф. Сокульского, протоколы заседаний совещаний, съездов государственных и общественных учреждений, материалы периодической печати), найденные нами в архивах и библиотеках Санкт-Петербурга, Тобольска, Кургана, Новосибирска, дают возможность составить достаточно полное представление о содержании, масштабах и характере деятельности по развитию маслоделия, о личности этого человека, уточнить и конкретизировать некоторые факты из его биографии.

Владислав Феофилович Сокульский родился в 1861 г. в польской дворянской семье в Могилевской губернии. Получил образование в Горы-Горетском земледельческом училище. По сведениям видного российского деятеля маслодельной промышленности А. А. Калантара, близко знавшего В. Ф. Сокульского, известно, что последний после окончания училища работал практикантом под руководством организатора русского маслоделия Н. В. Верещагина при Едимоновской школе молочного хозяйства в Тверской губернии. После завершения практики в 1884 г. он продолжил самостоятельно изучать вопросы молочного производства, принимал участие в исследовании скота в Вологодской и Ярославской губерниях вместе с А. А. Калантаром. Одновременно В. Ф. Сокульский предпринимал первые попытки

---

² Сокульский Владислав Феофилович // Лица Зауралья. Купцы и промышленники. URL: http://persona.kurganobl.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=97%3A2012-01-02-16-54-18&catid=39%3A2012-01-02-16-39-25&Itemid=166- (дата обращения: 24.02.2013);

Первый русский фермер, создатель новой отрасли народного хозяйства – русского сыро- и маслоделия Верещагин Н. В. // Гражданская трибуна. Народное собрание России. 27 июня 2011 г. URL: <http://rosnarod.ru/region/tve/prochie-stati/pervyi-ruskii-fermer-sozdatel-novoi-otrasli-narodnogo-hozjaistva-ruskogo-syro-i-maslodelija-vereschagin-n-v.html> (дата обращения: 24.02.2013) ; Гутерц А. В. В. Ф. Сокульский и история русского маслоделия // Вопр. истории. 2010. № 2. С. 84–91.

устройства артельных маслоделен, а с 1889 по 1895 г. являлся заведующим Смоленской передвижной маслодельни³.

В середине 1890-х гг. в связи со строительством Транссибирской железной дороги открывается прекрасная возможность для развития маслоделия в Сибири. Железная дорога обеспечивала сбыт масла на внутренние и внешние рынки. Учитывая данные обстоятельства, Министерство земледелия и государственных имуществ, во главе которого тогда стоял выдающийся ученый и государственный деятель А. С. Ермолов, направило в Западную Сибирь трех инструкторов по молочному хозяйству, в том числе и В. Ф. Сокульского. Вот как формулировалась главная задача инструкторского персонала в инструкции, утвержденной министром земледелия от 30 января 1898 г.: «Специально для помощи правительственным агрономам, в деле улучшения положения молочного хозяйства, в Западную Сибирь командированы правительственные инструкторы молочного хозяйства и в помощь им мастера маслоделия»⁴. В документе указывались районы, на которые распространялась деятельность инструкторов, определялось местожительство каждого из них. За В. Ф. Сокульским закреплялись Курганский, Ялуторовский, Ишимский уезды Тобольской губернии, Шадринский уезд Пермской губернии, Челябинский уезд Оренбургской губернии, Петропавловский уезд Акмолинской области, а местом постоянного пребывания назывался г. Курган, который являлся довольно крупным культурным и торгово-промышленным центром южной части Тобольской губернии. Он располагался по линии железной дороги, что давало ему серьезные преимущества по сравнению с другими уездными городами.

Приезд В. Ф. Сокульского 7 сентября 1895 г. в г. Курган совпал с проведением здесь сельскохозяйственной и кустарной выставки. По замыслу инициатора ее проведения – Тобольского губернского агронома Николая Лукича Скалозубова, она должна была продемонстрировать достижения края, привлечь внимание правительства к его экономическим нуждам, способствовать принятию комплекса мер по дальнейшему развитию

---

³ *Калантар* А. А. В. Ф. Сокульский // Молоч. хоз-во. 1914. № 36. С. 736.

⁴ Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири. Томск. 1901. С. 2–3.

местного сельского хозяйства и кустарной промышленности. Выставка стала значительным событием в жизни Тобольской губернии, ее посетили министр земледелия А. С. Ермолов, министр путей сообщения М. И. Хилков, которые оставили самые благожелательные отзывы о ней⁵. В. Ф. Сокульский сразу же активно включился в ее работу: «По настоянию Николая Лукича в Тобольскую губернию командировается инструктор по маслоделению. Командировается с положительным наказом упорядочить производство русского (топленого) масла. Николай Лукич встречает его вопросом: “Что же мы будем делать?” И когда из разговора выясняется, что у инструктора есть определенная программа деятельности, Николай Лукич отправляется к губернатору, хлопочет и через три дня по приезде инструктор уже едет с определенными заданиями. Шла как раз подготовительная работа по устройству выставки. На выставку было заявлено всего три коровы. Инструктор объезжает районы с наиболее развитым скотоводством – на выставке оказывается вполне организованный отдел крупного рогатого скота»⁶. На выставке В. Ф. Сокульский демонстрировал работу сепаратора «Колибри», знакомил посетителей с новым способом переработки молока, в специальной комиссии проводил экспертизу молочного скота. Материалы экспертизы со сделанными им предварительными выводами были оперативно опубликованы в издаваемой во время выставки газете «Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки». Так было положено начало научному изучению сибирского молочного скота.

Вскоре В. Ф. Сокульский разработал проект устройства образцовой маслодельни и приступил к выполнению своей главной задачи. Суть артельного маслоделия состояла в объединении крестьян из нескольких деревень для совместного производства сливочного масла. Крестьяне на свои средства или на полученную ссуду строили здание завода или приспособляли под него соответствующее помещение, приобретали необходимый инвентарь, приглашали на работу мастера. Члены артели должны были регулярно поставлять на завод сырье – приносить молоко

---

⁵ Отчет о выставке и каталог ее. Тобольск. 1902. С. 146.

⁶ Михайлов И. Николай Лукич Скалозубов // Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделению. 1914. № 2. С. 32.

от своих коров. Произведенное масло затем покупалось представителями торговых фирм, купцами и поступало на внутренние и внешние рынки. Полученный доход от продажи масла распределялся между артельщиками. Первоначально создание крестьянских артельных заводов было сопряжено с большими трудностями. Можно только представить, какие усилия приложил инструктор, чтобы уговорить крестьян приносить молоко на маслодельню, убедить в выгоде нового предприятия, и конечно же, оборудовать завод при минимальных средствах и при отсутствии соответствующих помещений. Вот как описал момент зарождения сибирских маслодельных артелей начальник отдела торговли Министерства финансов А. Мурашкинцев. В 1902 г. он посетил Тобольскую губернию с инспекторской проверкой, на месте познакомился с ситуацией по производству сливочного масла и составил подробный отчет для своего ведомства. «Первые шаги на этом пути инициатора артельного маслоделия – Сокульского были медленны и трудны, – пишет чиновник. – Началось с уговора отдельных, более развитых крестьян, причем инструктор нередко чуть не изгонялся со сходов, намерения его истолковывались в дурную сторону и т. п. Но правильное понимание характера населения, среди которого ему пришлось работать, большой житейский опыт и техническое направление деятельности помогли ему вызвать к жизни первую артельную маслодельню, за которой последовали другие»⁷. Источники позволяют выяснить причину столь агрессивного поведения населения по отношению к технической переработке молока. Дело в том, что по представлениям крестьян, из-за работы сепаратора у коров якобы пропадает молоко, телята рождаются голыми, случаются засухи и происходят другие неприятные вещи. Поэтому требовалось быть предельно корректным и терпеливым, обладать большим запасом знаний и практическим опытом, уметь убедительно доказать малограмотному крестьянину очевидную пользу от задуманного дела. Только тогда можно было заслужить доверие и уважение у крестьянского населения, а следовательно, и надеяться на успех. Слова петербургского проверяющего подтверждает инструктор С. Косарев: «Пионеру артельного дела, курганскому инструктору В. Ф. Сокульскому

---

⁷ *Мурашкинцев А.* О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири. СПб., 1902. С. 34.

пришлось на первых порах вложить много труда и настойчивости в осуществление идеи артельного производства экспортного масла, незнакомого крестьянам. Отсутствие правильного транспорта, задержка платежей за масло еще более усугубляли ведение артельного дела»⁸. Но все трудности были вскоре преодолены и в 1896–1900 гг. В. Ф. Сокульским было организовано 12 маслодельных артелей в Курганском, Ялуторовском и Ишимском уездах, по 4 в каждом. По словам Н. Л. Скалозубова, сторонника внедрения улучшенных способов ведения сибирского сельского хозяйства, «с 1896 по 1899 г. маслоделие успело настолько развиться, что захватило собою громадный район и число заводов по нашим сведениям достигло 334»⁹. А на практике это означало многократное увеличение и без того огромного объема работ для инструктора и его помощников. В этой связи хотелось бы привести весьма эмоциональное замечание А. Мурашкинцев: «В настоящее время, например, инструктор Сокульский, живущий в г. Кургане, является единственным фактическим руководителем крестьян по части маслоделия на огромной площади... Имея ввиду что тот же инструктор обязан давать советы и разъяснения по техническим вопросам маслоделия частным предпринимателям, что он же состоит лектором на местных курсах маслоделия, а также вынужден помогать 12 артелям в сведении ими годовых счетов, так как они еще не дошли до сознания необходимости иметь отдельных счетоводов, – легко заключить о крайней непосильности подобного труда для одного человека»¹⁰. Как видим, столичного чиновника поразили масштабы деятельности Тобольского губернского инструктора, вынужденного в одиночку выполнять многочисленные обязанности. Здесь следует пояснить, что в России в конце XIX – начале XX в. остро ощущалась нехватка специалистов. В штате Министерства земледелия насчитывалось всего несколько десятков человек, состоявших на государственной службе, агрономическая организация в Западной Сибири только формировалась и располагала двумя правительственными

---

⁸ *Косарев С. М.* Краткий обзор артельного маслоделия. Курган. 1909. С. 22.

⁹ Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири на 1900 год. Тобольск. 1900. С. 4.

¹⁰ *Мурашкинцев А.* О производстве и сбыте... С. 36.

агрономами и тремя инструкторами по молочному хозяйству. По существу В. Ф. Сокульский оказался среди тех, кто стоял у истоков зарождения не только сибирского маслоделия, но и сибирской агрономической службы. А. Мурашкинцев обращает внимание также на довольно скромное жалование инструкторов. По его словам, В. Ф. Сокульский получал только 1500 рублей и 300 рублей на разъезды, «последних денег в виду огромных здешних пространств ему не хватает»¹¹. Каждый из инструкторов, пишет А. Мурашкинцев, в качестве прекрасного практика и техника мог получить лучше оплачиваемое место в многочисленных частных маслодельных предприятиях Западной Сибири. А это означает, что у В. Ф. Сокульского имелся выбор: продолжать оставаться на государственной службе или перейти на более высокооплачиваемую работу.

Обратимся к циркулярному письму, написанному им для «местных хозяев и владельцев маслодельных заводов»: «Имею честь уведомить господ заводовладельцев и представителей артельных и общественных заводов, что в 1900 году по примеру прежних лет, я буду командировать состоящих в моем ведении техников для улучшения производства масла, устройства заводов и установки машин, для безвозмездных услуг желающим пользоваться их указаниями, в виду этого покорнейше прошу Вас, Милостивые Господа, не отказать сообщить, в какое время желательно было бы для Вас посещение маслоделен Ваших техником, продолжительность пребывания техников на заводе ограничена 2–5 днями. А за сим за всякими справками и советами по производству масла и торговли им покорнейше прошу обращаться непосредственно ко мне в г. Курган лично или письменно. Считаю нужным прибавить, что в Кургане я бываю с 1 по 10 число каждого месяца, в остальное же время бываю в разъездах вне города»¹². Из последней фразы следует, что ежемесячно 20 дней В. Ф. Сокульский находился вне дома. На основании источников мы выяснили, что много сил и времени он посвящал обустройству заводов, расположенных в разных частях губернии, на осуществление постоянного контроля за их работой. Довольно продолжительное время необходимо было

---

¹¹ *Мурашкинцев А.* О производстве и сбыте... С. 50.

¹² *Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири на 1900 год.* Тобольск. 1900. С. 4.

затратить на проведение разнообразных практических мероприятий, прямо или опосредованно связанных со становлением молочного производства. Большое внимание В. Ф. Сокульский уделял проблеме подготовки специалистов. В своей статье «Устройство маслодельного завода» он писал: «... качество масла, и выходы его в значительной мере зависят от мастера маслоделия и от устройства помещения. Отсюда понятно стремление всех серьезных предпринимателей иметь для маслоделия хорошее помещение, снабженное хорошим инвентарем и поставить к делу хороших, умелых мастеров или самим изучить процесс маслоделия. Только при этих условиях дело и может быть прибыльным и доходным»¹³. Отсутствие мастеров являлось серьезным препятствием для организации нового дела. Поэтому В. Ф. Сокульский ходатайствовал перед правительством об открытии временных курсов по подготовке мастеров маслоделия. Инициатива была одобрена, и с 1896 г. курсы стали ежегодно устраиваться сначала в Тобольской губернии, а затем на всей территории Сибири. Приблизительно с октября по декабрь В. Ф. Сокульский был занят на курсах, которые чаще всего открывались на базе одной из маслоделен. В условиях острого дефицита специалистов и отсутствия специализированных учебных заведений временные курсы по маслоделию оказались действенной формой решения кадровой проблемы. Многие мастера, успешно работавшие на маслодельных заводах, проходили обучение именно на таких курсах. Личное участие В. Ф. Сокульский принимал и в организации первых выставок молочного скота. Полученные на подобных выставках данные о сибирском молочном скоте служили веским основанием для выводов о преимуществах местных пород скота и способствовали пересмотру устоявшихся в обществе и научных кругах представлений относительно его невысоких качеств.

С момента открытия в 1897 г. Первого Тобольского (Курганского) отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства Владислав Теофилович состоял его постоянным членом. Являясь общественной организацией, Курганский отдел, по существу, выступил инноватором в деле развития сибирского маслоделия. Большинство предложений, исходящих от

---

¹³ Справочная книжка по маслоделию для Западной Сибири на 1900 год. Тобольск. 1900. С. 32.

Отдела по поводу нужд новой отрасли, получало поддержку правительства. Современники отмечают самое активное и непосредственное участие В. Ф. Сокульского в работе нескольких комиссий Отдела: комиссии по устройству школы маслоделия в Курганском уезде, специальной комиссии Отдела, разрабатывавшей программу мер в области маслоделия, комиссии по животноводству. Самым выдающимся совместным проектом, осуществленным Курганским отделом и правительством, стало открытие регулярного движения «масляных» поездов. Дело в том, что первоначально сибирское масло доставляли на внутренние и зарубежные рынки в простых товарных вагонах, которые формировались либо отдельными составами, либо присоединялись к пассажирским вагонам. Очень часто оно портилось и поэтому низко оценивалось за границей. По ходатайству Отдела правительство выделило специальный состав, состоящий из 20 вагонов-ледников белого цвета, в которых еженедельно сибирское масло перевозилось к портам, а потом погружалось на пароходы и отправлялось в Копенгаген, Лондон, Гамбург. К 1913 г. таких вагонов насчитывалось уже 2000. Огромная заслуга в налаживании нормальных условий транспортировки и хранения груза, выяснения наиболее оптимальных маршрутов передвижения принадлежала непосредственно В. Ф. Сокульскому. Несколько раз он сопровождал «масляные» поезда, тщательно исследуя всевозможные вопросы, связанные с оборудованием вагонов, устройством на станциях помещений для хранения льда и т. д. Подробные отчеты с замечаниями и предложениями, написанные им на основании поездок, впоследствии внимательно изучались специалистами различных ведомств, его выводы учитывались при внесении тех или иных улучшений в организацию перевозок.

Несмотря на плотный график командировок, инструктор В. Ф. Сокульский находил время для участия в совещаниях и съездах, посвященных проблемам развития местного сельского хозяйства, кооперации, маслоделия, организации агрономической службы. Подавляющее большинство их созывалось на территории Сибири впервые. На них присутствовали представители центральных ведомств, местной администрации, крупного частного капитала, сотрудники различных государственных и общественных учреждений. На съездах и совещаниях обсуждались актуальные вопросы и выработывались решения,

многие из которых имели в дальнейшем судьбоносное значение для развития маслодельной отрасли. В 1910 г. В. Ф. Сокульский участвовал на совещании агрономического персонала Тобольской и Томской губерний в г. Омске, на Тобольском губернском агрономическом совещании, ездил в Санкт-Петербург на Всероссийскую выставку молочного скота и съезд по массовому улучшению крупного рогатого скота, занимался на курсах по бактериологии, гигиене и химии профессора Гинниха в г. Юрьеве Лифляндской губернии¹⁴. Знакомясь с протоколами заседаний совещаний и съездов разных уровней и рангов, можно заметить его активную позицию, неподдельный интерес к происходящему. Он никогда не был пассивным участником, а всегда выступал чьим-то оппонентом или сторонником, являлся инициатором новых идей и внимательным собеседником. Все эти совещания и съезды имели большое значение для развития хозяйственной жизни сибирского края. Выработанные в ходе многочисленных дебатов резолюции направлялись правительству, которое принимало окончательное решение, учитывая мнения людей, стоявших у истоков многих важных новшеств.

В 1902 г. В. Ф. Сокульский был назначен заведующим Справочным Бюро по молочному хозяйству и артельному маслоделию – организации, осуществлявшей посреднические операции между артелями и торговыми фирмами, занимавшимися закупкой масла. В его функции входило оказание помощи доверенным лицам артелей по реализации масла, по урегулированию конфликтов, возникавших между ними и экспортёрами, оформление документов, сбор и обработка различной информации о деятельности заводов, оказание помощи артелям в выборе и приобретении инвентаря, трудоустройство мастеров, издание двухнедельного печатного органа под названием «Справочный листок по сельскому хозяйству и артельному маслоделию». В обязанности заведующего входило также ведение переписки с правительственными и частными учреждениями, отдельными лицами. О ее масштабах можно судить по данным отчета В. Ф. Сокульского за 1910 г.: в этом году к нему поступило 1143 документа, а исходящих бумаг насчитывалось 1811¹⁵. Информация, зафиксированная в документах, отражает широкую географию

---

¹⁴ ГАКО. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1.

¹⁵ Там же. Л. 5.

и разнообразный спектр проблем, решаемых заведующим Бюро. Существенной частью деловой переписки являлись ежегодные отчеты для Департамента земледелия. О высоком уровне подготовленных В. Ф. Сокульским отчетов свидетельствует тот факт, что на статистические данные из этих документов часто ссылается ведущий специалист Министерства земледелия А. А. Калантар в своем очерке «Молочное хозяйство», написанном им для обобщающего труда о Сибири¹⁶. «Подробные и прекрасно обработанные данные о 12 артелях Курганского, Ялуторовского и Ишимского уездов», составленные В. Ф. Сокульским, были положены в основу для анализа развития маслоделия в Сибири заместителя министра финансов А. Мурашкинцева. Можно предположить, что именно отчеты В. Ф. Сокульского об успешной деятельности первых артельных маслоделен в Курганском уезде в немалой степени способствовали утверждению в правительственных кругах идеи о перспективности сибирского маслоделия, следовательно, о необходимости оказания ему всемерной поддержки.

Периодически Справочное Бюро вынуждено было осуществлять дополнительные функции. Так, в 1911 г. из-за неурожая в ряде районов сибирского края маслодельная промышленность оказалась под угрозой ликвидации. Одной из мер по поддержке крестьянского молочного животноводства являлась выдача ссуд на прокорм скота. Обязанности по распределению ссуд были возложены на Бюро. Из Отчета следует, что «при поддержке Бюро выдано ссуд на прокорм скота с 1 октября 1911 г. по 22 апреля 1912 г. 2033 товариществам на сумму 1 870 126 рублей, что составляет 40 % всех выданных ссуд»¹⁷. Работа, которую выполнили под руководством В. Ф. Сокульского сотрудники Бюро, помогла сохранить молочное животноводство. Помимо этой работы В. Ф. Сокульскому пришлось заниматься многочисленными вопросами, связанными с подготовкой агрономической организации Тобольской губернии к Первой западно-сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке, состоявшейся в Омске в 1911 г. Он

---

¹⁶ Калантар А. А. Молочное хозяйство // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2. С. 337–338.

¹⁷ Краткий обзор деятельности правительственной агрономической организации в Сибири и Туркестане в 1912 г. СПб., 1914. С. 171.

разрабатывал проект молочного павильона, собирал и обрабатывал материал.

Не менее плодотворно он трудится в Курганском отделе. При его содействии Отдел периодически устраивал конкурсы маслоделов, занимавшихся производством экспортного масла. Цель конкурсов заключалась в повышении качества продукта, а значит, престижа и конкурентоспособности сибирского масла на зарубежных рынках. Масло сибирских артелей удостаивалось наград на региональных, всероссийских и международных конкурсах. В частности, в 1903 г. продукция Лопатинской артели была награждена золотым крестом на Лондонской международной выставке пищевых продуктов. Однако подобное положение являлось скорее исключением, чем правилом. Конкурсы маслоделов должны были помочь устранить существовавшие недостатки. В 1912–1913 гг. почетный член Отдела Владислав Феофилович исполнял обязанности члена ревизионной комиссии и казначея. В этот период у него сложились довольно напряженные отношения с бывшим председателем Курганского отдела А. Н. Балакшиным, который с 1908 г. возглавлял Союз сибирских маслодельных артелей – мощную кооперативную организацию. Бывшие единомышленники разошлись во взглядах на принципы устройства кооперативного маслоделия. Дело дошло до взаимных оскорблений, в том числе до упреков в нерусском происхождении и обвинений В. Ф. Сокульского во взяточничестве и махинациях. Факт избрания его казначеем означал, что члены Отдела не сомневались в его порядочности, доверяя ему важные и ответственные поручения. Сохранилось опровержение самого В. Ф. Сокульского, публично высказанное им в 1911 г.: «...господин проезжий упрекает меня, что я инородец, что – совершенно верно, но это не мешало мне добросовестно относиться к своим обязанностям и не жалеть ни труда, ни здоровья, меня не задерживали ни холода, ни праздники, ни семейные дела; я всегда ставил в первую очередь исполнение возложенных на меня обязанностей. Если и был у меня недостаток то только тот, что я не был формалистом, считая важнее само дело чем формальность... Живя самым скромным образом я не нажил капиталов, а напротив прожил то, что имел по наследству»¹⁸.

---

¹⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 147 Оп. 1. Ед. хр. 59. Л. 742.

Несмотря на все сложности, В. Ф. Сокульский продолжал успешно и плодотворно трудиться. Председательствовал на совещании ветеринарных врачей и знакомил крестьян с новыми видами корма для скота, редактировал журнальные статьи и принимал участие в разработке проекта по образованию в г. Кургане кооперативного товарищества мелкого кредита. Его волновала проблема состояния крестьянского хозяйства, поэтому он предложил начальству перенести сроки призыва ратников ополчения с мая на июнь, мотивируя тем, что «в мае разгар весенних полевых работ и, поэтому, каждый работник в крестьянском хозяйстве дорог»¹⁹.

Результатом его неустанных трудов, прямого или опосредованного участия в реализации системы государственных и общественных мероприятий по развитию сибирского маслоделия на рубеже XIX–XX вв. стало открытие первых в Сибири артельных маслоделен, курсов по подготовке мастеров маслоделия, движения «масляных» поездов, выставок по изучению сибирского молочного скота, школы маслоделия, усовершенствование техники приготовления различных сортов масла, значительное улучшение жизни крестьянского населения маслодельческих районов, и как следствие – десятки миллионов рублей, приносимых российской казне данной отраслью в начале XX в. Вполне закономерно, что деятельность В. Ф. Сокульского заслужила высокую оценку специалистов. В статье А. А. Калантара, опубликованной в 1914 г. в общероссийском журнале «Молочное хозяйство», он назван «скромным, но крупным деятелем русского молочного хозяйства»²⁰. Время инновационных преобразований, в которое ему выпало жить, остро нуждалось в творчески мыслящих, талантливых, толковых, энергичных, знающих свое дело личностях, не боящихся трудностей и препятствий, умеющих быстро и эффективно воплощать в жизнь самые грандиозные планы. В. Ф. Сокульский – польский шляхтич, посвятивший свою жизнь далекому сибирскому краю, вне всякого сомнения, принадлежал к их числу.

---

¹⁹ Отчет о деятельности Курганского отдела Московского общества сельского хозяйства за 1912 г. Курган. 1912. С. 48.

²⁰ Калантар А. А. В. Ф. Сокульский // Молоч. хоз-во. 1914. № 36. С. 737.

Александр Леонидович ПОСАДСКОВ
доктор исторических наук, лаборатория кни-
говедения ГПНТБ СО РАН (Новосибирск)

Сибирский след в судьбе Антония Оссендовского (1900–1921 гг.)

Рассматриваются неизвестные страницы жизни и деятельности писателя, ученого и политика А. Оссендовского, широко известного польского беллетриста, начинавшего свое литературное и научное творчество в Сибири в 1900–1905 гг. и вновь оказавшегося на государственной службе и преподавательской работе в вузах региона в 1918–1919 гг. Исследуется активное противодействие А. Оссендовского большевикам в рядах Белого движения, его научная деятельность в Омском сельскохозяйственном и Омском политехническом институтах.

Ключевые слова: периодическая печать, издательская деятельность, научно-исследовательская работа, высшее образование, Сибирь, Дальний Восток, Белое движение.

В европейской истории существует немало имен, обладатели которых в равной степени вписаны в анналы двух, трех или нескольких стран. Антоний Фердинанд Оссендовский (1876–1945), которому посвящена данная статья, представляет собой образец такого «двойного» исторического гражданства. Дворянин, сын польского врача, он родился на территории современной Белоруссии под Витебском (по другим сведениям – в г. Опочка Псковской губернии) и первую, большую часть своей жизни – 45 из 69 лет – прожил в России, не имея связей с исторической родиной. Вслед за родителями-поляками он передвигался по «внутренним» российским территориям: детство на Псковщине сменила учеба в подготовительном классе в Каменец-Подольске, затем была классическая гимназия и университет в Санкт-Петербурге, который химик А. Оссендовский закончил в 1900 г. с дипломом кандидата естественных и математических наук. В 1900 г. началась «первая» сибирская эпопея А. Оссендовского – приехав в Томск в только что организованный Технологиче-

ский институт, он занял место лаборанта при кафедре физики, затем 1 июня 1902 г., с легкой руки своего неформального вдохновителя, профессора-геолога В. А. Обручева, перешел на работу во Владивосток на должность начальника вновь созданной испытательной лаборатории при Управлении Уссурийской железной дороги¹. Два года, живя во Владивостоке, А. Оссендовский исполнял также обязанности секретаря Общества изучения Амурского края – местного филиала Русского Географического общества. В 1904 г., с началом Русско-японской войны, лаборатория А. Оссендовского переводится в Харбин и становится Испытательной химико-механической лабораторией, выполняющей военные задания российских властей. Через год А. Оссендовский заведует уже двумя испытательными лабораториями Управления Китайско-Восточной железной дороги – механической и химической. За 1901–1905 гг. молодой ученый опубликовал в специальных журналах несколько десятков сугубо научных статей о химических процессах очищения золота, о золотопромышленности Восточной Сибири, ископаемых углях Приморья и пр. В 1905 г. в Петербурге вышла его первая научная книга об энергетических богатствах русского Дальнего Востока², спустя четыре года – технический справочник по товароведению материалов русского железнодорожного хозяйства³. В промежутке между этими изданиями А. Оссендовский успел «отметиться» в революционном движении: с начала всеобщей железнодорожной стачки в октябре 1905 г. он возглавлял Главный стачечный комитет на КВЖД, будучи увлеченным социал-демократическими идеями, писал и печатал прокламации в духе РСДРП. В январе 1906 г. стачка была ликвидирована карательной экспедицией, а А. Оссендовский арестован и осужден

---

¹ Томский Технологический институт за 25 лет своего существования. 1900 – 22 окт. 1925 : (юбил. сб.). Томск, 1928. 2-я паг. С. 170.

² Оссендовский А. М. Ископаемые угли и другие углеродистые соединения русского Дальнего Востока с точки зрения их химического состава. СПб., 1905. [2], 112 с.

³ Товароведение материалов русского железнодорожного хозяйства : (справ. кн. для агентов матер. службы ж. д., приемоч. комис. и ж. д. испытат. лаб.). 2-е изд., испр. и доп. / сост. проф. А. М. Оссендовский. СПб., 1969. 115 с.

на два года тюрьмы⁴. 6 октября 1907 г., после ходатайства начальника КВЖД генерала Д. Л. Хорвата, А. Оссендовский был досрочно освобожден и уехал в Петербург, остановившись на короткое время в Томске. К этому следует добавить, что уже тогда, в самом начале XX в., А. Оссендовский выступал в печати как литератор и очеркист: его гимназические опыты публиковались в одесских газетах; в студенческие годы он печатал очерки о своих путешествиях во многих газетах России (учебные и научные маршруты студента охватывали тогда Кавказ, лиманы Днестра, Донецкий угольный бассейн, Алтай, Енисей, Байкал); кроме того, на каникулах А. Оссендовский нанимался в качестве писаря на торговые суда, курсировавшие по линии Одесса – Владивосток, с заходом в порты Индии, Китая, Японии и Малайского архипелага⁵. Обосновавшись в 1900 г. в Томске, он немедленно начал сотрудничать в старейшей и наиболее авторитетной местной газете «Сибирская жизнь». А. Оссендовский оставил на страницах газеты, например, несколько продолжающих друг друга статей, в которых детально описал торжества, посвященные открытию Томского технологического института. С начала и до конца своего пребывания в России он подписывался, как в официальных бумагах, так и под научными и литературными трудами, русским вариантом польского имени: Антон Мартынович Оссендовский (его отца звали Марчином).

Наука, литература, революция... Чем не судьба типичного русского интеллигента? Но в глубине души А. Оссендовский, видимо, ощущал духовную связь с польскими корнями своих предков. Иначе он не стал бы публиковать некоторые научные статьи в варшавском журнале «*Chemik Polski*» («Польский химик») и не выпустил бы в польском литературном журнале свое первое крупное произведение, написанное в 1905 г. во Владивостоке – повесть «Ночь»⁶.

---

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 7 д-во. 1906. Д. 2441 (следственное дело А. Оссендовского). Позднее писатель отразил свою работу в стачечном комитете, арест, суд и тюремное заключение в воспоминаниях «С вершины в бездну» (*Od szczytu do otchłani*. Warszawa, 1925. 365 s.).

⁵ *Michałowski W. S.* Wielkie safari Antoniego O.: kim był Antoni Ferdynand Ossendowski. Warszawa, 2004. S. 13.

⁶ Там же. S. 17.

Но собственно польским писателем, творящим и публикующим свои произведения на польском языке как на родном, А. Оссендовский стал много позже – после того, как в конце 1922 г. ступил на землю возрожденного Польского государства и принял его гражданство. «Польский» период был самым счастливым и самым плодотворным в жизни А. Оссендовского как писателя. Подсчитано, что за 17 предвоенных лет в Польше вышло 77 его книг, а в мире – 150 их переводов на 20 языках. Сам А. Оссендовский, впрочем, считал, что им опубликовано 130 книг, включая оригинальные издания в России⁷, в том числе выпущенные без подписи, под псевдонимами, криптонимами и т. п. Уже в середине 1920-х гг. А. Оссендовский, став национальным польским писателем, считался мировой знаменитостью: его книги наперебой публиковали издательства Европы, США, а затем и некоторых стран Азии. Книги и журнальные публикации, вышедшие в Польше, он подписывал чаще всего как Антоний Фердинанд (или просто Антоний) Оссендовский. Зарубежные издания шли за подписью Фердинанд Оссендовский.

Подробности личной и творческой биографии, а также служебной карьеры А. Оссендовского любознательный читатель может получить из обстоятельных биографических статей, опубликованных как в российском энциклопедическом издании о писателях⁸, так и в «Польском биографическом словаре»⁹. Автор последней статьи, главный биограф А. Оссендовского Витольд Михаловский выпустил несколько книг о писателе – и по ним можно уверенно проследить все этапы извилистого пути А. Оссендовского от ученических сочинений до всемирной известности¹⁰.

Нет необходимости повторять эти сведения в нашей статье. Вкратце следует сказать только о десятилетнем (1908–1918)

---

⁷ *Petty A. Spór o Ossendowskiego.* URL: <http://www.linia.com.pl/public/article.php?11-3441-0> (дата обращения: 15.09.2009).

⁸ *Колганова А. А., Рейтблат А. И.* Оссендовский Антон Мартынович // *Русские писатели. 1800–1917 : биогр. слов. М., 1999. Т. 4. С. 460–462.*

⁹ *Michałowski W. S.* Ossendowski Antoni Ferdynand // *Polski słownik biograficzny. Wrocław ; Kraków, 1979. Т. 24/2. S. 381–385.*

¹⁰ *Он же.* *Tajemnica Ossendowskiego.* Warszawa, 1990. 175 s. ; *Он же.* *Wielkie safari Antoniego O. ... 365 s.*

«петербургском» периоде в жизни А. Оссендовского, последовавшем после того, как он вырвался из сибирской тюрьмы. Это было время, когда об Антоне Мартыновиче Оссендовском, как о писателе и журналисте, узнала вся Россия. Начав с повести «Людская пыль», рисующей быт и нравы русской тюрьмы на основе собственного опыта, А. Оссендовский развил бурную литературную деятельность, опубликовав за 8 лет не менее двух десятков беллетристических произведений – рассказов, новелл, юморесок, повестей (некоторые из них выходили затем отдельными изданиями). Публицистика А. М. Оссендовского не сходила со страниц ведущих столичных газет «Биржевые ведомости», «Слово» (в этих двух изданиях он был в 1910–1913 гг. соредактором), «Вечернее время» (в которой А. Оссендовский работал в 1914–1917 гг. секретарем редакции), «Петербургский листок», «Торгово-промышленная газета». Кроме того, в 1910–1911 гг. А. Оссендовский редактировал польскую газету «Dziennik Petersburski» («Петербургский дневник»). Как химик, обладавший практически знаниями в области геологии, золотопромышленности и золотодобычи, А. Оссендовский становится своим человеком в кругах организаторов российской промышленности: с 1911 по 1917 г. он является секретарем Постоянной совещательной конторы золото- и платинопромышленников и одновременно редактирует научный журнал этой организации – «Золото и платина». Параллельно в 1913–1914 гг. А. Оссендовский служит директором-распорядителем Русского товарищества тигельных заводов. В. Михаловский приводит сведения о том, что А. Оссендовский, ко всему прочему, выступал в роли частного секретаря по вопросам промышленности при графе С. Ю. Витте – премьер-министре Российской империи¹¹.

И со всех этих постов А. Оссендовского разом сбросила вспыхнувшая в 1917 г. большевистская революция. Газеты были закрыты, промышленники и предприниматели с их союзами – разогнаны. Возвращение в Сибирь, где зрел в это время антибольшевистский переворот, стало для А. Оссендовского в сложившихся условиях лучшим и едва ли не спасительным решением.

---

¹¹ *Michałowski W. S. Ossendowski Antoni Ferdinand...* S. 382.

Но прежде, чем поведать о «второй» сибирской эпопее А. Оссендовского, обратимся к вопросу о том, как сегодня историки из России и Польши оценивают его роль как участника политической и литературной жизни своего времени. Казалось бы, столь необычный персонаж недавнего прошлого должен был вдохновить многих авторов на изучение хитросплетений его биографии. Но число интересующихся А. Оссендовским можно пересчитать на пальцах одной руки. В России книгу об одном из эпизодов политико-пропагандистской деятельности А. Оссендовского в 1917 г. – фабрикация так называемых «бумаг Сиссона» – выпустил историк В. И. Старцев¹². 3 марта 1918 г. посланник президента США В. Вильсона, представитель Американского комитета общественной информации, Эдгар Сиссон, приобрел в Петрограде у журналиста Е. П. Семенова (Когана) большой комплект документов, якобы нелегально добытых патриотической организацией с помощью русских контрразведчиков. Документы с печатями, штампами, резолюциями и подписями функционеров Германского генерального штаба «разоблачали» механизм и раскрывали масштабы финансирования Октябрьского переворота и лидеров большевизма – Ленина, Троцкого, Коллонтай и др. – со стороны германского государства. Е. П. Семенов, сотрудник газеты «Вечернее время», сказал Э. Сиссону, что документы ему передал его коллега А. М. Оссендовский. Вскоре Э. Сиссон опубликовал в США брошюру под названием «Германо-большевистский заговор», составленную из этих «разоблачительных» бумаг. Уже в то время некоторые западные специалисты по разведке ставили под сомнение подлинность документов, исходящих от «организации» А. Оссендовского. Спустя десятилетия, с помощью экспертиз, фальсификация этих документов была доказана самими американцами. В. И. Старцев, изучив как сами документы, так и их бытование в среде недостоверных источников, посвятил книгу «фальсификатору Оссендовскому».

Другой пример относительно частого упоминания имени А. Оссендовского являет нам книга писателя Л. Юзефовича о бароне Р. Ф. Унгерне фон Штернберге, вышедшая двумя

---

¹² Старцев В. И. Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. М., 1999. 286 с.

изданиями в 1993 и 2010 гг.¹³ Но книга содержит лишь пересказ и комментарии к широко известному произведению А. Оссендовского «Звери, люди и боги», в котором тот рассказывал о своих приключениях во время бегства от большевиков в 1920–1921 гг. из Красноярска через Урянхайский край и Монголию в Китай. А. Оссендовский уделил немало страниц барону Унгерну, с которым он познакомился во время этого путешествия – что и послужило поводом многократного цитирования и ссылок на его книгу в историко-занимательном труде Л. Юзефовича.

Со страниц обеих российских книг встает весьма непривлекательный образ А. Оссендовского. В трактовке авторов: это а) «один из величайших фальсификаторов XX века» (В. И. Старцев) и б) «мастер дешевых эффектов» (Л. А. Юзефович)¹⁴. И все? А как же несомненные литературные достоинства некоторых его произведений (например, повести «Людская пыль», получившей положительные отклики Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко)? Как насчет мнения профессионального сообщества ученых и промышленников, вознесшего А. Оссендовского на важные посты в корпоративных организациях? И не противоречит ли этим оценкам тот факт, что современные литературоведы считают А. Оссендовского одним из основоположников российской социальной фантастики и антиутопии (имея в виду его повести «Грядущая борьба», «Женщины восставшие и побежденные» и др.)? Слишком однобокими оказываются мнения о человеке, который вмещал в себя много самых разных качеств – хороших и плохих, – но был, несомненно, талантлив в ряде своих проявлений.

В польской историографии жизнеописание А. Оссендовского предстает более детальным и объективным. Решающую роль здесь играют труды уже упоминавшегося В. Михаловского. Начав в 1960-х гг. со статей в газетах «Культура» («Kultura») и «Жизнь Варшавы» («Życie Warszawy»), В. Михаловский опубликовал затем развернутую биографическую справку об А. Оссендовском в академическом издании «Польский биографический словарь». Год выхода этой статьи (1979) говорит о незаурядной

---

¹³ Юзефович Л. [А.]. Самодержец пустыни: барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М., 2010. С. 472–494.

¹⁴ Там же. С. 476.

научной смелости автора, который даже в условиях коммунистического фундаментализма, в те годы, когда книги А. Оссендовского были сняты с полок польских библиотек, изучал и пропагандировал «запрещенного» беллетриста, смог опубликовать вполне достоверную и объективную его биографию. После падения коммунистического режима, когда имя А. Оссендовского было возвращено в литературу, В. Михаловский опубликовал о нем две крупных монографии, которые также упоминались в предыдущем тексте: «Тайна Оссендовского» (1990) и «Большое сафари Антония О.: кем был Антоний Фердинанд Оссендовский» (2004). Не будучи профессиональным историком или литературоведом, В. Михаловский практически «пробил» стену молчания вокруг незаурядной исторической и литературной личности XX в.¹⁵

В новейшие времена А. Оссендовским заинтересовались и литературоведы. В 1995 г. увидела свет небольшая книга А. Хрущинского «Гений графомании»¹⁶ – так автор труда окрестил А. Оссендовского, оговорив вначале, что он употребляет слово «графоман» не как обидный синоним бездарности писателя, а в его подлинном латинском значении – как жажду «создавать все новые и новые книги»¹⁷. Монография А. Хрущинского представляет собой профессиональный разбор всего огромного литературного наследия А. Оссендовского, включая два его крупнейших неопубликованных романа, написанных во время немецкой оккупации. В целом это большая «кисло-сладкая» рецензия на творчество А. Оссендовского: определяя место писателя в контексте польской и в целом европейской литературы XX в., А. Хрущинский выводит его за пределы «высокой»

---

¹⁵ Кроме энциклопедической статьи об А. Оссендовском, В. Михаловский во времена коммунистической Польши опубликовал два издания популярно-исторической книги о бароне Р. Ф. Унгерне фон Штернберге под названием «Завещание барона» («Testament barona», 1973, 1977), в котором многие страницы посвятил А. Оссендовскому и его знакомству с Унгерном. Книга «Тайна Оссендовского» тоже имела извилистую судьбу. Из-за невозможности издания ее в Польской Народной Республике В. Михаловский первоначально выпустил в 1983 г. эту книгу в Канаде.

¹⁶ *Chruszczyński A. Geniusz grafomanii: o Antonii Ferdynandzie Ossendowskim. Bydgoszcz, 1995. 80 s.*

¹⁷ Там же. S. 5–6.

литературной классики и помещает в категорию талантливых беллетристов – создателей хорошей массовой книги для широкого круга читателей. «Польская литература, к счастью, не состояла только из первого ряда», – пишет автор анализа, приводя свои подсчеты о том, что примерно 10 % произведений, опубликованных А. Оссендовским в Польше с 1923 по 1939 г., являются вполне добротными образцами изящной словесности¹⁸.

Относительно недавно в число биографических публикаций об А. Оссендовском вошла статья, написанная варшавской исследовательницей Э. Тылиньской¹⁹. Автор статьи предлагает свою интерпретацию творческой деятельности Оссендовского. По ее мнению, А. Оссендовский с самого начала был «запрограммирован» на литературную карьеру и по всем своим наклонностям тяготел именно к писательскому труду, что, в конце концов, и взяло верх в его жизни. «Сибирский эпизод» в его биографии (а точнее два эпизода – в 1900–1905 и 1918–1919 гг.), когда писатель и журналист внезапно превращался в ученого, Э. Тылиньская объясняет внешними трудностями на его жизненном пути – прагматической необходимостью приспособиться к обстоятельствам, иметь нормальную службу и получать гарантированное высокое жалование. Отвечая на вопрос: кто же такой А. Оссендовский – «властитель массового сознания или несостоявшийся ученый», – автор статьи безоговорочно отдает предпочтение первому.

Но тем, кто изучает судьбу А. Оссендовского на основе подлинных архивных материалов, трудно согласиться с такой концепцией современной исследовательницы. Ее интерпретация, скорее всего, неверна по причине схематизма. Документы подсказывают, что А. Оссендовский был намного более сложной личностью. Статья упрощает его фигуру хотя бы потому, что не учитывает третью «ипостась» А. Оссендовского – политика и государственного служащего. А эта сторона играла в его жизни очень важную роль.

---

¹⁸ *Chruszczyński A.* Geniusz... S. 68–71.

¹⁹ *Tylińska E.* Ferdynand Antoni Ossendowski – władca masowej wyobraźni czy niespełniony uczoney? // *Polacy w nauce, gospodarce i administracji na Syberii w XIX i na początku XX wieku.* Wrocław, 2007. S. 539–549.

Тем, кто хочет понять логику поведения А. Оссендовского, лучше всего исходить из «теории лидерства». А. Оссендовский, судя по всему, был человеком, который хотел если не первенства, то по крайней мере общественного уважения, признания заслуг, почета и успехов во всех областях деятельности, за которые он брался (а как человек талантливый и всесторонне развитый, он интересовался всем: и наукой, и литературой, и общественным движением). Эта жажда публичного признания иногда заводила его в тупики авантюры, например, в 1905–1906 гг., когда он, не будучи революционером по натуре, решился возглавить стачечный комитет КВЖД. Этим же чувством самоутверждения следует объяснять и упоминаемый в статье Э. Тылинской случай «присвоения» А. Оссендовским ученого звания профессора в тот период, когда он таковым не являлся (в одном месте автор статьи даже называет этот титул своего персонажа «незаконным») ²⁰. А. Оссендовский действительно с 1909 г. начал добавлять в подписи к некоторым своим публикациям (далеко не ко всем) звание «профессор». Но с 1918 г. он мог это делать на совершенно законных основаниях, будучи избранным на должности профессора двух омских вузов – о чем и будет сказано далее. И тот факт, что А. Оссендовский в 1920–1930-е гг. подписывал свои польские издания с добавлением титула «профессор», не следует воспринимать лишь как доказательство его тщеславия. Неверно, кстати, и утверждение Э. Тылинской о том, что А. Оссендовский, работая в омских вузах, «не вел вообще исследовательской работы, а лишь преподавательскую» ²¹. Архивные документы говорят об обратном.

Документальное обеспечение биографических исследований об А. Оссендовском заслуживает особого разговора. Из публикации в публикацию повторяется фраза о том, что лекции и личный архив А. Оссендовского погибли в годы Второй мировой войны ²². Это весьма печально, поскольку А. Оссендовский, по-видимому, даже в условиях своего отчаянного бегства из Сибири в Монголию вел какие-то дневниковые записи. В предисловии к русскому изданию своей знаменитой

---

²⁰ *Tylińska E.* Ferdynand... S. 543–544, 546.

²¹ Там же. S. 545.

²² Там же. S. 541 ; *Michałowski W. S.* Ossendowski Antoni Ferdinand... S. 384 и др.

книги «Звери, люди и боги» он сообщил, что, работая над ее текстом, «не располагал даже своими скромными заметками», так как «записки свои, оставленные в фирме Швецовых в Урге у госпожи Бараэр, я получил в Нью-Йорке позднее, перед самым отъездом в Польшу»²³. В государственных и ведомственных научных архивах Польши, очевидно, сохранились некоторые документы А. Оссендовского и о нем (на часть из них ссылается в своей статье Э. Тылинская). Но все они посвящены уже «польскому» периоду в его биографии. Рукописям литературных произведений А. Оссендовского (в том числе неопубликованных) повезло больше: отделу рукописей варшавского Литературного музея им. Адама Мицкевича удалось купить их у случайных коллекционеров, и весной 1989 г. эти манускрипты заняли место на архивных полках²⁴.

Еще более причудливой оказалась судьба неопубликованных частей другой знаковой книги А. Оссендовского «Ленин». Осенью 2002 г. в российском еженедельнике политических и криминальных сенсаций «Версия» появилась статья историка спецслужб О. Лурье, предварявшая публикацию неизвестной доселе главы из этой книги А. Оссендовского. Как пишет О. Лурье, публикацию ему предложил проживающий в Швеции рыцарь Ордена госпитальеров, кавалер ордена Святого Андрея Иерусалимского барон Станислав Эллис. По словам О. Лурье, А. Оссендовский, зная об охоте агентов ГПУ за ним и его архивами, тайно передал полный текст документального повествования «Ленин» представителям Ордена госпитальеров в Швеции на сохранение. Произошло это в годы войны, когда А. Оссендовский, работавший в польском Сопротивлении, почувствовал реальную угрозу уничтожения и со стороны гитлеровцев, и со стороны ищек Сталина. О. Лурье при этом называет А. Оссендовского «журналистом и разведчиком» (какой страны?), не общая об источниках таковой информации²⁵.

Но если в польских архивах документация А. Оссендовского сравнительно немногочисленна, то «российский» период его

---

²³ *Оссендовский Ф.* Звери, люди и боги. Рига, 1925. С. I–II.

²⁴ *Chruszczyński A.* Geniusz grafomanii... S. 57 ; *Michałowski W. S.* Ossendowski Antoni Ferdinand... S. 14.

²⁵ *Лурье О.* Конвейер смерти: неизвестные эпизоды из жизни Ленина и Дзержинского // *Версия.* М., 2002. № 41. С. 11–13.

жизни обеспечен немалым количеством архивных бумаг, сохранившихся в фондах различных учреждений, с которыми он работал или вел переписку. Весь дальнейший текст настоящей статьи основан на той части документального наследия об А. Оссендовском, которая связана с его пребыванием в Сибири в 1918 – начале 1920 г. Это в основном архивные фонды Белого движения в Сибири и двух омских вузов (соединенных затем в один), в которых А. Оссендовский работал в этот период. Отметим, что в данном случае использована лишь незначительная часть документации об А. Оссендовском, сохранившейся в архивах и отделах рукописей российских библиотек.

***

Проживая в 1908–1917 гг. в Петербурге, А. Оссендовский почти каждый год приезжал в Сибирь – главным образом летом – для охоты, к которой он пристрастился во время пребывания в Сибири, и для поддержания контактов с друзьями. В своих позднейших очерках он описал некоторые охотничьи приключения в степях Западной Сибири и Казахстана. В Томске с А. Оссендовским дружил И. Н. Бутаков – будущий легендарный, старейший профессор Технологического института, студент самого первого выпуска этого вуза, получивший его диплом № 1 (он был первым по алфавиту). И. Н. Бутаков и А. Оссендовский познакомились еще в 1900 г., когда первый стал студентом, а второй – молодым лаборантом института. Рассказывают, что И. Н. Бутаков вплоть до своей смерти в 1971 г. сохранял об А. Оссендовском самые теплые воспоминания²⁶.

Но гораздо более полезным для А. Оссендовского было знакомство в Томске с патриархом сибирского областничества, старейшим ученым-энциклопедистом Г. Н. Потаниным. По некоторым сведениям, А. Оссендовский находился среди тех, кто сопровождал в поездке по Сибири в 1915 г. известного писателя и ученого-народовольца политкаторжанина Н. А. Морозова. В Томске А. Оссендовский якобы приехал с Н. А. Морозовым и другими учеными и писателями к Г. Н. Потанину. Впрочем, за достоверность этих данных ручаться нельзя. Но,

---

²⁶ *Лозовский И. Т.* Поляки в Сибири : рассказы. Томск, 2002. С. 95. Рукопись. Место хранения: Научная библиотека Томского политехнического института, Отдел редких книг и рукописей.

так или иначе, Оссендовский и Потанин были знакомы еще до революции.

Бежав из Петрограда, по-видимому, еще до продажи 3 марта 1918 г. американцу Э. Сиссону документов о «немецко-большевистском заговоре», А. Оссендовский снова оказался в Томске. Несколько весенних месяцев 1918 г. он входил в круг ближайших знакомых Г. Н. Потанина, так называемый «Потанинский кружок». В кругах противников большевизма это неформальное объединение пользовалось непререкаемым авторитетом: первое время после свержения большевиков оно даже рекомендовало кандидатуры для занятия должностей во Временном Сибирском правительстве. Сибирский большевик В. Д. Вегман, находившийся тогда в Томске, вспоминал, что А. Оссендовский и другие «контрреволюционеры» из окружения Г. Н. Потанина усиленно толкали тогда престарелого ученого на путь борьбы с красной властью²⁷. Характерно распределение ролей на митинге 31 мая 1918 г. – в первый день после бегства большевиков из Томска. На этом стихийном собрании горожан первым – с общими приветствиями по поводу избавления от большевистского террора – выступил Г. Н. Потанин, а вторым – с большой речью о «политическом положении» России и Сибири – А. Оссендовский. Вскоре после этого А. Оссендовский стал сотрудничать в местных газетах: в возобновившейся «Сибирской жизни» и новой газете кадетской партии «Наша мысль». Современники отмечали, что «хотя он пишет под разными псевдонимами, все же статьи его легко узнаются всеми, знакомыми с его прежней газетной работой»²⁸.

А. Оссендовский оставался в Томске до конца июля 1918 г. Когда в июле 1918 г. в Омске началось формирование аппарата министерств и ведомств Временного Сибирского правительства, А. Оссендовский перебрался в этот город и получил должность во вновь созданном Министерстве финансов, промышленности и торговли. На фоне крайнего дефицита специалистов белогвардейскому правительству очень кстати пришелся деловой опыт Оссендовского в вопросах промышленности, железных

---

²⁷ Вегман В. [Д.]. Григорий Николаевич Потанин // Сов. Сибирь. 1920. 18 июля. С. 2.

²⁸ Хроника // Понедельник. 1918. 22 июля. С. 2.

дорог, минерального сырья и естественных наук. Рационально мыслящий организатор, он занял должность члена Совета министерства и стал вице-директором Особенной канцелярии министерства по кредитной части. Последняя должность была особенно важна для функционирования всего государственного механизма. Канцелярия ведала распределением и выдачей кредитов, то есть бюджетных денег для работы всех государственных (казенных) предприятий, учреждений, учебных заведений белой Сибири. Находясь на посту одного из руководителей этой канцелярии, Оссендовский, конечно, строго выполнял указания Совета министров о выдаче средств конкретным организациям. Но у него имелось и немало возможностей лоббировать перед министром финансов И. А. Михайловым те или иные ходатайства. А с министром И. А. Михайловым у А. Оссендовского, как свидетельствуют очевидцы, были самые дружеские личные отношения²⁹.

Как представитель Министерства финансов, промышленности и торговли А. Оссендовский ездил по Сибири, выступая на различных совещаниях специалистов. В первые же дни своего пребывания в новой должности он приехал в Красноярск, где 18 августа 1918 г. выступил на Торгово-промышленном съезде Приенисейского края с докладом «об экономической войне и участии в ней Сибири и России»³⁰. Забегая вперед, скажем, что А. Оссендовский и в дальнейшем практиковал выступления перед различной аудиторией по вопросам экономики, политики, государственных задач Сибири. 29 марта 1919 г. он, например, выступил перед рабочими Экспедиции заготовления государственных бумаг (то есть типографии для печатания денежных знаков). Лекция называлась «Богатства России». Как гласит хроникерская заметка, лектор «при помощи специально составленных карт наглядно ознакомил слушателей с неисчерпаемыми естественными богатствами нашей Родины. Интересная по содержанию и форме изложения лекция была прослушана

---

²⁹ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война : лич. воспоминания / Гос. публич. науч.-техн. б-ка Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. Новосибирск, 2012. С. 256.

³⁰ Хроника // Воля Сибири. 1918. 22 авг. С. 3.

с большим вниманием, все слушатели горячо благодарили профессора продолжительными аплодисментами»³¹.

О текущей работе А. Осендовского в экономических ведомствах белой Сибири можно было бы говорить много³². В 1919 г. адмирал Колчак разделил прежнее министерство на два: Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. А. Осендовский остался на службе в первом, продолжая при этом работать одним из начальников его Особенной канцелярии по кредитной части. К этому времени он наладил выпуск ежемесячного журнала «Вестник финансов, промышленности и торговли», который в течение 1919 г. сам редактировал. При формировании аппарата Министерства земледелия А. Осендовский принял еще одну ответственную должность – стал членом Сельскохозяйственного ученого комитета этого министерства. По данной работе Осендовский был знаком с другим известным сибирским поляком – профессором биологии Виталием Чеславовичем Дорогостайским, занимавшим до 12 сентября 1919 г. пост директора отдела охоты и рыболовства в лесном департаменте Министерства земледелия³³.

Весной 1919 г. или чуть раньше А. Осендовский познакомился с человеком, которому суждено было сыграть значительную роль в его судьбе. Случай свел А. Осендовского с Георгием Иосифовичем Клерже – полковником Генерального штаба России, разведчиком, известным военным журналистом и публицистом. По поручению Ставки Верховного главнокомандующего А. В. Колчака Г. И. Клерже с мая 1919 г. вел работу по организации Осведомительного отдела при Штабе Верховного главнокомандующего. Задачей Г. И. Клерже было создать крупный разветвленный аппарат печатной и устной пропаганды для армии и тыла, через который велась бы интенсивная идеологическая обработка населения в духе идей Белого движения. Энергичный Г. И. Клерже сразу оценил потенциал

---

³¹ В Экспедиции заготовления государственных бумаг // Правительств. вестн. 1919. 5 апр. С. 2.

³² Десятки, если не сотни документов за подписью А. Осендовского встречаются в архивных фондах Министерства финансов (ГАРФ. Ф. Р-197), Особенной канцелярии по кредитной части (Ф. Р-198) и Министерства торговли и промышленности (Ф. Р-199).

³³ Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14, 18 ; Д. 15. Л. 99.

А. Оссендовского и пригласил его на ключевую должность в формируемой организации. Не снимая с себя прежних постов в Министерстве финансов и омских вузах, А. Оссендовский стал начальником подотдела печати Осведомительного отдела Верховного главнокомандующего (Осведверха)³⁴. В административном отношении Осведверх входил в состав Управления 2-го генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандующего. Этим генерал-квартирмейстером был генерал-майор П. Ф. Рябиков – старый разведчик, понимавший толк в военной пропаганде. 9 июля 1919 г. П. Ф. Рябиков подписал приказ о штатном расписании Осведверха, которым узаконил пребывание А. Оссендовского в должности одного из руководителей идеологической службы белой Сибири³⁵. Именно эту работу имел в виду А. Оссендовский, когда позднее писал в анкетах, что состоял на технической должности в армии А. В. Колчака.

Подотдел печати, которым руководил А. Оссендовский, был самой крупной структурой Осведверха. Он состоял из трех отделений: печати, художественного и издательского³⁶. Началась, как говорил Г. И. Клерже, «в широких масштабах идейно-организационная издательская работа». Ежедневно Осведверх печатал и отсылал на фронт до 1 млн экз. одних только листовок³⁷. Кроме того, из недр ведомства Г. И. Клерже и А. Оссендовского выходили десятки брошюр, плакатов, карт фронта. Велась большая переписка с редакциями фронтовых газет, которым Осведверх поставлял материалы для печати: телеграфные сводки событий, тексты официальных документов и приказов А. В. Колчака и т. п.³⁸ Ежедневно составлялись, печатались и рассылались во все воинские части и гражданские учреждения «Бюллетени» Осведверха обо всех важных политических, военных и общественных фактах текущей жизни Сибири, России и мира. Такие же бюллетени, для информирования иностранных

---

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 8. Л. 61 об.

³⁵ Там же. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1а. Л. 207–209.

³⁶ От Осведомительного отдела Штаба Верховного Главнокомандующего (Осведверх) // Рус. речь. 1919. 15 июля. С. 2.

³⁷ Работа Осведомительного отдела (из беседы с полковником Клерже) // Воен. вед. 1919. 18 июля. С. 3.

³⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39499. Оп. 1. Д. 175. Л. 1–205.

союзников и их войск, Осведверх издавал на французском и английском языках. Полиграфических мощностей Омска не хватало, и издательское отделение вверенного А. Оссендовскому подотдела начало с 17 июля 1919 г. проводить совещания владельцев типографий по распределению заказов Осведверха³⁹. В сибирской прессе замелькали объявления, в которых подотдел печати приглашал литераторов и журналистов «давать литературный материал» для газет Осведверха и гарантировал выплату гонорара⁴⁰.

Много позднее, возвращаясь к этим событиям в своих воспоминаниях, Г. И. Клерже аттестовал А. Оссендовского как своего ближайшего сотрудника «по осведомительно-пропагандистской деятельности». «Он, – по свидетельству Г. И. Клерже, – проявлял колоссальную энергию и создавал с большим успехом ячейки пропагандистов всех категорий и видов. При его содействии были привлечены видные работники в области печатной, плакатной и устной агитации»⁴¹. Начальник Осведверха отмечал, что его ведомству очень помогала служба А. Оссендовского в Министерстве финансов: вследствие дружеских отношений с министром «все проекты расширения и ассигнований по части пропаганды проходили с особенной быстротой и легкостью»⁴². Похоже, что Г. И. Клерже даже перекладывал часть своих обязанностей на А. Оссендовского. В одной из служебных бумаг он так и написал: «Все инструкции можно получить от начальника подотдела печати вверенного мне Отдела – проф. А. М. Оссендовского»⁴³.

Но Оссендовский выступал в Осведверхе не только в роли организатора печатной пропаганды. Он является также автором большого числа литературных произведений, которые Осведверх рассылал затем по редакциям фронтовых газет, бедных творческими силами. Статьи, очерки, фельетоны, рассказы А. Оссендовского, часто без подписи, появлялись на страницах армейской и периферийной прессы. Тот же Г. И. Клерже вспоминал, что сам А. Оссендовский «составлял наибо-

---

³⁹ ИсаОО. Ф. Р-1709. Оп. 1. Д. 1. Л. 120.

⁴⁰ [Объявление] // Сиб. речь. Омск, 1919. 23 окт. С. 1.

⁴¹ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война... С. 253.

⁴² Там же. С. 256.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 8. Л. 61–61 об.

лее важный и направляющий пропагандистский материал, который потом, после санкционирования его начальником Осведверха..., а то и после утверждения Верховного правителя, когда дело этого требовало, размножался в десятках, а то и сотнях тысяч экземпляров и рассылался во все стороны»⁴⁴. Заявление мемуариста подтверждают архивные источники. Среди бумаг осведомительных канцелярий армий Восточного фронта можно найти присланные для перепечатки политические статьи и литературные произведения А. Оссендовского. Сохранились, например, сведения о его рассказе «Сожгли нас», в котором приводится свидетельство крестьянина о том, как большевики сожгли враждебно настроенную к ним деревню⁴⁵. Рассказ присылался для фронтовой газеты, да так и остался в канцелярских документах.

Осведверх выпускал довольно много брошюр без указания авторов, как пропагандистских очерков, так и инструктивно-директивной литературы. Вполне возможно, что какие-то из этих безымянных изданий принадлежат перу А. Оссендовского.

Феноменальная активность А. Оссендовского в деле государственной пропаганды, о которой говорил Г. И. Клерже, относится к июню – августу 1919 г. Осведверх достиг тогда наивысших показателей своей продуктивности. Понятно, что в эти летние месяцы студенческих каникул А. Оссендовский был меньше загружен работой в вузах. В остальное же время эта сторона деятельности отнимала у него много сил. В Омске существовали два молодых вуза, плохо обеспеченных научно-педагогическими кадрами. Первый – Политехнический институт – был создан в 1917 г., второй – Сельскохозяйственный – начал работу в феврале 1918 г. Многие ученые, оказавшиеся в это время на омских государственных должностях, стали сочетать министерскую работу с преподаванием. Не отказался от такой возможности и А. Оссендовский. В сентябре 1918 г. он был избран профессором Омского политехнического института, а спустя месяц стал обладателем профессорской должности в Омском сельскохозяйственном институте. В архивных фондах этих вузов

---

⁴⁴ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война... С. 253.

⁴⁵ РГВА. Ф. 39507. Оп. 1. Д. 50. Л. 16.

сохранилось много текущих хозяйственных и служебно-распорядительных документов за подписью А. Оссендовского: актов передачи оборудования на другие кафедры и в кабинеты, исключения из инвентарных книг утраченных или сломанных приборов, ходатайства А. Оссендовского о материальных компенсациях его сотрудникам и т. п.⁴⁶

Одним из первых достижений А. Оссендовского как работника вузов стали прием и размещение в Омске бывшей Томской агрономической лаборатории, которая до 1917 г. находилась в подчинении правительственного агронома Томской губернии. Министерство земледелия Временного Сибирского правительства 18 сентября 1918 г. согласилось передать эту лабораторию Омскому сельскохозяйственному институту. В Томск был командирован старший ассистент кафедры физики института Г. С. Ландсберг (будущий советский академик)⁴⁷. 5 октября 1918 г. он принял по двум описям имущество и библиотеку лаборатории, упаковал их и отправил в Омск. Спустя месяц, 5 ноября 1918 г. ректор Омского сельскохозяйственного института приказал профессору А. Оссендовскому «принять имущество Томской агрономической лаборатории», прибывшей в Омск, и «вступить временно, до организации кафедры органической и агрономической химии, в заведывание вышеуказанной лабораторией»⁴⁸. Выбор А. Оссендовского в качестве заведующего лабораторией был не случаен. За плечами омского профессора был опыт организации в Сибири двух научных лабораторий: в 1900–1901 гг. в Томском технологическом институте, где он фактически являлся главной рабочей силой по оборудованию лаборатории при кафедре физики; и в 1903–1904 гг., когда он создавал испытательную лабораторию Уссурийской железной дороги во Владивостоке. А. Оссендовский самым внимательным образом подошел к приемке имущества и оборудования лаборатории, которая в составе вновь созданной кафедры химии стала называться химической лабораторией Омского сельскохозяйственного института. Уже 19 ноября 1918 г. акт приема лаборатории

---

⁴⁶ ИСАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 6. Л. 54, 57–57 об., 59, 60, 61.

⁴⁷ Там же. Л. 3–3 об., 5–4 об., 8–9, 16, 19, 23–30 об. Ландсберг Григорий Самуилович – физик, участник «атомного проекта» СССР в 1940–1950-е гг. Академик АН СССР.

⁴⁸ ИСАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

был составлен и подписан ее новым заведующим. В дальнейшем А. Оссендовский завел особые инвентарную и материальную книги на имущество химической лаборатории⁴⁹. По отдельной описи в библиотеку Сельскохозяйственного института были сданы книги, которые А. Оссендовский получил из Томска как библиотеку агрономической лаборатории⁵⁰. По договоренности с Министерством финансов, которому принадлежало большое здание казенного винного склада в Омске, лаборатория была размещена 28 октября 1918 г. на территории этого склада. Понятно, что решение этого вопроса не обошлось без посредничества А. Оссендовского. Кроме того, как писал ректор Омского сельскохозяйственного института В. С. Титов, было принято предложение, что «для нужд Сельскохозяйственного ученого комитета Министерства земледелия в этой лаборатории проф. Оссендовский, состоящий членом этого ученого комитета, поведет работу по установлению стандартов сибирского хлеба». Возможно, по предложению А. Оссендовского, который преподавал и в Омском политехническом институте, химическая лаборатория аграриев стала базой подготовки студентов-политехников. Ректор В. С. Титов писал об этом так: «В минувший учебный сезон [1918–1919 гг. – А. П.] эта лаборатория временно, ввиду безвыходного положения Политехнического института, совершенно лишенная собственных лабораторий, была предоставлена для учебных занятий студентов Политехнического института»⁵¹. Вместе с лабораторией из Томска приехала ассистент К. Н. Керенская, которая как бы обеспечила преемственность в работе этого научного подразделения⁵². К. Н. Керенская и В. Н. Ручкин стали ассистентами А. Оссендовского по кафедре химии и его ближайшими помощниками в научной работе химической лаборатории.

А такая работа велась А. Оссендовским в масштабах, вполне достойных его профессорского звания. Обосновывая 23 января 1919 г. смету лаборатории на предстоящий год, А. Оссендовский писал, что она, кроме того что обеспечивает учебный процесс («правильное прохождение теоретического и практического

---

⁴⁹ ИсАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 6. Л. 31–31 об., 43–43 об., 46, 53.

⁵⁰ Там же. Л. 48, 56–56 об., 58.

⁵¹ Там же. Д. 15. Л. 38.

⁵² Там же. Д. 6. Л. 16–18.

курса химии»), «получила ряд... заданий: испытание каменных углей, воды, горного воска и некоторых руд, что, помимо обслуживания нужд населения, помогает изучению Сибири с точки зрения ознакомления с ее естественными ресурсами. Кроме того, лаборатория в лице ее руководителя наметила для работы: изучение химических и физических свойств сибирских хлебов и установление их стандартов; изучение влияния соли различного состава на засол рыбы; изучение соли, добываемой в Сибири и привозимой на ее сибирский рынок; изучение растительных масел сибирского рынка и проч.». Для выполнения всех этих исследовательских задач, подытоживал А. Оссендовский, «необходимо поставить лабораторию в такое положение, при котором она могла бы в это историческое время строительства новой России на рациональных практических началах вести свою деловую, научно обоснованную работу»⁵³.

29 апреля 1919 г. А. Оссендовский представил в Департамент земледелия Министерства земледелия подробный отчет о своей научно-исследовательской работе. Документ пестрит специальными химическими терминами. Есть смысл поэтому процитировать лишь основные его позиции. А. Оссендовский сообщает, что в лаборатории, обслуживавшей кафедру химии, «производились демонстрационные опыты по курсу неорганической и органической химии и практические занятия по курсу общей химии под моим руководством и руководством младшего ассистента по кафедре химии К. Н. Керенской». Но учебные занятия не были главным в работе лаборатории. «По моему предложению, – продолжает автор отчета, – мои ассистенты К. Н. Керенская и В. Н. Ручкин произвели химическое исследование питьевых вод г. Омска. Результаты этого исследования приложены в заготовленной В. Н. Ручкиным к напечатанию статье». Переходя к своим собственным научным результатам, А. Оссендовский сообщает следующее: «Мною закончены начатые в Петрограде исследования влияния соли различного состава на прочность засола рыбы... Эти выводы указывают на важное значение соляных стандартов. Работа приготовлена для печати». Однако круг научных интересов А. Оссендовского не сводился к вопросам прикладного характера – стандартизации пищевых продуктов (хлеба, соли и т. д.). Велись

---

⁵³ ИсАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 16. Л. 50.

исследования и в теоретической области, в частности, в вопросах изучения полимеров, что, по мнению автора отчета, представляло «значительный интерес в смысле сложных синтезов, идущих в природе»⁵⁴.

Занимая научный пост в Сельскохозяйственном институте, профессор А. Оссендовский несомненно с радостью отдался бы исследовательской работе. Но ему приходилось реагировать на совсем другие вызовы, в частности, на попытки своих коллег из правительства «потеснить» науку и высшую школу, отобрать у ученых помещения, сократить финансирование и т. п. Военные и чиновничьи круги все более бесцеремонно вели себя в отношении слабого и разрозненного интеллектуального сообщества белой Сибири. Первый удар по Сельскохозяйственному институту последовал в апреле 1919 г. В начале этого месяца ректору института приказали немедленно убрать с территории одного из зданий вуза – бывшего Сельскохозяйственного училища – располагавшуюся там лабораторию почвоведения, привезенную из Семипалатинска и руководимую ученым агрономом, бывшим членом Семипалатинской губернской земской управы Д. Н. Троицким. Явившийся к Д. Н. Троицкому заведующий лазаретом Американского Красного Креста объявил, что по решению правительства госпиталю передается все институтское здание (ранее американцы занимали лишь его часть)⁵⁵. За неделю до этого, 22 марта 1919 г. Семипалатинская следственная комиссия, вернувшись к старым обвинениям Д. Н. Троицкого в «большевизме» (в 1918 г. он сотрудничал с аграрными организациями советской власти), постановила считать его «большевиком» и послала в Омск требование об его аресте⁵⁶.

В создавшихся условиях А. Оссендовский не побоялся взять на себя роль защитника института. 4 апреля 1919 г. он направил письмо на имя всемогущего царедворца А. В. Колчака – Г. К. Гинса – с просьбой оставить лабораторию почвоведения на месте. Г. К. Гинс занимал тогда пост товарища (заместителя) министра иностранных дел, в ведении которого находились контакты с американскими организациями. Он сухо ответил на

---

⁵⁴ ИсАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 16. Л. 63–63 об.

⁵⁵ Там же. Д. 7. Л. 55.

⁵⁶ Там же. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 18, Л. 171–172 об.

обращение А. Оссендовского, написав ему и ректору института В. С. Титову, что выселение лаборатории из стен училища законно, распоряжения об этом «якобы были даны Военным ведомством» и просителям надлежит обращаться «с соответствующим ходатайством» в это ведомство⁵⁷. Заступничество А. Оссендовского не помогло, имущество лаборатории почвоведения было сложено в подвал здания и находилось там до завершения колчаковской эпопеи. Спустя несколько дней Д. Н. Троицкий был арестован, а через три месяца казнен колчаковской контрразведкой⁵⁸.

Буквально по пятам за этими событиями последовала еще более неприятная лично для А. Оссендовского ситуация, в которой он – профессор сразу двух институтов – оказался выставленным чуть ли не как главный повод насильственного объединения этих вузов.

25 марта 1919 г. ректор Омского сельскохозяйственного института получил от начальника Главного управления налогов и сборов предписание освободить помещение, занимаемое в казенном винном складе химической лабораторией А. Оссендовского. Винный склад понадобился властям в связи с принятием закона о «возобновлении казенной продажи питей». На спиртные напитки вновь (как в царские времена) вводилась государственная монополия, вся прибыль от их продажи должна была поступать в казну. Министр земледелия И. Н. Петров обратился к министру финансов И. А. Михайлову (в ведении которого находилось Главное управление налогов и сборов) с просьбой отменить распоряжение налогового ведомства и оставить лабораторию в покое⁵⁹. Последовал совершенно неожиданный ответ. И. А. Михайлов сообщил своему коллеге, что лучшим решением проблемы является объединение Политехнического института с Сельскохозяйственным, поскольку оба вуза близки «по характеру преподаваемых наук» и имеют почти один и тот же состав профессоров, а химическая лаборатория является «общей для обоих институтов». При этом главенствующими в будущем объединенном вузе, по мысли И. А. Михайлова, должны были стать позиции Политехнического института (в котором,

---

⁵⁷ ИсаОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 7. Л. 61, 62.

⁵⁸ Там же. Ф. Р-1617. Оп. 1. Д. 18. Л. 169.

⁵⁹ Там же. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 15. Л. 23–23 об.

заметим, сам И. А. Михайлов с октября 1918 г. являлся профессором по кафедре кооперации и финансовой политики)⁶⁰. И. А. Михайлов писал, что в предполагаемое объединение Сельскохозяйственный институт должен войти «в качестве не самостоятельного, изолированного учреждения, а как отдельный факультет Политехнического института»⁶¹.

Предложение И. А. Михайлова было встречено бурей негодования со стороны профессоров и преподавателей Сельскохозяйственного института. Им не составило труда вычислить, что (как сообщал ректор института министру земледелия) «в Сельскохозяйственном институте имеется всего один профессор, который считается и профессором Политехнического института – это А. М. Оссендовский». Что касается «лаборатории, общей для обоих институтов», то как писал ректор, «профессор А. М. Оссендовский полагает, что речь идет о заведующей им бывшей Томской агрономической лаборатории»⁶². Беспринципность И. А. Михайлова была хорошо известна в политических кругах Сибири. В данном случае он подставил под огонь критики репутацию своего подчиненного и друга А. Оссендовского.

Несмотря на протесты демократической печати⁶³ и общественности Сибири⁶⁴, несмотря на упорное противодействие представителей аграрного вуза на совещаниях по данному вопросу, слияние двух вузов все-таки состоялось⁶⁵. Новое учебное заведение получило название Сибирский институт сельского хозяйства и промышленности. Постановление о его учреждении было принято Советом министров 14 июля 1919 г., а 8 сентября 1919 г. А. В. Колчак утвердил положение об объединенном вузе⁶⁶. А. Оссендовский продолжал работу в нем до отъезда в эвакуацию в ноябре 1919 г.

По свидетельству Г. И. Клерже, А. Оссендовский эвакуировался из Омска с эшелонам Осведверха. Утром 14 ноября 1919 г.,

---

⁶⁰ [Информация] // Сиб. голос. 1918. 18 окт.

⁶¹ ИсАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 15. Л. 24–24 об.

⁶² Там же. Л. 37–38.

⁶³ Недоуменные вопросы // Заря. 1919. 1 мая. С. 2.

⁶⁴ ИсАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 15. Л. 47–53 об.

⁶⁵ Объединение Политехникума с Сельскохозяйственным институтом // Сиб. речь. 1919. 7 мая. С. 4 ; Слияние Омского политехнического и Омского сельскохозяйственного институтов // Там же. 9 мая. С. 4.

⁶⁶ ИсАОО. Ф. Р-492. Оп. 1. Д. 16. Л. 1 ; Д. 15. Л. 194.

за несколько часов до вступления большевистской армии в город, состав с беженцами ушел со станции Омск, навсегда увозя из Сибири Г. И. Клерже, А. Оссендовского и многих их друзей и сослуживцев. Г. И. Клерже вспоминал, что в районе станции Тайга их «совместное путешествие должно было прерваться, так как профессору А. М. Оссендовскому пришлось повернуть на север и отправиться в город Томск, где находилась его жена. Надо было взять ее с собою, и потом снова догнать в пути колонну Осведверха»⁶⁷. (По-видимому, речь шла о первой жене А. Оссендовского, Анне – дочери богатых русских купцов, с которой он развелся в начале 1920-х гг.).

Проделав затем невероятно сложный путь из захваченного большевиками Красноярска через Урянхай и Монголию в Китай, автор бестселлера «Звери, люди и боги» (в котором описывалось это вынужденное путешествие) появился в июне 1921 г. во Владивостоке, где на время установилось предпоследнее белогвардейское правительство России – Временное Приамурское правительство братьев С. Д. и Н. Д. Меркуловых. На несколько месяцев А. Оссендовский вновь стал секретарем Общества изучения Амурского края и совершенно неожиданно встретился в городе со своим бывшим патроном Г. И. Клерже, прибывшем в Приморье в качестве начальника Штаба атамана Г. М. Семёнова. Вскоре А. Оссендовский уехал в Шанхай, затем в Японию и Соединенные Штаты Америки. В конце 1922 г. российско-польский писатель, ученый и политик приехал на постоянное место жительства в Польшу.

А. Оссендовский не оставил нам ни строчки о своей сибирской эпопее 1918–1919 гг. – и в этом одна из его загадок. Он писал о жизни в Сибири до этого периода и о своем бегстве от красных после него – но ничего не рассказал читателям о событиях собственно «колчаковских» лет. Случайно ли такое? Ведь он вспоминал своих друзей, писал и Г. И. Клерже, и генералу П. Ф. Рябикову⁶⁸. Нигде и никогда А. Оссендовский не давал публичных оценок колчаковскому режиму, в делах которого принимал активное участие. Только однажды писатель позволил себе краткую характеристику ушедшей эпохи. В параграфе «Вместо предисловия» в первом польском издании книги «Звери,

---

⁶⁷ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война... С. 270.

⁶⁸ Там же. С. 271 ; ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 60 об. – 61.

люди и боги» он сказал о власти адмирала Колчака, «погубленного под влиянием монархистов и негодных министров»⁶⁹. Заметим, что ни в каких других изданиях книги таких строчек нет. Не из этого ли чувства некоторого сожаления Антоний Фердинанд Оссендовский отказывался от рассказа о сибирской странице своей удивительной биографии?

---

⁶⁹ *Ossendowski A. F. Przez kraj ludzi, zwierząt i bogów. Konno przez Azję Centralną. Warszawa, 1923. S. 9.*

магистр *Цезары ЗАВАДСКИЙ*
Академия гуманитарных наук
им. А. Гейштора (Пултуск)

Польские культурные автономии на территории Иркутского консульского округа в 1990–2011 гг. как фактор формирования национального сознания

Предпринята попытка проанализировать влияние польских культурных автономий на формирование национального сознания поляков, проживающих на территории Иркутского консульского округа. Дается краткая история и характеристика деятельности полонийных организаций в данном регионе в 1990–2011 гг.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, Полония, переселенцы, культурное наследие, национальное сознание.

- Кто ты?
- Я не знаю, но не переставай меня об этом спрашивать.

Майкл Ондатже «Английский пациент»

Начало польско-сибирской истории следует искать в конце XVI в. Уже в это время появились первые ссыльные. Главным образом это были пленные польско-российских войн, которые не приняли православия и не перешли на службу к царю. Переселенцев того периода чаще называли «литвой», чем «поляками». Тем не менее общий масштаб, продолжавшихся вплоть до середины XX в. переселений, как принудительных, так и добровольных, является огромным. До сегодняшнего дня это сказывается в совместной польско-сибирской истории. Невозможно найти сферу деятельности или место в Сибири, в которых поляки не оставили бы свой след. Стоит только назвать географические науки, торговлю, строительство Транссибирской железной дороги или медицину – заслуги поляков для развития сибирского

региона несомненны. Данный фактор также влияет на создание и деятельность современных полонийных¹ организаций.

Важным аспектом исследований в области национального сознания является уточнение, какие черты могут определять представителя той или иной нации, в нашем случае – поляка. Следует согласиться с критериями, содержащимися в «Уставе о репатриации»² и «Уставе о Карте поляка»³. С юридической точки зрения, лицом польского происхождения является лицо, которое считает себя принадлежащим к Польскому Народу и при этом:

- знает польский язык хотя бы на базовом уровне и считает его родным языком;
- знает и поддерживает польские традиции и обычаи;
- представит письменную декларацию принадлежности к Польскому Народу;
- докажет, что является поляком по национальности или имело польское гражданство, или что по крайней мере один из родителей, бабушка или дедушка, или же прабабушка и прадедушка были по национальности поляками или имели польское гражданство. Или же представит письменную справку от польской или полонийной организации, подтверждающую его активное участие в деятельности в пользу польского языка и культуры или польского национального меньшинства в течение по крайней мере последних трех лет⁴.

Профессор Варшавского университета Э. Новицкая в своих исследованиях, проводившихся в 1988 г., а затем повторенных в 1998 г. к обычаям добавляет еще католическое вероисповедание⁵.

---

¹ Полонийный – имеющий отношение к польской диаспоре за пределами Польши. – Прим. пер.

² Ustawa z dnia 9 listopada 2000 r. o repatriacji // Dz. Ustaw. 2004. № 53. Pozycja. 532.

³ Ustawa z dnia 7 września 2007 r. o Karcie Polaka // Там же. 2007. № 180. Pozycja. 1280.

⁴ Там же. См. также: Карта поляка // Посольство Польши в Москве. Консульские вопросы. URL: http://moskwa.msz.gov.pl/ru/consular_information/card_of_the_pole/ (дата обращения: 27.03.2013).

⁵ *Nowicka E.* Polacy czy cudzoziemcy?: Polacy za wschodnią granicą. Kraków : Nomos, 2000. 284 s. ; *Nowicka E., Łodziński S.* U progu otwartego świata: poczucie polskości i nastawienia Polaków wobec cudzoziemców w latach 1988–1998. Nomos, 2001. 188 s.

В связи с этим можно предположить, что формирующиеся после 1989 г. организации, сплачивающие поляков на востоке, объединяют лиц, которым, даже при отсутствии документального подтверждения польского происхождения, близок польский язык, культура, история и обычаи, в том числе связанные с католическими праздниками.

Несмотря на то, что в своих исследованиях автор статьи старается сосредоточиться на современном аспекте деятельности отдельных полонийных организаций, в данной работе будет предпринята попытка обратиться к их истории, так же как это сделала Э. Новицкая в своей работе, посвященной полякам за восточной границей⁶. Однако она сконцентрировала свое внимание на отдельных личностях и единичных случаях (например, жителях деревни Вершина Иркутской области).

Первые попытки объединения польской диаспоры в Сибири предпринимались еще в начале XX в. Одной из первых организаций было Польско-литовское общество «Огниво», основанное в Иркутске в 1907 г.⁷ Оно было создано как римско-католическое объединение, целью которого являлась помощь в понимании литургий, проводящихся на польском языке. Последующие годы были трудными для организаций национальных меньшинств. Несмотря на загнанную глубоко в подсознание и практически искорененную в период «сталинизма» «польскость»⁸, в 60-х гг. XX в. в Иркутске был создан клуб друзей Польши «Висла», основной задачей которого была популяризация польского языка. Следует заметить, что клуб «Висла» объединял лиц, которым, говоря в самых общих чертах, были близки польская культура и язык. Из интервью, которые проводились в 2011 г. с бывшими членами этого клуба, стало известно, что основной целью участников было прийти, встретиться в домашней обстановке, за чаем; почитать польскую прессу,

---

⁶ *Nowicka E.* *Polskość niejedno ma imię. Polacy za wschodnią granicą państwa polskiego // Inteligencja polska na Wschodzie. Teraźniejszość i perspektywy.* Warszawa, 2011. S. 34–53.

⁷ *Jakowiec P.* *Bajkalska polonia // Polacy w Buriacji.* Ulan Ude, 2000. Т. 3. S. 82.

⁸ В данном случае «польскость» означает любые проявления принадлежности к польскому народу. – Прим. пер.

поговорить о польском кино, обменяться польскими книгами. Клуб был также местом, где можно было проводить занятия по польскому языку. Постепенно люди начали интересоваться польским происхождением, хотя оно и не играло решающей роли для участия в деятельности клуба.

В действительности лишь с началом демократических перемен в Польше в июне 1989 г., исчезновением однопартийной системы, а также распадом СССР, стало возможным открыто говорить о своем прошлом. Все чаще люди пробовали отыскать свои корни. В российские католические приходы, в которых служили польские ксендзы, прибывали просьбы о помощи в поиске польских предков. Также и в клубе «Висла» находились заинтересованные в выяснении своего происхождения. Поляки пробовали встречаться, помогать друг другу в поиске документов, свидетельствующих о польских корнях. Наконец, началась интеграция лиц польского происхождения.

Таким образом, можно говорить о том, что с началом 1990-х гг. зародился процесс возникновения полонийных культурно-просветительных обществ, которые в результате последующих изменений получили статус культурных автономий, что позволило им осуществлять широкий спектр деятельности⁹. Кроме того, в 1992 г. был создан Конгресс поляков в России¹⁰, членами и основателями которого являются, помимо прочих, Польская культурная автономия «Огниво» в Иркутске и Национально-культурная автономия поляков г. Улан-Удэ «Наджея»¹¹. То есть можно сделать вывод о сознательном распространении польской культуры и науки, традиций и обычаев среди поликультурного сибирского общества. В сибирской

---

⁹ См.: *Kuczyński A. Syberia. 400 lat polskiej diaspory. Kraków : Kubajak. 2007. S. 528.*

¹⁰ Федеральная польская национально-культурная автономия «Конгресс поляков в России» – российская общественная организация, национально-культурная автономия, объединяющая региональные польские организации, расположенные на территории РФ, и представляющая интересы польского национального меньшинства на федеральном и международном уровне. См.: *Kongres Polaków w Rosji*. URL: <http://www.poloniarosji.ru/> (дата обращения: 27.03.2013). Прим. пер.

¹¹ «Наджея» (*польск.* – *nadzieja*) – надежда. – Прим. пер.

польской среде распространились понятия «вера» и «язык наших отцов».

Несомненным элементом признания существования поляков в Сибири стало создание в Иркутске польского консульского представительства. Поначалу территория Иркутского консульского округа была установлена в границах Восточной Сибири. Выбор Иркутска был продиктован несколькими причинами. Во-первых, Иркутск с 1796 г. был столицей Восточносибирской губернии (с которой первоначально почти полностью территориально совпадал Иркутский консульский округ), что до сегодняшнего дня определяет неформальный статус города. Во-вторых, город является обладателем одного из крупных международных аэропортов, большого количества учебных заведений, а также привлекательных для туризма окрестностей и возможностей с этим связанных. И, наконец, в-третьих, при выборе места для представительства не осталось без внимания лоббирование сильных полонийных организаций, находящихся на территории Иркутской области. Кроме того, в Иркутске и в Иркутской области проживает самая многочисленная польская диаспора за Уралом, насчитывающая около трех тысяч человек.

Далее обратим свое исследовательское внимание на полонийные организации, находящиеся в следующих субъектах ведения Иркутского консульского округа: Красноярский край, Иркутская область, Республика Бурятия. Конечно, в состав округа входят также Республика Тыва и Забайкальский край, но на этих территориях деятельность полонийных организаций была или является незначительной. Поэтому в первую очередь проанализирована деятельность Красноярской региональной национально-культурной автономии «Дом польский», Польской культурной автономии «Огниво» (Иркутск) и Национально-культурной автономии поляков г. Улан-Удэ «Наджея». Хронологическими рамками исследования намеренно выбраны 1990–2011 гг. Нижняя граница – это начало деятельности одной из старейших полонийных организаций «Огниво», а верхней является 2011 г., когда произошло расширение Иркутского консульского округа до двух азиатских субъектов Российской Федерации – Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Попробуем рассмотреть (работа в качестве консульского чиновника¹² дает нам такое право), деятельность полонийных организаций в сфере сохранения польского национального самосознания через призму критериев, определенных в «Уставе о Карте поляка» и «Уставе о репатриации».

В качестве первого, но не единственного критерия принадлежности к польскому народу, в вышеназванных документах используется языковой. Исследуемые организации занимаются обучением польскому языку. Обычно занятия проводятся по принципу языковых школ выходного дня. При этом обучение проходит также вечерами в будние дни, иногда организуются летние или зимние школы польского языка и культуры. Чаще всего занятия ведут местные преподаватели, ранее окончившие методические курсы в России (главным образом, проводящиеся полонийной организацией в Абакане¹³) и в Польше. Случается, что организация приглашает для работы преподавателя польского языка и культуры из Польши. До настоящего времени преподаватели – носители языка – были приглашены в три главных восточносибирских центра – Иркутск, Красноярск и Улан-Удэ. В связи со сложностями приглашения преподавателя непосредственно для полонийной организации, бывает так, что его функции исполняет лектор, приезжающий на работу в университет, как, например, в случае с Улан-Удэ и Красноярском. Дети и молодежь имеют возможность выезжать в языковые лагеря в Польшу. Помимо этого полонийные организации в сотрудничестве с консульством и польскими университетами проводят летние и зимние языковые школы. В рассматриваемый период такие были открыты при организациях в городах Улан-Удэ, Иркутск и Красноярск.

Следует добавить, что вышеупомянутые преподаватели являются для сибирских поляков также «сокровищницей знаний» о польских традициях и обычаях. Зачастую помимо классических

---

¹² Автор в 2008–2011 гг. занимал пост вице-консула Генерального Консульства Республики Польша в г. Иркутске. В его служебные обязанности входили в том числе: работа с представителями польской диаспоры; выполнение заданий, связанных с Картой поляка, репатриацией, научным и культурным обменом.

¹³ Курсы проводит Культурно-национальная общественная организация «Полония» Республики Хакасия.

языковых занятий они знакомят слушателей с польской историей, культурой и обычаями, принятыми в Польше. В зависимости от возможностей организаций, прежде всего финансовых, их культурная деятельность часто не выходит за границы скромных праздников «для избранных». Нередко члены организации сами выбирают, с каким старопольским обычаем они желают познакомиться, или что они хотели бы показать более широкому кругу. Превосходным примером является обряд «Утопление Мажанны»¹⁴, регулярно организуемый иркутским «Огнивом». Не следует также забывать о популяризации польского кинематографа, например, «Неделя польского кино в Улан-Удэ»¹⁵ или участие в фестивалях национальной песни в России и Польше.

Национальное сознание обращается к сильному чувству исторической принадлежности к данной нации. Его формирует убеждение в общем происхождении. Подобным образом и с юридической точки зрения неотъемлемым аспектом принадлежности к польской нации является доказательство – в этом случае при помощи документов – своего польского происхождения. В уставных документах практически всех рассмотренных полонийных организаций имеется запись о проведении исследований, касающихся истории жизни и деятельности поляков, пребывающих на территории деятельности организации. Технически эти поиски проводятся по следующим схемам. Во-первых, как единичные запросы заинтересованного лица в архивные учреждения как России, так и Польши. Наиболее частым адресатом являются государственные архивы, однако нередко организации контактируют и с польскими приходами. Кроме того, сама организация как совокупность людей, принадлежащих к ней, занимается изучением истории поляков в регионе. В качестве примера можно привести научную деятельность и издания

---

¹⁴ Старопольский обычай «Утопление Мажанны», соломенной куклы, которая олицетворяет зиму, совершается в четвертое воскресенье Великого поста и символизирует проводы зимы и приход весны. Соломенную куклу, одетую в белое полотняное платье, белые бусы и белые ленты, в деревнях носят по домам, а затем снимают с неё наряд и разбрасывают по полю. Иногда куклу поджигают и бросают в воду. – Прим. пер.

¹⁵ Неделя польского кино в Улан-Удэ // Новая Бурятия. URL: <http://www.newbur.ru/news/2298> (дата обращения: 20.04.2013).

«Наджей» в Улан-Удэ, выпускающей в двух языковых вариантах – польском и русском – научно-популярный альманах «Поляки в Бурятии»¹⁶, а также проведение научных симпозиумов, конференций и выставок, например, открытая в г. Улан-Удэ Генеральным консулом Польши в Иркутске. П. Марциняком выставка «Поляки – исследователи Сибири» в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова в 2008 г. Красноярский «Дом Польский» и Иркутское «Огниво» имеют также свои интернет-сайты¹⁷.

Разумеется, к деятельности по формированию национального самосознания можно еще добавить культивирование религиозных традиций. Особенного внимания заслуживает ходатайство «Огнива» направить для духовной опеки ксендза из Польши (1990 г.). Оно дало свои результаты, и пастырская работа в польском костеле Иркутска возобновилась. Благодаря активной деятельности членов организации и харизме приходского ксендза Игнатия Павлуса г. Иркутск в 1991 г. был выбран резиденцией Иркутской католической епархии¹⁸.

Упущение из виду некоторых аспектов работы полонийных организаций, таких как, например, организация спортивных соревнований, обусловлено тем, что целью данной статьи является не акцентирование внимания на всех видах деятельности изучаемых культурных автономий, а представление сильной позиции потомков польских переселенцев, проживающих в Сибири, которая во многом обусловлена действиями их автономий.

---

¹⁶ См., например: Поляки в Бурятии. Т. 3. Улан-Удэ : ВСГТУ, 2003. 256 с. В сборнике содержатся материалы о возникновении польской диаспоры в Забайкалье, о Ю. Талько-Гринцевиче и др. ; Поляки в Бурятии. Т. 5. Улан-Удэ : БГУ, 2005. 246 с. В сборник вошли статьи о сибирской ссылке поляков, помещены фрагменты из книги Ф. Чечерского, приводятся списки репрессированных на территории Бурятии.

¹⁷ См.: Дом Польский : Краснояр. регион. нац.-культур. автономия. URL: <http://www.dompolski24.ru/> (дата обращения: 27.03.2013) ; Огниво : Иркут. пол. культур. автономия. URL: <http://www.ogniwoirk.ru/ru/story.php> (дата обращения: 27.03.2013).

¹⁸ Епархия Святого Иосифа в г. Иркутске – епархия Римско-католической церкви, имеющая центр (кафедру) в Иркутске. Самая большая по площади католическая епархия в мире. К территории епархии относятся регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока. – Прим. пер.

Не пытаясь принизить важность знания польского языка или записи о польском происхождении, следует подчеркнуть, что россияне, являясь людьми действия, уже само активное участие в жизни автономии рассматривают в качестве основы для определения «поляк». Разумеется, такая инициатива не остается незамеченной польским законодательством, потому что лица, претендующие на Карту поляка, свое происхождение могут обосновать активной деятельностью в пользу польского народа.

Список сокращений

- PAN – Polska Akademia Nauk [Польская академия наук]
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
БГУ – Бурятский государственный университет
БД – база данных
ВАК – Высшая аттестационная комиссия
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСГТУ – Восточно-Сибирский государственный технологический университет
ВСНХ – Всероссийский совет народного хозяйства
ВУА – Военно-учебный архив
ГААК – Государственный архив Алтайского края
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАКО – Государственный архив Курганской области
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАТО – Государственный архив Томской области
ГПНТБ СО РАН – Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук
ГПУ – Государственное политическое управление
гр. – греческий
ГУТО ГАТ – Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
ДИП – документально-информационный поток
ИИГСО НГПУ – Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета
ИГУ – Иркутский государственный университет
ИсАОО – Исторический архив Омской области
ИЭС – Историческая энциклопедия Сибири
КВЖД – Китайско-Восточная железная дорога
лат. – латинский
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ СССР – Министерство государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик

НГАСУ – Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
ПАН – Польская академия наук
ПВК – Польский военный комитет
польск. – польский
ПНК – Польский национальный комитет
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИНЦ – Российский индекс научного цитирования
РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
рум. – румынский
РФ – Российская Федерация
Сибистпарт – Сибирская комиссия по изучению истории коммунистической партии
СМИ – средства массовой информации
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
Транссиб – Транссибирская железная дорога
УВД – Управление внутренних дел
УК – уголовный кодекс
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ЦЕНТРОЭВАК – Центральное управление по эвакуации населения
ЦК – Центральный комитет

Научное издание

**SIBIRICA – история поляков в Сибири
в исследованиях польских и российских ученых**

*Сборник научных трудов
по итогам польско-российских научных семинаров
(Варшава – Пултуск, 1–15 сентября 2012 г. ;
Новосибирск, 8–22 октября 2012 г.)*

Редактор *Р. К. Суханова*
Библиографический редактор *В. В. Рыкова*
Художественный редактор *Н. Ф. Починкова*
Корректор *А. С. Бочкова*
Верстка *Н. А. Айгарова*
Оформление обложки *Т. В. Зубаилова*

Подписано в печать 01.11.2013. Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Печ. л. 17,8. Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 180 экз. Заказ № 228.

Редакционно-издательский отдел ГПНТБ СО РАН.
630200, Новосибирск-200, ул. Восход, 15. E-mail: rio@spsl.nsc.ru

Полиграфический участок ГПНТБ СО РАН.
630200, Новосибирск-200, ул. Восход, 15.

С34 **SIBIRICA** – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых : сб. науч. тр. по итогам пол.-рос. науч. семинаров (Варшава – Пултуск, 1–15 сент. 2012 г. ; Новосибирск, 8–22 окт. 2012 г.) / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук, Гос. публич. науч.-техн. б-ка ; Фонд поддержки науки «Касса им. Ю. Мянковского» (Варшава) ; Акад. гуманитар. наук им. А. Гейштора (Пултуск) ; отв. ред. И. С. Трояк. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2013. – 280 с.

ISBN 978-5-94560-240-3

Сборник содержит статьи польских и российских ученых – участников цикла научных семинаров «SIBIRICA – история поляков в Сибири в исследованиях польских и российских ученых», которые были организованы «Кассой им. Юзефа Мянковского» – Фондом поддержки науки (Польша) и ГПНТБ СО РАН при поддержке Центра польско-российского диалога и согласия. Семинары проходили в научных и научно-образовательных учреждениях Варшавы, Пултуска и Новосибирска.

Основное внимание в рамках семинаров уделялось обсуждению вклада польских и российских ученых в изучение истории поляков в Сибири, вопросов методологии, источниковой и историографической базы, рассматривались книговедческие и библиографические аспекты данной проблематики.

Для специалистов, занимающихся исследованием истории пребывания поляков в Сибири.

УДК 94(571.1/5)(=162.1)(082)

ББК 63.3(253)(=415.3)я431

SIBIRICA – history of the Poles in Siberia in research of the Polish and Russian scientists: collection of sci. articles the results of the Pol.-Russ. sci. seminars (Warsaw – Pultusk, 1–15 Sept. 2012 ; Novosibirsk, 8–22 Oct. 2012) / Siber. Branch of Russ. Acad. of Sciences, State Publ. Sci.-Technol. Libr. ; Józef Mianowski Fund. A Foundation for the Promotion of Science ; Pultusk Acad. of Humanities ; Ed.-in-chief I. S. Troyak. – Novosibirsk : SPSTL SB RAS, 2013. – 280 p.

ISBN 978-5-94560-240-3

The collection contains articles by Polish and Russian scientists – members of a cycle of scientific seminars «SIBIRICA – history of the Poles in Siberia in research of the Polish and Russian scientists» organized by (Poland) and the SPSL SB RAS with support from the Polish-Russian dialogue and agreement center. The seminars were held in the scientific and educational institutions in Warsaw, Pultusk, and Novosibirsk.

The focus of the seminar was paid to the contribution of Polish and Russian scientists in studying of the history of Poles in Siberia, problems of methodology, the sources and historiographical framework, bibliographic and bibliographic aspects of this problem.

For professional engaged in researching the history of the Poles in Siberia.